

АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Кафедра философии и культурологии

На правах рукописи

Чинкин Игорь Ревкатович

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРУДА И ПОТРЕБНОСТЕЙ В ДИНАМИКЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
– проф., д.ф.н. Филиппов В.Н.

Барнаул – 2010

Содержание

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические основания исследования социальной обусловленности потребностей человека в труде	11
1.1 Основные социально-философские подходы к исследованию труда и потребностей	11
1.2 Социальный смысл потребностей человека	31
1.3 Роль труда в реализации потребностей человека.....	50
Глава 2 Динамика взаимосвязи труда и потребностей в системе общественных отношений.....	72
2.1 Социальная обусловленность общественного объединения труда.....	72
2.2 Основные подходы к анализу взаимосвязи труда и капитала	95
2.3 Специфика взаимосвязи труда и потребностей человека в динамике социально-экономических отношений	115
Заключение.....	139
Список литературы	145

Введение

Актуальность исследования. Взаимосвязь труда и потребностей человека проходит через всю историю человечества, вначале неосознанно, а затем это отношение всё более глубоко осмысливается на основе бытовых, философских и научных знаний. Потребности человека определяются его физиологическими, психологическими и социальными нуждами. На ранних этапах эволюции, в присваивающую эпоху, удовлетворение потребностей людей осуществлялось преимущественно за счёт ресурсов природы. Но по мере усложнения общественной жизни, накопления социальных знаний и богатств закономерно нарастали и потребности людей, а их удовлетворение уже не могло идти за счёт естественных ресурсов природы и труда человека, добывающего эти готовые ресурсы. На первый план вышел труд производительный, а эпоха присвоения ресурсов перешла в производящую эпоху, в которой материальный продукт стал целенаправленно создаваться за счёт совершенствующихся способов материального производства.

Особую роль в развитии труда и потребностей человека сыграла эпоха капитализма, пришедшая на смену длительно существовавшему натуральному хозяйству. Особенностью капитализма стал промышленный технико-технологический переворот, с помощью которого человек подчинил себе мощные природные силы (пара, воды, электричества и пр.). За счёт энергетически мощных технологий началось серийное производство товаров массового потребления, которое дало толчок новым циклам взаимодействия потребностей и труда на более сложной основе. Развитие технологий стимулировало производство всё более разнообразных товаров, а эти последние, в свою очередь, вели к нарастанию потребностей людей.

В посткапиталистическую эпоху XX–XXI веков эта усложнённая взаимосвязь труда и потребностей привела к качественно новым преобразованиям и общества, и самого человека. Мощный научно-технический прогресс, наступивший во вторую половину XX века, соединённый с информационными силами и технологиями, сформировал так называемое общество массового

потребления с безудержно нарастающими потребностями. А сам человек при этом превратился в «машину потребления». Неограниченный рост потребностей в настоящее время инициирует рекламный бизнес, пронизывающий большинство средств массовой информации. Человек всё чаще становится рабом своих потребностей, а удовлетворять их он желает без приложения своего труда. В результате резко нарастает дисбаланс между потребностями, возможностями людей и их трудовым вкладом в развитие общества. Увеличиваются ненормальные желания части людей получать всё, не создавая ничего.

Современное производяще-потребляющее общество дифференцировалось на ряд социальных слоёв, полярными из которых стали, во-первых, сверхбогатый слой, владеющий основными средствами производства и финансово-банковским капиталом, а, во-вторых, значительно возросла часть населения с небольшими доходами, занятая в производстве, сфере обслуживания и потребляющая значительную часть массового социального продукта. Сформировались крайние полюса владения собственностью, накопления богатств и власти, с одной стороны, и низшие трудовые слои, а также маргинальные и даже криминальные слои – с другой. Остро встала проблема, связанная с пониманием того, какие есть и должны быть потребности современного общества, также что представляет собой труд в данном обществе. Актуализировались философские и научные вопросы о том, какие новые характеристики приобретают эти феномены в современной общественной жизни.

В связи с актуальностью проблемы труда, потребностей, а также их взаимосвязей в современном обществе выбрана тема данной диссертационной работы.

Степень разработанности темы. Труд и потребности человека являются предметом изучения разных исследовательских областей: социальной философии, экономики, социологии, психологии и др.

Потребности и труд людей всегда составляли основу их жизни, соответствующие знания закрепились в традиционной культуре народов в виде

сказок, былин, пословиц, поговорок и пр. Начиная с древних цивилизаций отмеченные феномены становятся предметом внимания философской мысли. Соответствующие высказывания о труде встречаются у Гесиода, Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпикура. В это же время предпринимаются попытки разграничения потребностей человека. Позднее внимание к предмету труда и потребностей имеет место в эпоху Возрождения, при этом в западной традиции различается отношение к труду у высших и низших слоёв общества. Физический труд, начиная с рабского, считался низким и презренным. Высшие слои признавали только творческий духовный труд и управленческую деятельность. Поэтому в сочинениях Т. Мора, Т. Кампанеллы и других труд представал как тяжёлое, но вместе с тем, неизбежное для большинства людей бремя, необходимое для удовлетворения насущных потребностей человека и общества. Одновременно начинали осмысливаться потребности как источник действий людей.

Сдвиг в развитии представлений о потребностях произошёл в русле материалистического направления европейской философии Нового времени. Ф. Бэкон рассматривал понятие «потребность» как связующее звено в процессе формирования общественных отношений. Человеческие потребности рассматривались в трудах материалистов-просветителей (Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах), где влияние потребностей на процесс формирования общественных отношений трактовалось с позиции «разумного эгоизма».

Постепенно формировался научный подход к изучению труда как процесса и деятельности. Началось обоснование понятия «труд». Значительный вклад в данную проблему внесли У. Петти и А. Смит. Ими доказывается, что труд является основной движущей силой общественного развития. В философии Г. Гегеля труд рассматривается как «всеобщая субстанция человеческого бытия», практический способ реализации сознания, форма самоосуществления человека. В понимании Г. Гегеля труд рассматривается широко и включает все возможные виды человеческой активности: от рутинной работы до занятий искусством или наукой. В творчестве Гегеля впервые в философии

снимается противопоставление материальной и интеллектуальной деятельности. Этот философ также исследовал и проблему потребностей. Он утверждал факт существования потребностей и их «природный» характер, определил место и роль потребностей в человеческой деятельности.

Идеи Г. Гегеля развивали К. Маркс, который больше внимания уделял труду, и М. Вебер, который исследовал проблему потребностей. К. Маркс связывал труд со способами материального производства, частной собственностью, трудовой стоимостью, исследовал взаимосвязь труда и капитала и по существу включил данные проблемы в философско-экономическую теорию.

Трудовая деятельность рассматривается в работах современных учёных Р. Арона, Д. Белла, П. Дракера, Г. Маркузе, Э. Фромма и др. Весомый вклад в изучение труда и потребностей внесли В.Л. Иноземцев, Т.М. Михайлова, Ю.И. Семёнов, Ю.В. Табакаев и др. Исследование труда и потребностей происходит в направлениях философии жизни, экзистенциализма, персонализма, неомарксизма и др.

Проблеме классификации человеческих потребностей посвящены работы зарубежных и отечественных исследователей Ж. Бодрийяра, А. Маслоу, Г. Мюррея, К. Обуховского, К. Левина, А.Н. Леонтьева и др.

Взаимосвязям труда и потребностей посвящены работы И.И. Чангли, В.Н. Филиппова, В.А. Каменецкого, В.П. Патрикеева.

Однако многие аспекты взаимосвязи труда и потребностей человека освоены не одинаково глубоко. Недостаточно изучены вопросы преодоления отчуждения труда, особенностей управленческого труда, содержания потребностей человека в труде, дифференциации потребностей и т.д. Требуется дальнейшего изучения специфика формирования потребностей в условиях трансформации материально-экономических и трудовых отношений.

Указанные проблемы определили тему нашего диссертационного исследования.

Объект исследования: труд и потребности в антропосоциальной жизни.

Предмет исследования – взаимосвязь труда и потребностей в общественной жизни человека.

Цель диссертационного исследования – осуществить социально-философский анализ взаимосвязи труда и потребностей человека как основы общественной жизни.

В соответствии с предметом и целью поставлены следующие **задачи**:

1. Провести анализ содержания понятий «потребность», «труд», «капитал».
2. Исследовать изменение потребностей человека в процессе развития общества.
3. Изучить место и роль труда в процессе удовлетворения потребностей человека.
4. Представить социально-философскую характеристику трудовых отношений.
5. Осуществить социально-философскую рефлексию научных подходов к исследованию взаимосвязи труда и капитала.
6. Выявить специфику взаимосвязей труда и потребностей человека в современной общественной жизни.

Методологическая основа диссертации представлена диалектическим методом. К анализу проблемы взаимосвязи труда и потребностей человека в системе общественных отношений применены деятельностный, структурно-функциональный и системный подходы.

Применены философские принципы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного, всесторонности, объективности, целостности рассмотрения предмета.

Теоретическую основу диссертации составили:

- 1) законы диалектики (Платон и Г. Гегель);
- 2) законы исторического материализма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин);
- 3) концепция человекотворческой функции труда (К. Маркс);

- 4) концепция свободы и необходимости хозяйственной деятельности (С.Н. Булгаков);
- 5) теория творческого характера труда в постиндустриальном обществе (Д. Белл, В.Л. Иноземцев);
- 6) концепция специфичности управленческого труда и его отделения от «труда вообще» (В.И. Ленин);
- 7) теория социального управления (Ф. Тейлор, Г. Эмерсон, П. Дракер).

В работе использованы **методы** индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнения, аналогии, экстраполяции, дифференциации и интеграции, концептуализации.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Выявлены особенности взаимосвязи труда и потребностей человека и общества в разные исторические эпохи и показана её специфика в современных условиях.
2. Предложена авторская классификация потребностей человека.
3. Сформулировано социально-философское определение категории «труд», отражающее его деятельностный характер и социально-организационную специфику.
4. Выявлена специфика управленческого труда и обоснована его роль в системе общественных отношений.
5. Обоснована необходимость введения наряду с понятием «общественное разделение труда» понятия «общественное объединение труда», которые в совокупности отражают процессы дифференциации и интеграции трудовых отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Труд – это индивидуально-социальная деятельность по преобразованию ресурсов природы и общества в материальные, духовные и социально-организационные блага, необходимые для удовлетворения потребностей человека и общества. Труд может носить созидательный или разрушительный

характер в зависимости от вектора социальной деятельности и ценностных ориентаций общества.

2. По характеру воздействия на социальные и природные процессы потребности людей можно разделить на развивающие (биосферно допустимые, оптимальные) и деградиционные (экстремальные) потребности. В условиях современной цивилизации массив деградиционных потребностей возрастает.

3. Потребность человека в труде относится к развивающему виду потребностей. Её полноценная реализация на базе принципов культуросообразности, природосообразности и человекомерности способна обеспечить поступательное развитие человека и общества.

4. Характер взаимосвязи труда (разделённого и обобщённого), капитала (в информационной и вещной формах) и соответствующих потребностей человека определяет сложную динамику современной общественной жизни.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что идеи и выводы диссертации способствуют углублению социально-философского понимания категорий «труд» и «потребность», а также взаимосвязи труда и потребностей человека в динамике современной общественной жизни. Социально-философский анализ данных категорий вносит вклад в разрешение мировоззренческих и аксиологических проблем современного общества. Исследование представляет теоретический материал для прогнозирования социально-трудовых процессов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов диссертации в управлении социальными процессами на государственном и муниципальном уровнях, в работе общественных организаций (профсоюзных, экологических и т.п.), а также при чтении общих и специальных курсов по социальной философии, экономике труда, социологии труда, теории управления социальными процессами, экономической теории.

Апробация работы. Результаты исследования прошли апробацию на трёх международных и пяти всероссийских конференциях. Международные научно-практические конференции: «Актуальные проблемы науки в России» (Самара, 2007), «Актуальные проблемы науки в России» (Кузнецк, 2007), «Гарантии качества высшего профессионального образования» (Барнаул, 2008). Всероссийские конференции: «Проблемы духовного развития России: история и современность» (Барнаул, 2007), «Интеллектуальный потенциал учёных России» (Барнаул, 2007, 2008), «Философия, методология, история знаний» (Барнаул, 2008), «Ценности современного менеджмента» (Манитогорск, 2009). Выводы диссертации обсуждались на заседаниях «круглых столов» Алтайского отделения Философского общества РФО РАН (Барнаул, 2006, 2008). Результаты исследования нашли отражение в 8 научных статьях, а также в вузовском учебно-методическом пособии «Основы предпринимательства».

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, включает введение, две главы, заключение, список литературы.

Глава 1 Теоретико-методологические основания исследования социальной обусловленности потребностей человека в труде

1.1 Основные социально-философские подходы к исследованию труда и потребностей

Социальный характер бытия, трудовой и познавательной деятельности человека предполагает постоянное общение индивидов между собой. Основной формой человеческого общения является общение посредством знаков языка, т.е. речевое общение. Речевое общение, способное наладить сложную, богатую и разнообразную социальную деятельность людей, должно быть адекватно этой деятельности и окружающему миру – обслуживать все сферы общественного бытия, быть содержательным и мобильным. Являясь основным средством общения, язык в развитии человечества является также и важнейшим инструментом познания. Поэтому, каждый научный термин, чаще всего имеет этимологическую составляющую слова, его обозначающего. Этимологическая составляющая, особенно на этапе становления науки, могла оказывать значительное влияние на понимание исследуемых явлений. В связи с этим, в начале нашего исследования считаем необходимым обратиться к этимологии слов потребность и труд.

Большая Советская энциклопедия гласит: «Потребности – нужда или недостаток в чём-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом; внутренний побудитель активности...» [19].

Как видим, описание слова «потребность» идёт через слово «нужда». Аналогично идёт описание и в словаре старославянского языка: «*Потрѣба*, 1. потребность, надобность, нужда. 2. Быть на пользу» [16, с. 489]. Как видим, современное слово «нужда» фигурирует в данном определении как одно из ключевых, и, поэтому, возникает необходимость рассмотреть этимологию и этого слова.

«*Нжжда, Ноужда*, 1. насилие, принуждение,... 2. надобность, необходимость,... 3. страдание» [16, с. 387]. Акцент на насилие, принуждение со-

храняется и в производных этого слова: «*Нжждьникъ, Ноуждъникъ, насильникъ*» [16, с. 387]. «*Нжждень, Ноуждень*, 1. насильственный, 2. быть взятым силой, 3. необходимый, нужный» [16, с. 387]. На этом акцент на насилие не заканчивается: производное от «*Потрѣба*» слово «*Потрѣбити*» означает: истребить, уничтожить, погубить [16, с. 490].

Иностранные языки, для обозначения понятия «потребность» используют разные слова, но есть одна закономерность в английском – *necessity*, в испанском – *necesidad*, во французском – *nécessité*, в итальянском – *necessità*. Как можно понять, все эти слова произошли от общего корня, который находится в латинском языке:

«*necessitas, atis f [necesse]*»

- 1) необходимость, неизбежность (*n. fatalis C*); принуждение (*necessitatem alicui imponere или afferre C*): *ex necessitate, non ex voluntate Dig* по необходимости, а не по доброй воле; *parere (servire) necessitati C* покориться необходимости; *necessitate coactus C (permotus Cs)* вынужденный необходимостью (под давлением необходимости); *n. gaudendi PJ* притворное веселье; *facere de necessitate virtutem погов. Hier* делать из необходимости добродетель; *n. temporis Cs или necessitates majores L* чрезвычайные обстоятельства, крайняя необходимость; *ultima (suprema, extrema) n. T, Sl, Sen, QC* последняя неизбежность, *m. e.* смерть;
- 2) обязательная сила, нерушимость, незыблемость, неприкосновенность (*n. ac religio L*);
- 3) непрекаемая власть (*sanguinis paterni C*);
- 4) *pl.* потребности, нужды (*suarum necessitatum causa Cs; indicare populo publicas necessitates L*);
- 5) нужда, бедность, скудость (*fames et ceterae necessitates Su*);
- 6) редко тесная связь, близкие отношения, дружба или родство (*necessitatem violare C*)» [20].

Но в английском языке более распространённым, является слово «*need*», с которым тоже всё не так уж просто:

«*Need* (n.) O.E. *nied* (W.Saxon), *ned* (Mercian) «necessity, compulsion, duty,» originally «violence, force,» from P.Gmc. **nauthis* ... probably cognate with O.Pruss. *nautin* «need,» and perhaps with O.C.S. *nazda*, Rus. *nuzda*, Pol. *nedza* «misery, distress,» from PIE **nau-* «death, to be exhausted» [181]. (*Need* (n). Староанглийское *nied* (Западно-Саксонский диалект), *ned* (Мерсианский диалект) «потребность, принуждение, обязанность», первоначально «насилие, сила», от Протонемецкого **nauthis* ... вероятно родственный со Старопрусским *nautin* «потребность», и возможно с Церковно-Славянским *нажда*, Русским *нужда*, Польским *nedza* «страдание, бедствие», от Протоиндо-Европейского **nau-* «смерть, быть опустошённым», – перевод наш).

Таким образом, во многих языках слово «потребность» определяется через слово, обозначающее страдание, насилие и даже смерть. В некотором смысле, это подчёркивает важность данного слова в жизни общества, так как получается, что неудовлетворение или удовлетворение различных потребностей может привести к смерти как человека в отдельности, так и общества в целом.

Не менее интересна этимология слова «труд».

Практически во всех индоевропейских языках, слово «трудиться» первоначально означает «остаться без родителей», т.е. быть обречённым на нужду, тяжёлое существование, мучение, тяготы, повинность, боль, трудность (например, немецкое «*arbei*», готское «*arbas*», французское «*travail*», латинское «*labor*») [105, с. 11]. В английском языке слово «*labour*» также означает усилие, жизненные заботы, состояние изнурения, тревоги, страдания и даже родовые муки [3, с.559; 175, с.343]. Французский исследователь Альфред Котта утверждает, что «слово труд происходит от *tripallium* – «орудие пыток» [72, с.41].

В современном русском языке есть несколько слов близких по значению: труд, работа, дело.

Труд – 1. Целесообразная *деятельность* человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценно-

стей. 2. *Работа, занятие*. 3. Усилие, направленное к достижению чего-нибудь. 4. *Результат деятельности, работы, произведение* [117].

Работа – 1. Процесс превращения одного вида энергии в другой (спец.); вообще нахождение в действии. 2. *Занятие, труд, деятельность*. 3. Служба, занятие как источник заработка. 4. *мн.* Производственная деятельность по созданию, обработке чего-нибудь. 5. *Продукт труда, готовое изделие* [117].

Дело – 1. *Работа, занятие, деятельность*. 2. Сфера знаний, деятельности, работы. 3. *То же, что предприятие* [117].

Как видно, все эти слова, по сфере своего применения очень схожи, и все, так или иначе, определяются через «деятельность». При этом слова «труд» и «трудно», «работа» и «раб» (*подневольный* работник), являются однокоренными.

В целях более полного понимания терминологии обратимся к старославянскому словарю.

Троудъ (*Оу* в старославянском читалось как «У» [16, с. 56]) – 1. Усилие, труд. 2. Плоды, результаты труда, усилий. 3. Аскетическая жизнь, (мученический) подвиг. 4. Затруднение, трудность, беспокойство [16, с.702].

Работа – рабство, неволя [16, с.563], но при этом *Работаниѣ* – служба, служение [16, с.563], что уже само по себе наводит на размышления, так как служба не является рабством в современном понимании этого слова.

Дѣло – 1. Дело, поступок. 2. Работа, занятие, деятельность.

Как видно, в старославянском языке слово «работа» имеет резко отрицательную нагрузку, в отличие от слов «труд» и «дело». Но «ведисты» – поклонники Всеясветной грамоты – утверждают, «что Великое Слово «Раб» – это Ра-Солнце, «Б» – Божественного уровня и нельзя употреблять это Слово в значении «невольник». А если что-то добротнo, с душой сделано, то в восхищении восклицали: «Справно сработано», не называя это трудом, так как слова «труд», «труп», «труха», «трутень» можно использовать только для обозначения калечения чего-то» [37]. Но в такой трактовке смысла слова труд, возникает смысловое противоречие, так как в старославянском словаре есть

статья «Троух Пс 77, 46 Син см. *Троудъ*» [16, с. 703], что говорит об изначальной синонимичности слов «труд» и «труха», а слово «трутень» очень близко по своему звучанию со словом *Троуднь* – трудный, тяжёлый [16, с. 703], и, видимо, только значительно позднее слово «труден» (графема «ь» произносится как безударное «е» [16, с. 57]) трансформировалось в «трутень» и обрело своё современное значение. Также необходимо отметить, что у многих народов, в том числе и у славян, было понятие «Ра» – Солнце, также известно, что Волгу называли Ра-рекой. В Египте был Бог Амон-Ра. Но, в отличие от ведистов, «Велесова книга» при перечислении потомков «Сварога – старшего бога Рода божьего» [82, с. 283], не упоминает бога по имени Ра. Соответственно, славяне могли называть словом «РаБ – Ра-Бог» тех, кто поклоняется Солнцу как Богу, то есть иноверцев. Аналогично в английском языке: slave – раб и slav – славянин. Проведённый анализ этимологии слова «труд» позволяет выделить то, что нам необходимо в нашем дальнейшем исследовании: уже на протяжении тысячелетия смыслы слова «труд» подчеркивают необходимость значительных физических усилий для того, чтобы добывать средства к существованию. Эта традиция закрепились в западной и русской культуре и обусловила специфическое понимание труда.

Как мы видим, философское и лингвистическое понимание слова «труд», как и слова «потребность» в различных языках совпадают и взаимобусловлены. В связи с этим закономерно возникает интерес и к непосредственно связанному с терминами «труд» и «потребность» термину «капитал».

Капитал – это достаточно сложная экономическая категория. Одну из главных причин этой сложности приводит Й. Шумпетер: «Слово «капитал» являлось частью правовой и деловой терминологии задолго до того, как экономисты нашли ему применение. У римских юристов и их последователей оно обозначало «основную часть» (principal) займа в отличие от процентов и других требований кредитора. В очевидной связи с этим слово «капитал» стало обозначать суммы денег или их эквиваленты, приносимые партнёрами в товарищество или компанию, общую сумму активов фирмы и т.п. Таким об-

разом, понятие «капитал» было по сути денежным и означало или реальные деньги, или права на деньги, или некоторые блага, оцениваемые в деньгах, хотя это понятие не было определено, оно было совершенно недвусмысленным, и в каждом отдельном случае его значение не вызывало никаких сомнений. Сколько путанных бесполезных и явно глупых споров удалось бы избежать, если бы экономисты придерживались этих денежных и счётных значений данного термина, вместо того, чтобы пытаться «углубить» их» [166, с. 423].

«И эта сложность, – по мнению современных российских исследователей Каменецкого и Патрикеева, – многократно увеличивается из-за чрезмерной политизации данного понятия, во многом оказавшегося лишённым научного содержания и превратившегося в политический фетиш» [60, с.21]. Но даже эта излишняя политизация не помогает исследователям обратить внимание на некоторые важные для «борцов» с «капиталом» нюансы в самом термине «капитал».

В «Большом экономическом словаре» А.Б. Борисов приводит такое определение: «Капитал (лат. *capitalis* – главный) – в широком смысле – это всё, что способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг...» [22, с. 289]. Как может показаться на первый взгляд, в данном определении нет ничего политизированного. Большая советская энциклопедия более конкретна в этом отношении: «Капитал (нем. *Kapital*, франц. *capital*, первоначально – главное имущество, главная сумма, от лат. *capitalis* – главный), экономическая категория, выражающая отношения эксплуатации наёмных рабочих капиталистами; стоимость, приносящая *приватную стоимость*» [19]. Несмотря на множественные различия этих двух определений, в них есть один общий элемент – происхождение от лат. *capitalis* – главный.

Примечательно, что, когда открываешь Латинско-Русский словарь, то оказывается, что «*capitalis*, e [caput]:

- 1) касающийся головы, *т. е.* жизни, весьма опасный, смертельный (morbus *AG*; inimicus, odium *C*): periculum capitale *Pl* опасность для жизни; res с. *C* тяжкое уголовное дело (грозящее смертью или лишением всех гражданских прав); poena с. *L*, *Su* и supplicium capitale *QC*, *Su* высшая мера наказания, смертная казнь; triumviri (tresviri) capitales *C*, *L* – см. triumviri;
- 2) отменный, отличный, выдающийся (ingenium *O*; sc. scriptor *C*);
- 3) поголовный, подушный (illatio *CL*) [20].

Как видно из данной статьи, латинское слово «capitalis» имеет весьма посредственное отношение к русскому слову «главный» и по основному своему смыслу близко определению, данному в БСЭ. При этом очень странно видеть, что в Латинско-Русском словаре есть слово «capital», ссылку на которое не даёт ни один из нелингвистических словарей! А оно очень интересно для изучения:

capital (capitale), alis *n* [caput]:

- 1) (sc. linteum) головная повязка (*полотняное покрывало, надевавшееся жрицами на голову во время жертвоприношений*) *Vr*;
- 2) (sc. facinus) тяжкое уголовное преступление, *преим.* преступление, каемое смертью *C*, *L*, *Q*, *Sen* etc. [20].

С этим же утверждением согласен и Английский этимологический словарь: «A capital crime (1526) is one that affects the life, or the «head»» [181]. (Уголовное преступление (1526) связанное с жизнью или «головой» – перевод наш). В скобках – 1526 – год появления термина в этом смысле. И лишь в 1630 году появляется финансовый смысл: «The financial sense (1630) is from capitale «stock, property» of capitalis» [181]. (Финансовый смысл (1630) является от capitale «запасом, собственностью» от capitalis – перевод наш.)

Во французском языке слово *capital* также имеет два значения:

«... *adj* (*fém* - capitale)

- 1) главный, основной...;

2) юр. относящийся к смертной казни» [21], что указывает на связь французского, английского и латинского слова *capital*.

Остаётся непонятным, почему данным несоответствием не воспользовались исследователи советского периода для более плодотворной критики капитализма?

По всей видимости ответ на данный вопрос кроется в том, что К. Маркс был родом из Германии и ссылки в основном идут на немецкий язык. А немецкий язык, в отличие от английского, французского, итальянского, испанского не сохранил уголовной составляющей латинского термина *capital*: Kapital – [italienisch, eigentlich etwa «Hauptgeld», «Hauptsumme», zu lateinisch capitalis «hauptsächlich», «vorzüglich»]. ([С итальянского, в сущности «Основные деньги», «Общая сумма», от латинского *capitalis* «главный», «превосходный»] – перевод наш) [177]. То есть, если обратиться к немецкому языку, то мы увидим основу русского перевода термина «Капитал». Мало верится, что никто из исследователей не заглянул в латинско-русский словарь, как минимум, или не усмотрел это в английском языке, который многие изучали в школе.

Казалось бы, нет разницы каким словом было названо то, что сейчас обозначает категорию «капитал». Но язык, особенно древние его варианты, это живая система, которая несёт в себе определённую энергетику, соответствующую описываемому каждым словом явлению. И, так или иначе, если мы обращаемся к данному слову, даже с другими смыслами, мы невольно вызываем ту энергетику, которая соответствовала ему изначально! Как писал Николай Гумилёв: «Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города» [43]. То есть, как ни крути, а уголовный смысл, как был изначально закреплён в латинском слове *capital*, так и вылился в так называемое «первоначальное накопление капитала», а по сути – прямое ограбление основной массы населения, которое в своё время описывал К. Маркс. Аналогичную ситуацию мы могли наблюдать в России 90-х годов в ходе приватизации. Отличие лишь в том, что во времена Маркса «начинающие капиталисты» фактически с

нуля создавали промышленность, которой не существовало, а в России «приватизировали» действующие предприятия, и для многих «приватизаторов» первоначальное накопление капитала закончилось, в прямом смысле, смертным приговором, пусть и не со стороны органов юстиции.

Рассмотрение этимологической составляющей терминов «труд» и «капитал» приводит к мнению, что следовало бы поменять эти термины на другие, если мы хотим говорить о труде и капитале в условиях постиндустриального общества, когда изнурительный, физический труд отходит на второй план и, в перспективе, должен исчезнуть. Но тогда есть риск потерять из вида человекотворческую функцию труда, которую и так уже многие в погоне за капиталом стали игнорировать. А ведь именно эта функция является основой в обусловленности потребности человека в труде помимо того, что труд и только труд во взаимосвязи с капиталом создаёт материальные и духовные ценности, необходимые для жизнедеятельности человека.

Далее рассмотрим категорию «потребность» с социально-философских позиций.

Становление категории «потребность» в социально-философской теории осуществлялось в русле и материалистического, и идеалистического направлений, что определило в дальнейшем различные представления не только о роли потребности и деятельности, но и обозначило дилемму, связанную, соответственно, с отождествлением либо с неотождествлением потребности с состояниями сознания.

Изучение потребности начинается уже в античный период развития философии в рамках материалистических воззрений и связывается, в первую очередь, с философскими представлениями о гедонизме и эвдемонизме, фундаментом которых являлось обоснование человеческого поведения стремлением к наслаждению и счастью. Например, Эпикур связывал жизнедеятельность человека с удовлетворением потребностей, «при этом различая естественные и необходимые – те, которые избавляют человека от страданий; естественные, но не необходимые – те, которые разнообразят наслаждения;

не естественные и не необходимые – те, которые порождаются праздными мнениями» [17, с. 254]. Суть концепции Эпикура состоит в обязательном удовлетворении необходимых потребностей, иначе говоря, человек может довольствоваться малым и получать удовольствие от обычных вещей. Неслучайно в трудах сторонников гедонизма появляется такое понятие как «атараксия» – безмятежное состояние духа.

Гедонистическая интерпретация потребности наблюдалась также и у материалиста Демокрита, который, рассматривая её как нужду, полагал, что она является «источником действий человека» [84, с. 739]. При этом, Демокрит обращал внимание на отличие самой потребности от средств её удовлетворения, указывая на то, что «человек не знает границ удовлетворения своих потребностей» [52, с. 43].

Потребностями в период античности интересовались также философы-идеалисты, рассматривающие их как неотъемлемую составляющую человеческой деятельности. Между тем основной акцент в своих учениях эти мыслители делали на разграничении животных и человеческих потребностей с целью показать особенности именно человеческих действий. При этом данные философы связывали эти особенности с началом деятельности. Подобный подход к вопросу о потребности был обусловлен, с одной стороны, недостаточными знаниями о механизме развития деятельностного процесса, с другой, – общей установкой на определяющую роль идеалистических категорий. Например, предтечей гедонистических воззрений на потребности стали высказывания Платона, для которого потребности были основополагающим фактором формирования государства. Согласно Платону, государство возникает тогда, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается ещё во многом. Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной своей потребности. Поскольку для Платона потребность есть нужда, постольку он определяет наличие базовых потребностей по принципу их возрастания: добыча пищи для существования и жизни, жильё, одежда и т. д. Подобное утверждение позволило фило-

софу развить идею о том, что количество желаний субъекта неограниченно. Причину этого Платон видел в стремлении человека к «своекорыстию», что, по его мнению, было обусловлено природой человека, и только «с помощью закона есть возможность насильственно её заставить соблюдать надлежащую меру» [120, с. 145].

В дальнейшем проблемой потребностей занимался Аристотель, который, как и Платон, полагал, что человек и животное обладают различными потребностями, в связи с этим подразделяя потребности на:

- 1) растительные (материальные потребности тела в питании, росте и размножении);
- 2) истинно человеческие (так называемые «внутренние чувства»: удовольствие, радость, воображение, страдание, память; способность познавать, отличать добро от зла, благо от порока, управлять волей).

Для него это была попытка, также как и для Платона, определить суть отличия действий человека от действий животных, поскольку Аристотель обращал внимание на тот факт, что люди часто, вопреки желанию, сообразуются со своими представлениями, а у других живых существ нет ни мышления, ни способности рассуждать [5]. При этом, в отличие от идеалистической позиции Платона относительно вопроса о роли потребности в деятельности, Аристотелю присуща двойственная позиция касательно взаимосвязи потребности с практической деятельностью человека, выраженная в колебании между материализмом и идеализмом.

Идеалистическая традиция Платона нашла своё продолжение в период развития Средневековой философии, где первостепенное значение приобрели духовные потребности, которые резко противопоставлялись материальным. С позиции христианской этики высшим благом считалась потребность в любви, о которой писал Августин Блаженный: «Так я уже твёрдо знал, что лучше мне себя любви твоей отдать, чем злему желанию уступать» [1, с. 104]. При этом, он пытался создать «теорию преодоления человеком своей животности», утверждая в человеке господство души над телом. Данная позиция связана с

общей установкой христианской идеологии на то, что в практической жизни тело довлеет над душой человека, и в результате он следует худшему, впадая в грех: «Мою волю держал враг, из неё сделал он для меня цепь и связал меня. От злой же воли возникает похоть; ты рабствуешь похоти – и она обращается в привычку» [1, с. 103]. В этом проявляется двойственность природы человека. Возможность преодоления телесного (животного) Августин видел в приоритете воли при осуществлении человеком своих действий.

Существенный скачок в развитии представлений о потребностях произошёл в русле материалистического направления в европейской философии Нового времени, родоначальником которого стал Ф. Бэкон. Бэкон рассматривал понятие «потребность» как связующее звено в формировании общества. При этом он полагал, что существует три типа блага, которые люди ждут для себя от гражданского общества: «избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков» [25, с. 419-420]. Однако Бэкон учитывал тот факт, что в реализации потребности в деятельности играет значительную роль сознание, поскольку ум в сознании даст человеку более истинную и естественную радость, чем все те старания и средства, которые человек может употребить для удовлетворения своих желаний или «достижения душевного покоя» [25, с. 392]. Вместе с тем Ф. Бэкон указывал на то, что потребность надо воспринимать как данность, поскольку её нельзя отменить: «И даже в чисто естественных процессах... легче обмануть природу, чем грубо подавить её, и, таким образом, то, что осуществляется слишком прямо, оказывается часто неудачным и приносящим вред самому себе, тогда как обходной и постепенный путь бывает удобнее, и эффективнее» [25, с. 185].

В дальнейшем человеческие потребности рассматривались в трудах материалистов-просветителей (Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах), которые изучали влияние человеческих потребностей на формирование общества с позиции «разумного эгоизма». Так, П. Гольбах указывал на тот факт, что возможность жить человеку в условиях общественных отношений способствует развитию не только самих потребностей, но и средств их удовлетворения. В

частности, данный философ в своей работе «Система природы» отмечал, что «природа посылает человека голым и беспомощным в этот мир, но, когда живя в богатых опытом обществах, и утопая под конец в роскоши, они с каждым днём измышляют тысячи новых потребностей и открывают тысячи новых способов удовлетворить их» [42, с. 73-75]. П. Гольбах впервые разделил потребности на «первые», которые имеют природное начало, и «мнимые» [42, с. 42].

Д. Дидро, в свою очередь, также подразумевал подобное разделение потребностей, но это не звучало так конкретно, как у П. Гольбаха. У него речь идёт о необходимых потребностях, т.е. тех, которые не выходят за разумные пределы, и о тех потребностях, которые порождают стремление к роскоши. При этом Д. Дидро называл роскошью всё то, что превосходит необходимые потребности человека, необходимые с точки зрения положения, занимаемого каждым гражданином в обществе. Тем самым Д. Дидро обнажает социальный характер многих потребностей, способствующих осуществлению желания человека ощущать себя самодостаточным в обществе, что приводит, зачастую, к всевозможным путям реализации данного желания [47].

Если П. Гольбах говорил о тысячах новых потребностей, то К.А. Гельвеций указывал только на одну физическую потребность, способную объединить людей в общность. Он утверждал, что «для каждого народа существует некоторая физическая потребность, которую можно рассматривать как общий двигатель этого народа; у диких народов Севера, часто подвергающихся голодовкам и постоянно занятых охотой и рыбной ловлей, все идеи порождаются голодом, а не любовью. Напротив, у цивилизованных народов любовь к женщинам является почти единственным двигателем» [39, с. 387].

В трудах французских материалистов-просветителей 18 века также упоминается о роли потребностей в человеческой деятельности. Например, Ж.-Ж. Руссо отмечал, что развитие человеческих способностей обусловлено жизненными потребностями [129]. Вольтер рассуждал о естественных потребностях человека, т.е. тех, которые способствуют обеспечению совмест-

ной жизнедеятельности людей [32]. Как отмечает Н.Н. Михайлов: «Французские материалисты не сомневаются, что многие потребности порождаются обществом, но доминантными потребностями считают естественные нужды человека, которые определяют их общественную жизнь, требуют её развития по «естественным законам» [104, с. 8].

Основатель немецкой классической философии И. Кант в своих трудах отмечал, что взаимоотношения среди людей устанавливаются только ради удовлетворения потребностей. Иначе говоря, согласно И. Канту, один человек для другого является всего лишь средством удовлетворения потребностей; именно поэтому люди объединяются в общества. Кроме того, И. Кант говорит о природной предрасположенности людей к тем или иным потребностям, тем самым обнаруживая врождённый характер потребности [64, с. 174]. При этом, И. Кант ставил потребности в зависимость от окружающей среды [63, с. 248], таким образом, выводя на диалектическую взаимосвязь потребностей человека с его средой обитания.

Изучение потребностей получило свое продолжение в исследованиях Г. Гегеля и М. Вебера, которые не просто утверждали факт существования потребностей и их «природный» характер, но и пытались определить место и роль потребности в человеческой деятельности. Имея в основе идеалистический характер своих философских позиций, данные мыслители признавали основополагающую роль потребности в деятельности субъектов, исходя из утверждения о том, что потребность является порождением сознания и, соответственно, от состояния сознания зависит наличие тех или иных потребностей. М. Вебер определил детерминирующую роль потребности в структуре человеческой деятельности и подразделил потребности на: религиозную потребность, потребность в душевном комфорте, потребность в легитимизации счастья, потребность в избавлении от страданий, потребность в спасении, сексуально-физиологическую потребность [28, с. 155-253]. Классификация М. Вебера носит узконаправленный избирательный характер, поскольку его, в первую очередь, интересовали причины обращения человека к вере.

Г. Гегель, имея более широкий взгляд на данный вопрос, в своей классификации выделил 4 группы потребностей: физические потребности, потребности права, религиозные потребности, потребности познания [38]. Данная классификация также, по сути, избирательна, т.к. ориентирована, в большей степени, на роль сознания в человеческой деятельности.

Также развитие представления о потребностях получают в трудах немецких философов-материалистов. Так, Л. Фейербах занимается изучением роли потребности в человеческой деятельности. При этом, он определяет человека как часть природы, психофизиологическое существо. Л. Фейербах говорит о том, что само чувство зависимости предполагает наличие человеческих потребностей, требующих своего удовлетворения. Всё многообразие человеческих потребностей сводится Фейербахом, в конечном счёте, к стремлению к счастью. Кроме того, что Л. Фейербах рассматривает потребность как первопричину человеческой деятельности, истинную сущность человека, он сумел различить потребность и предмет потребности [151, с. 579].

Во второй половине XIX века в связи с абсолютизацией биологического в человеке (в частности, это связано с появлением теории Дарвина о происхождении человека) вновь активизируется обращение учёных, философов к проблеме потребностей.

В частности, А. Шопенгауэр говорит о бесцельной борьбе каждого поколения, которые обречены голодать, размножаться, искать себе пищу. При этом А. Шопенгауэр, поддерживая идеалистическую традицию в философии, абсолютизирует роль воли в человеческой деятельности, сводя появление потребности лишь к препятствию, возникающему между волей и её временной целью, которое он называет страданием, а достижение цели – удовлетворением, благополучием, счастьем [165, с. 286].

Продолжая идеалистическую линию исследования потребностей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше также указывал на инстинктивный характер потребностей человека. При этом он полагал, что большей частью сознательно-го мышления философа тайно руководят его инстинкты, направляющие это

мышление определёнными путями, точнее говоря, физиологические требования, направленные на поддержание определённого жизненного вида. Ф. Ницше рекомендует физиологам поразмыслить насчёт взгляда на инстинкт самосохранения как на кардинальный инстинкт органического существа. Прежде всего, нечто живое хочет проявлять свою силу – сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных следствий этого. Ф. Ницше полагает, что «именно потребности объединяют людей» [112, с. 393].

В дальнейшем идеалистическая линия в представлениях о сущности потребностей развивается в рамках экзистенциальной философии. В частности, Ж.-П. Сартр в качестве источника действий субъекта определяет желание: «Сознание, стало быть, остаётся всегда на горизонте желаемого тела; оно порождает его смысл и его единство. Живое тело как органическая целостность в ситуации с сознанием на горизонте – таков объект, к которому обращается желание. Вне всякого сомнения, тот, кто желает, – это я, и желание является особым модусом моей субъективности. Желание есть сознание, поскольку оно может быть только как неполагающее сознание о самом себе» [131, с. 401].

Отправной точкой системного изучения человеческих потребностей в истории социальной мысли стали исследования К. Маркса, поскольку он не только соотнёс потребности с формированием человеческой деятельности, определив потребности как основной иницирующий фактор деятельности субъекта, но и заложил основы представления о «материальном» как исходном элементе деятельности.

При исследовании работ К. Маркса обнаруживается, что его философски-социологическая и социально-историческая концепции определяются развитием понимания о материальном как об основополагающем факторе в формировании деятельностного процесса индивидов. В своих научных исследованиях, Карл Маркс интерпретирует понимание развития деятельности в истории с позиций диалектического материализма, критикуя предшествующую

щих материалистов за понимание предметного содержания действительности вне контекста практики: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [99, с. 1]. Подобный подход К. Маркс называет «созерцательным материализмом», который понимает чувственность не как практическую деятельность, а как созерцание отдельных индивидов в гражданском обществе. В дальнейшем это послужило предпосылкой к обоснованию существования материалистических детерминант деятельности субъектов, что, в свою очередь, определило акцент учёного на разграничении «материального» и «идеального» в деятельности, выразившийся в том, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [98, с. 25]. При этом, он полагает, что мысли и слова людей – это первичный процесс развития деятельности, связанный непосредственно с сознанием, которое только отражает источник действий: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [98, с. 24].

Наряду с этим, следует заметить, что здесь Маркс делает акцент не на внешних причинах развития деятельности, в частности производстве, а на внутренних, определяя потребность как детерминанту деятельности и полагая под «материальной жизнью» не только само производство как таковое, но и непосредственно потребности, для которых производство – это процесс поиска и реализации средств для их удовлетворения. Например, наиболее очевидно данное обстоятельство обнаруживается в произведении «Капитал», где в ходе анализа товара как внешнего предмета, вещи рассматривается природа потребностей, возникновение которых не зависит от производства: «Природа этих потребностей, порождаются ли они, например, желудком или фантазией, ничего не изменяет в деле. Дело даже не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное

средство, т.е. как предмет потребления, или окольным путём, как средство производства» [89, с. 3]. В результате К. Маркс пришёл к выводу о том, что потребности ограничивают свободу человека, который в итоге способен использовать свободу только в плане рационального контроля над «царством необходимости»: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [90, с. 386].

Впоследствии сторонники деятельностного подхода опирались на результаты исследований К. Маркса для разработки содержания категории потребность. Удачная формулировка основной идеи этой концепции была позже предложена К.Х. Момджяном, который полагал, что проблема получает своё решение, когда в качестве материального фактора начинают рассматривать не стихийно сложившиеся результаты целереализации, а рациональные факторы целепостановки, таким образом это в итоге означает, что единственное общественное явление, соответствующее критериям социальной материальности – это система потребностей человека, выражающих его отношение к необходимым условиям собственного существования (вещественным, организационным, информационным и пр.), которые заданы не желанием и волей, а «объективными императивами родовой человеческой природы как коллективного биосоциального существа» [106, с. 97].

По мере развития представлений о материальных детерминантах деятельности субъектов наблюдается повышенное внимание к роли материального производства в жизни человека, что, вероятно, обусловлено попыткой более подробного исследования категории «материальное». Предпосылки к этому формируются ещё в первом томе «Немецкой идеологии», где Маркс отмечает, что сама удовлетворённая первая потребность, действие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом. Однако подобный подход в итоге привёл к завышенному пониманию возможностей материального производства,

что нашло своё отражение в «модели всеобщего производства», исследование которой в основном содержится в «Экономических рукописях 1857-1859 годов». Там Маркс, рассматривая понятия «производство» и «потребление», приходит ко мнению, что «производство есть непосредственно также и потребление... Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют производительным потреблением» [94, с. 26]. Наряду с этим Маркс, с одной стороны, признавал первостепенную роль производства, т.к. оно даёт предмет, с другой стороны, соглашался, что этот предмет не будет востребован, если не будет потребления. В рамках данной позиции формируется представление о потребности как о категории, зависимой от производства. Однако следует учитывать, что это не однозначная позиция Маркса относительно данного вопроса, а лишь один из вариантов анализа детерминационных механизмов деятельности.

Несмотря на то, что категория «потребность» встречается ещё в трудах античных философов, активное изучение потребности как научной проблемы начинается только в XX веке. Согласно мнению ряда ученых, экспериментальное изучение потребностей началось в 20-е годы XX столетия и связано с именем Курта Левина, который анализировал потребности человека, представляя их формой выражения привычки, отдавая дань преобладающим в социальном знании установкам философского идеализма.

Выводы по параграфу

Феномены труда и потребностей человека существовали с начала появления общества и прошли через всю его историю. Они нашли отражение в языке людей в виде соответствующих понятий, смысл которых мог изменяться от эпохи к эпохе, а также в разных культурах. Например, во многих языках слово «потребность» определяется через слово, несущее страдание, насилие и даже смерть (исключение составляет старославянский язык, в котором слово «потрѣба» имеет два смысла: 1) негативный – нужда (насилие, принуждение, страдание) и 2) позитивный – быть на пользу).

Философы утверждали, что труд человека имеет ярко выраженный социальный характер. Само слово «труд» практически во всех индоевропейских языках первоначально означает «остаться без родителей», т.е. быть обречённым на нужду, тяжёлое существование, мучение, тяготы, повинность, боль, трудность. Здесь отразилось негативное социальное отношение к тяжёлому физическому труду. Напротив, в старославянском языке слово «труд» не имеет отрицательного смысла, а для обозначения негативной составляющей существует другое слово – «работа».

Социально-философская мысль, начиная с Античности, постепенно приближалась к рассмотрению потребности как некой движущей силы, побуждающей человека к действиям. При этом преобладающим значением понятия «потребность» становилось определение её в духе этики гедонизма, утверждающей, что человеку свойственно стремление к счастью. В эпохи Античности, Средневековья и Возрождения были сделаны первые шаги на пути к решению сложнейшей проблемы классификации потребностей, например, Аристотель выделял растительные (телесные) и истинно человеческие потребности. В философской традиции постепенно укреплялось представление, что человек постоянно испытывает потребность в чём-либо. В эпоху Просвещения и Новое время потребность стала рассматриваться как неотъемлемая связь человека с окружающим миром, одна из основных причин объединения людей в общество. Стали предприниматься попытки различения потребности и предмета потребности как психического акта человека и предмета, на который он направлен.

Таким образом, исторический обзор социально-философской мысли показал, что потребности человека и труд всегда составляли неотъемлемую часть общественной жизни, но приобретали разное значение и ценность в определённые исторические эпохи. Это нашло отражение в изменчивости понятий «потребность» и «труд». До последнего времени в социальной философии проблема труда исследовалась глубже, чем проблема потребностей. Поэтому и определение последнего понятия оказалось менее завершённым. Дис-

сертантом предложено следующее определение: потребность – это нужда человека в чём-либо, осмысленная им и определяющая его целенаправленную деятельность.

1.2 Социальный смысл потребностей человека

История социально-философской мысли в области исследования потребностей человека показывает, что жизнь человека напрямую связана со степенью удовлетворения его потребностей. Аналогично, с уровнем удовлетворения потребностей связана и социальная стратификация общества. Мы живём в стране, которая первой в мире заявила целью своего существования строительство социально-справедливого общества – коммунизма.

Коммунизм – это общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, с полным социальным равенством всех людей, для которых труд на благо общества станет первой жизненной потребностью, в которой утвердятся принцип «от каждого – по способностям, каждому – по *потребностям*» [93, с. 20].

Опыт развития человечества и здравый смысл подсказывают, что не все потребности человека могут быть и должны быть удовлетворены. На это есть, как минимум, два фактора: во-первых, ресурсы планеты Земля исчерпаемы и конечны; во-вторых, способы удовлетворения некоторых потребностей носят явно античеловеческий характер.

Если второй фактор более-менее успешно нивелирует уголовно-правовое законодательство и различные внутриобщественные табу, доставшие нам ещё от предков, то фактор исчерпаемости ресурсов можно решить разными способами, основной из которых, практикуемый до сих пор, – это лишение определённых групп населения средств для удовлетворения большинства потребностей и создание ценового барьера. По отношению к человечеству в целом данная стратегия выражена в теории «Золотого миллиарда», описанной Жаком Атали [9]. Аналогичный же способ, пусть и не в таком явном виде и в гораздо меньшей степени, использовала и партсовноменклатура СССР по отношению к собственному народу, особенно в годы застоя и пере-

стройки. Достаточно вспомнить спецраспределители, в которых чиновники получали паёк, согласно своему рангу в иерархии партсовноменклатуры.

Советские учёные занимались проблемой дифференциации потребностей. Так И.И. Чангли в своей работе «Труд» выделяет следующие основные группы потребностей человека:

- *потребности в разнообразнейших материальных благах;*
- *потребность в труде* как творческом акте, дающем человеку чувство взаимодействия с природой, утверждающем власть человека над силами природы, выступающем как способ самовыражения. Удовлетворение этой потребности – источник человеческого достоинства и высшей радости. Потребность в труде как способе самоутверждения человека предполагает в качестве своих составляющих потребности в овладении предметом труда, в овладении орудиями труда, в овладении природными и общественными процессами, связанными с трудом, в способности «властвовать собой»;
- *потребность в познании*, в которой можно выделить три уровня: потребность в знаниях ради улучшения благосостояния и повышения социального статуса; потребность в знаниях ради более полного овладения предметом деятельности; потребность в знаниях ради наслаждения знаниями (эстетика познания);
- *потребность в общении*, которая проявляется в различных сферах;
- *потребность в красоте* [161, с. 58-59].

Причём данные группы потребностей присущи человеку при любой организации общества, независимо от строя, изменяются только акценты в спектрах их удовлетворения. Однако, Б.М. Генкин, основываясь на современных западных теориях, предлагает разделить потребности людей на две основные группы: потребности существования (физиологические, безопасности, причастности) и потребности достижения целей (в богатстве и роскоши, власти и славе, знаниях и творчестве, любви, духовном совершенствовании). Н.М. Бережной идёт несколько дальше, выделяя человеческие, нечеловече-

ские и «откровенно античеловеческие» потребности [15].

По большому счёту, данные классификации не отрицают друг друга, но и не дополняют, они отражают различное отношение к человеку, как к личности, его социальной роли и предназначению, предопределённому свыше. И не смотря на имеющиеся недостатки, нам ближе точка зрения И.И. Чангли.

В.Н. Филиппов, в своей работе «Философия труда и капитала в дихотомии "социализм-капитализм"», указал на зависимость потребностей человека от рода его деятельности, и с этим нельзя не согласиться [152, с. 127]. Ведь на самом деле, рацион питания, необходимый грузчику для поддержания своего трудового тонуса, отличается от рациона программиста, имеющего малопо-движный режим работы. Но мало какому грузчику есть необходимость ходить в спортзал для поддержания физической формы, в отличие от того же самого программиста, мышцы и скелет которого деградируют без дополнительной физической нагрузки, что влечёт за собой ряд специфических «профессиональных» болезней.

Первые попытки разграничения потребностей на первичные и вторичные обнаруживаются уже в трудах античных философов: Эпикура, Платона, Аристотеля.

Проблема дифференциации первичных и вторичных потребностей продолжает вызывать активные споры в различных областях науки. Необходимость обращения к данному вопросу обусловлена отсутствием чёткого разграничения первичных и вторичных потребностей, что, в свою очередь, влияет на определение характера потребности, и в результате этого потребностями начинают называть и мотивы, и интересы и желания субъекта.

На современном этапе развития науки теоретическое обоснование данной проблемы связано с именем К. Левина, который различил потребности и квазипотребности, т.е. определил первичные и вторичные потребности. Несмотря на то, что изучение проблемы потребностей К. Левиным приходится на 20-е гг. XX века, оно и в XXI веке является авторитетным для многих учёных. К. Левин анализировал потребности человека с позиции теории поля,

понимая под ним жизненное пространство индивида, состоящее из человека и психологической окружающей среды. Наряду с этим, он пытался обосновать определяющую роль потребности в человеческой деятельности. Однако, согласно его теории, потребность скорее является формой, нежели источником деятельности субъекта, поскольку К. Левин определил потребность как проявление привычки (ассоциации), выделяя два типа: «привычки потребностей» (как алкоголизм) и «привычки исполнения» (такие, как дёргание рычага вверх, а не вниз). По мнению К. Левина, первый тип представляет собой «напряжение» (источник энергии), потребность, такую как голод, который требует удовлетворения либо прямо, либо через замещение. Привычка исполнения, с другой стороны, сама по себе не является источником действия. Она эквивалентна паттерну сдерживающих сил, определяющих некоторый путь. Без потребности или квазипотребности привычка исполнения не ведёт к действию» [75, с. 25]. Между тем, привычка – это то, что формируется в процессе постоянного действия. В то же время, учёный сумел различить такие понятия как «свойство» и «состояние», на что многие современные исследователи не всегда обращают должного внимания. Это в результате приводит к ошибке в рассмотрении потребности как проявления сознания, так как в качестве потребности рассматривают уже осознанную потребность (чувство голода, жажды и др.). Нередко данная позиция связана с тем, что идеалисты, следуя своей теоретической установке о первичности сознания, пытаются выделить такие факты, которые являются подтверждением их воззрений, возводя желаемое в ранг объективности. Несмотря на то, что К. Левин рассматривает потребность в структуре привычки, тем не менее, разница в понятиях «причина» и «желание» очевидна, поскольку, согласно его позиции, тенденция приводить к действию является основой для потребности. Поэтому им были использованы определённые операциональные определения, в частности, «высвобождение напряжения» было приведено в соответствие с «удовлетворением потребности (или «достижением цели»», а «появление напряжения» – с

намерением или «потребностью в состоянии повода» [75, с. 26]. В связи с этим, стало возможным большое количество проверяемых им выводов.

В дальнейшем многие авторитетные учёные, исследуя проблему классификации потребностей, брали за основу разделение потребностей на первичные и вторичные: если одни учёные разделили потребности на потребности высшего и низшего порядка (например: А. Маслоу – дефициентные и бытийные [102], Э. Фромм – биологические и экзистенциальные [156], П.А. Сорокин – биологические и социально-психологические [139]; С.Б. Каверин [58], А.Г. Здравомыслов [54], П.В. Симонов [134], М.В. Тараткевич [143] и мн. др. разделили потребности на первичные и вторичные, несмотря на то, что названия и количество в их классификациях несколько различаются), то другие ставили перед собой цель показать этапы развития потребности в человеческой деятельности с учётом преломления сквозь призму субъективного восприятия ситуации. Г. Маркузе одним из первых стал развивать данную традицию с учётом развития общества и подразделил потребности на истинные и ложные [101]. В.С. Магун назвал таковые конечными и промежуточными (потребности-средства) [85], Н.М. Бережной – нормальными и аномальными [15], Л.В. Соколов выделил абсолютные, вторичные и спонтанные потребности, где абсолютные потребности выступают как первоисточник целенаправленной деятельности [137].

Особого внимания в целях нашего исследования заслуживают концепции А. Маслоу, предложившего классификацию потребностей разделив их на дефициентные и бытийные, и Г. Маркузе, который подразделяет потребности на истинные и ложные [101].

А. Маслоу предпринял попытку показать иерархию потребностей, опираясь на представление об особенностях поведения человека. Подчёркивая в этой связи приоритет физиологических потребностей, исследователь утверждает, что пока они не будут удовлетворены, человек не будет думать о потребностях бытийных: «Возникновение высших потребностей непосредственно связано с удовлетворением потребностей низших уровней» [102, с.

129], т.е. «физиологические потребности... преобладают по отношению ко всем прочим потребностям» [102, с. 79, 81]. Однако, при исследовании иерархии потребностей по А. Маслоу, следует учитывать и конкретные ситуации, и влияние человеческой воли на варьирование как физиологических, так и бытийных потребностей, причём механизм формирования вторых не изучен до такой степени, чтобы утверждать подобное.

Г. Маркузе, в свою очередь, в большей степени интересуют именно внешние условия, влияющие на развитие потребностей, в связи с чем он предполагает, что первостепенное значение приобретают именно общественные отношения: «Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится потребностью в зависимости от того, является или не является она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов» [101, с. 6]. При наличии значительного влияния общественных тенденций на развитие потребностей следует учитывать тот факт, что формирование ложных потребностей актуализирует внимание индустриальной цивилизации на уровне форм и средств удовлетворения потребностей, поскольку само понятие «ложные потребности» связано с субъективным восприятием того, что человеку необходимо на уровне желания, а не с тем, что обнаруживает возрастание человеческих потребностей.

Таким образом, если первичные потребности в силу своей данности определяют возможность реагировать на предметы действительности, а не наоборот, то вторичные потребности, будь то, по определению Г. Маркузе, истинные или ложные, являются формами субъективного выражения потребности на уровне её осознания.

Такой взгляд на формирование потребностей человека позволяет установить связь рекламы с появлением новых потребностей. Данной точки зрения придерживался, например, Э. Фромм, который определяет потребности как объективное свойство субъекта и потому ставит их в зависимость от внешних условий, связанных с развитием общественных отношений. Это

обусловлено, по мнению Э. Фромма, социальным характером потребностей. В связи с этим он отмечал, что именно общество навязывает нам шаблоны поведения, используя рекламу как средство контроля выбора в качестве пре-потентной (предопределяющей) той или иной необходимой для общества потребности, стимулирующей желания субъекта. Причём Э. Фромм обращает внимание на такого рода «простые стимулы», как секс, накопительство, садизм, нарциссизм и деструктивность. По мнению Э. Фромма, «этим-то и объясняется необходимость постоянной смены раздражителей: необходимо, чтобы воздействие стимулов не прекращалось. Автомобиль, который сегодня приводит нас в «восторг», через один-два года покажется скучным и неинтересным...» [156, с. 318]. Однако реклама, являясь условием формирования новых потребностей, будь то «нормальные» или «аномальные», ещё и манипулирует существующими у человека желаниями. В данном контексте следует иметь в виду, что одна и та же потребность может иметь разные линии удовлетворения, будь то позитивные или негативные. В частности, Жан Бодрийяр отмечал, что потребляются не сами вещи, а именно отношения – обозначаемые и отсутствующие, включённые и исключённые одновременно, т.е. «потребляются идеи отношения через серию вещей, которая её проявляет... последние становятся их обязательным опосредованием, а очень скоро и замещающим их знаком – алиби» [18, с. 165]. В связи с этим нельзя исключать саму потребность как таковую, как это делает учёный, из структуры деятельностного процесса, поскольку именно она является детерминантом деятельности, побудителем к действию, а не только «структурным элементом субъекта деятельности» [18, с. 27]. Поскольку начало деятельности напрямую зависит от субъекта, от его потребностей, целей, желаний, в ином случае деятельность, должна трактоваться как саморазвивающийся процесс, что по сути невозможно, постольку обязательно должен быть источник деятельности, её причина.

Все указанные факторы не могли не отразиться на построении классификации потребностей, где помимо типологии потребностей, отражаются со-

стояния субъекта, прошедшие сквозь призму сознания, т.е. это систематизация форм удовлетворения потребностей, обусловленных психическими проблемами человека или социальным окружением.

Таким образом, Г. Маркузе, Э. Фромм изучают проблему личности в развивающемся индустриальном обществе, полагая, что «одномерный человек» формируется на основе «одномерных» потребностей, которые производит общество посредством массового производства; тем самым учёные отстаивают объективный характер потребности, однако акцент в исследовании делается на формах и средствах их удовлетворения, что не решает проблему причины начала деятельности на уровне вторичных потребностей, т.к. предметное содержание действительности даёт лишь многообразие желаемых образов актуализированных потребностей.

В психологии и социологии необходимость разделения потребностей на первичные и вторичные связана, в первую очередь, с попыткой показать иерархию потребностей с целью рассмотрения эволюции развития человека в процессе его социализации; согласно другим позициям разделение потребностей на первичные и вторичные осуществляются с целью изучить механизм развития потребностей, начиная с первичных потребностей к осуществлению конечного результата деятельности посредством удовлетворения промежуточных потребностей. Как было рассмотрено выше, последняя интерпретация проблемы не претендует на объективность исследования детерминации деятельности, поскольку большинство учёных, работающих в этом русле, рассматривают в качестве вторичных потребностей средства или формы удовлетворения первичных потребностей. Это противоречит субстанционально-деятельностному подходу в социально-философской теории, согласно которому потребность – это свойство субъекта нуждаться в необходимых условиях существования, поэтому формы и средства удовлетворения потребностей формируются на базе уже осознанных (актуализированных) потребностей и зависят от стадии мотивации. Соответственно, появление данных потребностей становится следствием развития первичной потребности, а именно, ста-

дия её осознания, где потребность обретает реальную форму, которую отчасти диктуют условия технического прогресса, способствующие появлению всевозможных форм удовлетворения потребностей. Многие исследователи до сих пор называют алкоголь, наркотики, чтение книг, хождение на дискотеку – первичными потребностями. Например, социолог А.П. Вардомацкий, занимаясь проблемой классификации ценностей, обратился к анализу классификации потребностей А. Маслоу в интерпретации её Р. Инглехартом и, в результате, пришёл к выводу о том, что средство достижения конкретной цели становится самоцелью или, как называет А.П. Вардомацкий, самоценностью. При этом социолог А.П. Вардомацкий в своей работе ориентировался на конкретную специализированную цель, связанную с изучением ценностного измерения общества. Как отмечает он сам, такая концептуализация находится в русле распространённого на Западе принципа описания динамики социальных процессов в самых различных областях. В соответствии с этим принципом, по мнению исследователя, последующий этап развития какого-либо явления обозначается приставкой «пост», что «указывает, во-первых, на генетическую взаимосвязь двух рассматриваемых этапов и, во-вторых, – и это самое главное – на то обстоятельство, что сущность следующего этапа ещё недостаточно ясна... ясен лишь факт принципиального отличия последующего этапа от предшествующего» [26, с. 47]. Однако разграничение всех потребностей на материалистические и постматериалистические крайне категорично и не даёт возможности определить не только специфику человеческой деятельности, но и ценностный тип респондента, как считает и сам А.П. Вардомацкий. Исследование социолога обращает на себя внимание тем, что он предпринял попытку дополнить классификацию Инглехарта и, в результате, ввёл тезис, названный «гипотезой идеализации», который отображает проблему замещения потребности. При этом он указал на тот факт, что средства становятся приоритетными по отношению к цели: «Этот феномен – частный случай универсального аксиометрического механизма сдвига средства на цель. Образование, являвшееся средством достижения какой-либо внеобразовательной це-

ли (карьера, материальная обеспеченность и др.), по мере погружения в него становится самоценностью, где наслаждение приносит сам образовательный процесс» [26, с. 54]. В связи с этим, данные исследования в области потребностей с проекцией на ценностные ориентиры служат явным показателем того, что социологи в основном работают со средствами достижения цели, отряжая посредством социологического исследования субъективное восприятие индивидуумом своих проблем, желаний, стремлений. Это не даёт возможности выстроить объективную картину классификации потребностей для отражения детерминирования происходящих процессов, поскольку выстраивание осуществляется на уровне опредмеченной потребности, прошедшей сквозь призму субъективного восприятия действительности, что даёт в результате поверхностные результаты исследования.

Это позволяет утверждать, что многие исследователи, не разграничивающие понятия «цель» и «следствие», не способны выявить истинные детерминанты деятельности субъекта, т.е. на данном этапе формируются лишь абстрактные представления о факторах, влияющих тем или иным образом на поведение человека, что обуславливает решение, согласно «пути наименьшего сопротивления», о непредсказуемости человеческой деятельности, на что в большей степени влияет представление о потребности как нужде. В данном контексте следует обратить внимание на те классификации потребностей, где в качестве основы исследователи выбирают разделение на материальные и духовные потребности или разделение на материальные, духовные и социальные потребности, так как потребность всегда материальна; при этом нельзя чётко ограничить материальные потребности тем, что необходимо «материальному» телу, и нельзя ограничить духовные потребности потребностями в общении, интеллектуальными потребностями и т. д., – это всё сфера предметов потребностей. В частности, классификацию М.В. Тараткевича сложно определить как объективную, т. к. её содержание подчинено проблеме дифференциации материальных и духовных потребностей с целью различения потребностей и предметов потребностей: «...чёткое разграничение потребно-

стей человека и средств их удовлетворения имеет принципиальную значимость... ибо, гонясь за достижением того предела, когда человеку больше ничего не надо, он и сам не замечает, как подменяет удовлетворение нормальных потребностей погоней лишь за средствами их удовлетворения» [143, с. 46-47].

Актуальность проблемы очевидна, но она не решаема в рамках подобной классификации, поскольку средств удовлетворения огромное количество и с течением времени их количество увеличивается, но это никак не подтверждает тот факт, что количество потребностей меняется. Спорный характер предлагаемой классификации подтверждается при более углубленном исследовании проблемы потребностей. М.В. Тараткевич рассматривает материальные потребности как «устойчивые эмоционально-психические состояния, связанные с присвоением предметов, необходимых для поддержания и развития человека» [143, с. 52]. Потребности никак не могут выступать состояниями, это не тождественно содержанию самой потребности.

С.Л. Рубинштейн, изучая проблему потребностей, делает основной акцент на взаимосвязи потребностей и интересов, развивает идею о формах проявления потребностей в виде эмоций. В рамках данного подхода исследователь пытается свести количество потребностей к минимуму, подразделив их на две категории: насущные потребности (еда, одежда) и органические (любовь, общение). Подобное разграничение потребностей связано с убеждением С.Л. Рубинштейна в том, что потребности носят предметный характер, а осознанная связь между потребностями и предметами, которые их удовлетворяют, устанавливается в практическом, действенном опыте удовлетворения этих потребностей. Исходя из этого, С.Л. Рубинштейн отмечает, что «включаясь в практическое, осознанное субъектом отношение к его потребностям, предметы становятся объёмами его желаний и возможными целями его действий» [128, с. 183]. Из высказывания С.Л. Рубинштейна видим, что он поддерживает представление о потребности не сколько как о врождённом свойстве, а как о приобретённом в процессе социализации под воздействием

внешних факторов окружающей среды, которая в предметной сущности навязывает субъекту его желания.

С позиции социально-философской теории не совсем корректно называть подобные формы действия потребностями в прямом значении, поскольку это скорее является следствием каких-то потребностей, неверно осознанных или нереализованных. Другое дело, что поставленная цель не всегда достигает желаемого результата. Например, когда организм становится болезненно зависим от алкоголя, то вторичная потребность становится первичной по причине того, что организм запоминает ощущения связанные с ним, и стремление к которым сознание человека уже не способно посредством воли сделать менее значимым, относительно других потребностей.

В данном случае уместно говорить о таком термине как «замещение». Его ввёл ещё З. Фрейд при изучении скрытых сексуальных инстинктов, которые реализуются в культурной деятельности: «благодаря такому отклонению сексуальных сил влечений от сексуальных целей и от направления их на новые цели – процессу, заслуживающему название сублимирования, – освобождаются могучие компоненты для всех видов культурной деятельности...» [155, с. 46]. Однако проблема сублимации у Фрейда получает субъективную интерпретацию, т.к. сводится в итоге к сексуальным инстинктам, что, в свою очередь, заметил К. Обуховский: «...Все теории, объясняющие общественное поведение человека теми или иными формами сублимации или конверсии сексуальной потребности, необоснованны: они не показывают ни всей сложности человеческой личности, ни основных законов общественного развития» [116, с. 113]. К. Обуховский, вслед за К. Левиным, активно изучал проблему замещения, распространяя указанный термин и на другие потребности человека, которые, в случае неудовлетворения, подвержены замещению. При этом он отмечал, что напряжение, вызванное отсутствием тех или иных факторов, мы ощущаем как депрессию, хандру, дурное настроение и т.д., не отдавая себе отчёта, что в сущности речь идёт об отсутствии определённого объекта потребности. Кроме того, польский исследователь указывал на тот факт, что

бывают случаи, когда человек, «чувствуя напряжение, понимает, что ему чего-то не хватает, но ложно представляет себе объект потребности. Во всяком случае, эти примеры показывают, что отражение в сознании объекта потребности (это явление естественно назвать желанием) является чем-то иным сравнительно с изменением в организме» [116, с. 73]. Иначе говоря, проблема «замещения» потребности связана с сознательной или бессознательной заменой одной потребности на другую с целью избавления от чувства дискомфорта, вызванного неудовлетворённой потребностью. Это обусловлено тем, что человек не всегда способен осознавать правильно свои потребности и соответственно, как результат, неверно формулировать, цели деятельности.

Например, С.Л. Рубинштейн описывал ситуацию, когда скрипач, не достигший признания на музыкальном поприще, начинает заниматься фотографией, в результате чего получает определённое признание, за счёт которого он компенсировал неудачи, связанные с любимым занятием. Подобное поведение несостоявшегося музыканта связано с общественной природой мотивации, т.е. огромное влияние на человека оказывает оценка со стороны окружающих и самооценка. Соответственно, если та форма, которую выбрал музыкант, изначально не дала желаемого результата, то естественно он выбрал другое средство для удовлетворения насущной потребности; в связи с чем реализация потребности опосредуется интересом и в процессе мотивационной стадии обретает оценочную окраску. Ранее А.Н. Леонтьев обозначил подобные явления как «потребности, не знающие своего предмета» [80, с. 190]. На наш взгляд, это связано, в первую очередь с тем, что представители человеческого рода редко задумываются над причинами своих желаний и стремлений, поэтому каждому человеку свойственно испытывать состояния тоски, пустоты в те моменты, когда не представляется возможным объяснить того, что он хочет. В результате, есть вероятность осуществления примитивных форм действия, аналогичных поведению адаптивных биологических систем, которые методом практических проб и ошибок достигают состояния удовлетворённости. Так, А. Маслоу отмечал: «Если мы тщательно проанализируем

наши обычные повседневные желания, то увидим, что они... обычно являются желаниями средств, ведущих к цели, а не отражением самих целей» [102, с. 21]. Что касается К. Левина, то для него замещение потребности ассоциируется с двумя способами – это изменение потребностей или интересов, либо создание ситуации, в которой одни потребности перевешивают влияние других: «Есть два принципиальных способа добиться желаемого изменения. Один предполагает изменение собственных потребностей или интересов человека; другой оставляет потребности или интересы более или менее нетронутыми и заставляет индивида делать нежелательное действие либо с помощью прямой силы, либо с помощью создания конstellляции, в которой другие сильные потребности перевешивают влияние первой потребности» [75, с. 105]. Проблема подобного обоснования обнаруживается в отождествлении потребности и желания, что в целом верную мысль приводит к более простому, но необъективному решению. Тогда как вопрос о замещении потребности получает своё развитие на уровне выбора мотивов действия, а не на уровне определения «сильная» или «слабая» потребность, согласно терминологии К. Левина. Если следовать логике рассуждений исследователя, то вполне достаточно создать себе такую ситуацию, при которой можно, например, избавиться от потребности в любви. Между тем в данном случае есть вероятность замещения потребности за счёт определения для себя альтернативного варианта ряда мотивов, но не до возможности отмены самой потребности, что противоречит биологической заданности человеческого существования.

Человек, таким образом, в условиях современного общества в своих действиях ориентируется не только и не столько на потребности как таковые, сколько на средства и формы их удовлетворения. В результате «желание» или «влечение» становится непосредственной причиной действия, направляемого запомнившимся состоянием удовлетворения, связанного с этим желанием. В данном случае, уместно говорить о таком термине как «замещение», которое ввёл ещё З. Фрейд и активно изучали К. Левин и К. Обуховский.

Несмотря на то, что философы, психологи и социологи на протяжении многих лет активно изучают проблемы потребностей человека и их удовлетворения и достигли в этой области значительных успехов, до сих пор нет чёткого понимания, какие из потребностей человека необходимо развивать и удовлетворять, а какие подавлять. Ведь даже удовлетворение потребностей в пище может привести человека к гибели или деградации. Например, в Китае, очень распространено добавление меланина в сухое молоко и детское питание, для повышения содержания белка, но при этом, китайский генетик Лин Хе отмечает резко возросший уровень врождённых заболеваний новорожденных именно в зонах, где употребляются продукты с содержанием меланина [178]. И это происходит в стране, которая до сих пор официально придерживается социалистического пути развития, что говорит о том, что вопросы дифференциации потребностей с точки зрения приоритетности их удовлетворения в соцстранах не решены. Не определив, какие потребности необходимо в первую очередь развивать и удовлетворять, невозможно построить социально-справедливое общество на планете Земля!

В начале данного параграфа, было отмечено, что не все потребности человека могут быть удовлетворены по ряду объективных причин. В связи с этим, для нормального развития, обществу необходимо определиться, какие и чьи потребности будут удовлетворяться в первую очередь, какие во вторую, а какие потребности будут признаны асоциальными или общественно-опасными, и, соответственно, так или иначе пресекаемыми нормами уголовного права или различными способами общественного порицания.

Одной из причин сложившегося состояния может являться то, что в основном проблемами потребностей, в том числе и их дифференциацией, занимаются психологи, которые по роду своей деятельности замкнуты на предмет своей науки, достаточно узкий для понимания данного вопроса.

В процессе исследования, на основе взаимосвязанной иерархической систематизации основных областей знания и соответствующих научных кар-

тин Е.В. Ушаковой [149, с. 21-22], нами были выделены следующие уровни рассмотрения движения социальной материи:

1. Конкретно-научный – физиологические и психологические аспекты.
2. Фундаментальный – социально-экономические и социологические аспекты.
3. Социально-философский – обобщающий и задающий вектор дальнейшего философского поиска.

Из данной иерархии видно, что большая часть исследователей даже среди философов, уходят на конкретно-научный уровень рассмотрения, и не поднимаются даже до фундаментального. Попытки же выйти на социально-философский уровень срываются ввиду концептуальной неопределённости по поводу вектора дальнейшего развития социума. Ниже мы попытаемся выйти на социально-философский уровень с позиции построения социально-справедливого общества на планете Земля.

Анализ хозяйственной деятельности цивилизации в соотнесении её с различными внутриобщественными антагонизмами и биосферно-экологическим кризисом говорит, что наряду с биосферно допустимыми общественными потребностями, система производства удовлетворяет и антиобщественные, антибиосферные потребности. Это позволяет утверждать, что потребности людей, живущих в нынешней цивилизации, принадлежат двум видам (здесь и далее под спектром производства или потребления понимается определенная номенклатура продукции и объёмы по каждой из позиций номенклатуры в натуральном или финансовом выражении):

- 1) развивающие (биосферно допустимые) потребности, которые можно спрогнозировать на основе социально-демографических характеристик населения;
- 2) деградационные (экстремальные) потребности, удовлетворение которых наносит непоправимый ущерб социально-природной жизни на планете в настоящее время и на перспективу.

Выделение данных видов потребностей носит смысловой характер, и указывает на направленность жизнедеятельности приверженца того или иного типа потребностей.

Современный биосферно-экологической кризис, порождённый западной цивилизацией, говорит о том, что деградиционный спектр потребностей статистически *устойчиво подавляет* развивающийся спектр в упорядоченности приоритетов объективно свойственного ей вектора целей производства, на который объективно настроен механизм рыночной саморегуляции макроэкономической системы Запада. Кроме того, деградиционный спектр *непредсказуем*, что является одним из факторов подавления им развивающегося спектра потребностей при ограниченных возможностях производства, а также потребления.

На практике отнесение потребностей к тому или иному из двух спектров, определение их иерархической упорядоченности в векторе целей и объёмов достаточного производства – дело субъективное, обусловленное истинной нравственностью человека, культурой мышления и внешне видимого поведения, только отчасти *сдерживающего* проявление истинного, таимого человеком нрава.

В массовой статистике макро- и микроэкономика, как и вся остальная жизнедеятельность общества, обусловлены истинной нравственностью, проявляющейся в желаниях, мечтаниях, предумышлениях и во внешней видимой деятельности людей. Идеалам нравственности, благим самим по себе, часто в поведении мысленном и внешне видимом, сопутствует *распущенность людей* как антипод их *свободной самодисциплины*. Даже единичное проявление распущенности обращает во зло самые благие намерения и идеалы.

Статистика, описывающая такого рода явления и их взаимосвязи, объективно существует и обладает собственными характеристиками устойчивости во времени, обусловленными сменой поколений и изменением культуры. Поэтому вне зависимости от мнений, побеждающих в спорах о нравах, индивидуальный и статистический анализ причинно-следственных обусловленно-

стей в системе отношений позволяет статистически объективно выделить всем и без того известные вредоносные факторы: алкоголь, прочие наркотики и яды, разрушающие психику; половые извращения; чрезмерность (равно: недостаточность) потребления самих по себе невредных продуктов и услуг, вследствие которой возникает вред их потребителю и (или) окружающим, потомкам, биосфере; а также выделить и факторы, ранее не осознаваемые в качестве вредоносных.

С точки зрения теории управления, производство в обществе продукции и услуг в пределах развивающегося спектра демографически обусловленной достаточности – полезный выходной сигнал системы; выход продукции и услуг по деградационному спектру – помехи: это – собственные шумы системы, а также внешние наводки. Помеха искажает и подавляет полезный сигнал, что может привести систему к гибели, если своевременно не произойдет отстройка от помехи, или она не будет подавлена системными средствами.

Соответственно, вся концепция прав человека в биосферно допустимом обществе может исходить из утверждения: права человека есть его обязанности по искоренению из жизни общества деградационных потребностей как своих собственных, так и какой-то части остального населения, и подавление процессов их возобновления как в живущих, так и в последующих поколениях.

Концепция прав «человека» в Западной цивилизации первым из прав де-факто признает право на паразитизм социальной «элиты»: глобальная расовая монополия на ростовщичество, ограничение доступа к образованию для не-«элитарных» социальных групп и т.п. Иерархическая оценка значимости весьма неопределённой по смыслу «свободы» индивида в ней выше, чем иерархическая значимость устойчивости общества, породившего индивида; выше, чем иерархическая значимость устойчивости биосферы, породившей общество, – это есть извращенное понимание *истинной свободы*. В пользу этого говорит и следующее. В последние годы в российской прессе частят термины «устойчивое развитие», «концепция устойчивого развития» и т.п.

Термин «устойчивое развитие» придуман не нами. Он родился в культуре, где языком международного общения является английский. В английском языке термин-оригинал звучит как «sustainable development». Глагол «sustain» имеет значение «выдержать», прилагательное «sustainable» имеет значение «стойкий». То есть Запад ведёт речь не об устойчивом развитии человечества в ладу с Космосом, что можно подумать, по переводу на русский этой терминологии, а о стойком выживании под давлением обстоятельств, порождаемых разладом цивилизации и объемлющей её жизнь Объективной реальности. Иначе говоря, в русском языке этот термин должен звучать как «боевая устойчивость развития человечества», что приводит к вопросу: «Кто враг?» – и ответу на него: «Бог и Мироздание... Победа будет за Богом».

Есть ли смысл нам присоединяться к концепции «of sustainable development»? либо лучше поддержать альтернативную концепцию?

Прошло то время, когда обсуждение Западной концепции прав «человека» имело познавательный смысл для определения путей собственного развития России. Глобальные внутриобщественные антагонизмы, вызванные господством на Западе такого рода истинной нравственности, воспроизводимой из поколения в поколение, вылились в глобальный биосферно-экологический кризис. Он подвёл неоспоримый итог Западной концепции прав «человека» в её практическом осуществлении: вяло текущая шизофрения вне стен лечебницы для душевнобольных; равно – глобальная опасность для всех, в том числе и для самого Запада.

Выводы по параграфу.

Социальный смысл потребностей человека выражается в следующем: 1) потребности людей являются основной движущей силой развития общества, поскольку их удовлетворение связано с выработкой всё более новых способов производства и потребления готового продукта. А возрастание разнообразия этого продукта, в свою очередь, стимулирует развитие новых потребностей; 2) не все потребности человека могут быть удовлетворены в полном объёме в связи с тем, что ресурсы природы исчерпаемы, человеческие возможности по

использованию ресурсов природы ограничены; некоторые потребности человека становятся не оптимальными, ведут к деградации личности и социальным антагонизмам; часть экстремальных способов удовлетворения потребностей человека может приводить к риску глобальных экологической, экономической и духовной катастроф.

В процессе исследования на основе взаимосвязанной иерархической систематизации основных областей знания и соответствующих научных картин (Е.В. Ушакова) соискателем были выделены следующие уровни общности исследования взаимосвязи труда и потребностей: конкретно-научный (физиологические и психологические аспекты); фундаментальный (социально-экономические и социологические аспекты); социально-философский (методологические, мировоззренческие и концептуальные аспекты взаимосвязи труда и потребностей людей). Рассмотрены специфика и содержание соответствующих знаний на каждом отмеченном уровне познания.

В итоге, на социально-философском уровне получены результаты, позволившие автору выделить два основных вида потребностей по характеру их воздействия на общество и природу: развивающие (биосферно допустимые) потребности, которые можно спрогнозировать на основе социально-демографических характеристик населения; деградиционные (экстремальные) потребности, удовлетворение которых наносит непоправимый ущерб социально-природной жизни на планете.

1.3 Роль труда в реализации потребностей человека

Удовлетворение потребностей человека в нормальном режиме идёт посредством труда, который является одним из главных видов человеческой деятельности. Труд многогранен и сложен. Его изучением занимаются многие науки: политическая экономия, конкретные экономики, философия, психология, эргономика, статистика и другие.

В философии труд изучается преимущественно с онтологических и аксиологических позиций: специфика и содержание труда, природа труда, его смысл и значение для человека. Однако до XIX в. труд не был предметом се-

рьезной философской рефлексии. Завершённых концепций труда не существовало, были лишь представления о труде, интегрированные в различные философские системы. Впрочем, по замечанию современного исследователя Т. Дракера, истории трудовой деятельности нет и по сей день, и в ближайшие сто лет труд должен стать важным предметом изучения [49, с. 86].

Предмет социальной философии предполагает теоретическое отражение логики жизни человеческого общества. Разве можно, рассматривая природу общества в его истории и сути, не вникнуть в такие сферы общественной жизни, как экономика, политическая, духовная сферы жизни общества? Разумеется, что без этого исключена возможность полного и настоящего уяснения того, что же такое общество. Всё, что необходимо для жизни людей, создаётся трудом. Человек – высшая ценность общества, поэтому всё, что создаётся трудом, призвано служить во имя человека, для блага человека.

Научные притязания социальной философии не отменяют проблематику труда и капитала, анализируемую многими другими науками, но и не сводятся всего лишь к их повторению в обобщённом виде. Философия, по определению Гегеля, – «это эпоха, схваченная в мысли» [38, с. 55]. Однако, «чтобы «схватить эпоху в мысль», надо саму мысль развить до содержания эпохи» [152, с. 4].

В понимании взаимосвязи труда и капитала действительно наметился перелом, смена векторов на основе системного подхода к современным реалиям в обществе. Однако всё это не даёт оснований считать, будто бы философия труда и капитала может быть сведена исключительно к вопросам, круг которых отражает «злобу дня», какие-то ограниченные проблемы нашего времени. Вовсе нет. Если мы согласились с тезисом Гегеля, что «философия – это эпоха, схваченная в мысль», то значит, содержание эпохи надо сделать достоянием мысли Человека труда. Иными словами, основным содержанием философии взаимосвязи труда и капитала должно быть такое знание, которое выражает систему научных представлений о природе, обществе и человеке в данную историческую эпоху.

Первые размышления о богатстве и его взаимосвязи с трудом, мы находим в античной Греции, в частности, у Аристотеля. Аристотель различает обмен, направленный на удовлетворение потребностей, который надо поощрять, и ростовщичество и обмен с целью наживы, который он осуждает [7]. Его аргументы принимаются в средние века Фомой Аквинским и схоластами, которые на их основании осуждают заём под проценты.

В отличие от капитала, который начал изучаться сравнительно недавно, научным представлениям о труде предшествовал многочисленный и многогранный опыт ненаучного (донаучного) его осмысления.

В античной философии, характеризующейся созерцательностью и приоритетом теоретической деятельности над практической, физический труд считался унизительным занятием. Воспевание крестьянского труда в поэмах «Труды и дни» Гесиода и «Георгики» («Поэма о земледелии») Вергилия является скорее символом, подобно символическому прикосновению китайского императора к плугу один раз в год, в день праздника посева риса.

«Вся человеческая жизнь, – писал Аристотель, – распадается на занятия и досуг (*scolh*), на войну и мир, а вся деятельность человека направлена частью на необходимое и полезное, частью на прекрасное... Война существует ради мира, занятия – ради досуга, необходимое и полезное – ради прекрасного» [7]. В греческом понимании хозяйственно-производительный труд – деятельность, направленная на необходимое и полезное – представлял собой занятие, не достойное свободного человека.

Греки рассматривали труд как «не-досуг» (*a-scolia*), своего рода отклонение от нормального образа жизни. Досуг – не синоним безделья; он от начала и до конца заполнен деятельностью, которая не служит чему-то другому, а сама по себе хороша, – политикой, философией, литературой, наукой и образованием. Как времяпрепровождение свободного человека, *scolh* у древних греков противостоит, с одной стороны, физическому труду (уделу рабов, торговцев и ремесленников), а с другой стороны – праздному бездельному развлечению и игре [7].

Если труд служит «пользе и необходимости», обеспечению материального благополучия и достатка, то свободная нетрудовая деятельность, по Аристотелю, не имеет цели (*a-telhV*) и полностью исчерпывает свое значение в своем собственном исполнении; она непроизводительна и являет собой «цель в себе». Свободный гражданин полиса, человек благородный и с трудом не связанный, «склонен владеть прекрасными и невыгодными вещами, а не выгодными и для чего-нибудь полезными, так как самодостаточному первое более свойственно» [6]. Греческое представление о «самодостаточном» бытии деятельного человека явно подчинено анагогическому идеалу созерцания и присущего ему образа жизни. Не случайно, поэтому, понятие *scolh* (лат. *schola* – свободное времяпрепровождение, досуг, праздность) означало также время, посвященное ученым занятиям и беседам (отсюда – «схоластика» и «школа»).

Производительный труд, как и всякая вообще неполитическая, необразовательная и нетворческая хозяйственная деятельность, презирался греками, считался занятием недостойным, унижающим человека и приближающим его к скотине. Тем не менее, за этим занятием признавалась «полезность». Античное общество, как и любое другое, не могло существовать без материального производства, поэтому оно нуждалось в рабах (как современное общество – в наёмных работниках и техническом аппарате, который они обслуживают). Однако, по замечанию Х. Арендт, «институт рабства в древности был не средством добыть дешевую рабочую силу или «эксплуатировать» людей ради прибыли, чем он стал позднее, а намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь» [4, с. 109]. Это желание вполне объяснимо, ведь труд (*ponoV*) ассоциировался у греков (так же как *labor* у римлян, *Arbeit* у немцев и *travail* у французов) с несчастьем, бедствием, болью и мукой. Даже Гесиод, которого обычно числят среди немногих защитников производительного труда в древности, говорит в «Теогонии» о «труде мучительном» – *ponoV alginoenta* – и называет его «первым среди человеческих зол»:

Грозной Эридою Труд порождён утомительный, также
Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных [40, с. 27].

В средние века отношение европейцев к труду кардинально не меняется. В средневековой западноевропейской философии, в целом теоцентрично ориентированной, труд рассматривался как следствие и проявление несовершенства человеческой природы и первого грехопадения. Адам и Ева в раю не работали, лишь после грехопадения они вынуждены были в наказание трудиться. По замечанию Михайлова, труд понимается не только как необходимое средство пропитания, но и как божественное предписание, путь искупления грехов, а также способ их предотвращения, необходимый для «изгнания праздности» и «обуздания похоти» [104, с. 27].

В необходимости изо дня в день трудиться – «в поте лица» добывать «хлеб насущный» – церковь видела следствие и проявление несовершенной природы человека. Библейская оценка труда как наказания вошла составной частью в этику христианского средневековья. Христос, утверждало духовенство, не трудился. Собирая вокруг себя учеников, он призывал их оставить мирские занятия и быть «ловцами человеков», а не тружениками. «Жизнь созерцательную» (*vita contemplativa*), приближающую человека к святости, теологи ставили выше «жизни деятельной» (*vita activa*). Уставами монастырей труд допускался, но исключительно в качестве гигиенического средства аскезы и в очень умеренных дозах. При этом экономическая составляющая труда не принималась в расчёт: работали, чтобы «обуздать плоть» и усилие воли противопоставить «соблазнам лени», а не для того, чтобы «создать продукт или извлечь прибыль» [74, с. 98]. Чисто производительная (в современном понимании товарного производства) и коммерческая деятельность, преследующая целью обогащение, осуждалась и презиралась духовенством – «Религия есть удовольствие, которое общество находит в использовании избыточных богатств... точнее, уничтожении по меньшей мере их ценности как чего-то полезного... Духовная жизнь забирает у труда то время, которое можно было бы использовать на производство. Суть здесь единственно – в отсут-

ствии полезности, в безвозмездности усилий... Спасение в христианстве в принципе выводит цель религиозной жизни за пределы производительной деятельности» [12, с. 106-107]. Далёкое от идеала *vita contemplativa* средневековое дворянство, тем не менее, относилось критически ко всем деятельности *vita activa*, связанным с материальным производством, накоплением и приумножением богатств. Иначе и быть не могло, ведь богатство служило для феодала орудием поддержания общественного влияния и авторитета, средством обеспечения «тимократического» (в платоновской терминологии) превосходства, а вовсе не рассматривалось как цель жизнедеятельного процесса или источник инвестиций. Богатство растрачивалось – и этим оправдывало себя, являя свидетельство доблести, щедрости и широты натуры сеньора. Трудолюбия, расчетливости и бережливости, этим сомнительным «добродетелям» средневекового *homo faber'a* (*Homo Faber*, лат. Человек Производящий – термин введённый в научный оборот Х. Арендт и М. Фришем), противопоставлялась благородная и бескорыстная щедрость дворянина – величайшее достоинство человека, облеченного властью и привилегиями и «освобожденного от всяких полезных занятий» [30, с.87]. «Щедрость [в средние века] возводится в центр этической системы рыцарства, оттесняя даже воинскую удаль, – пишет А. Гуревич. – Широта натуры, гостеприимство, готовность, с которой раздаются подарки, – определяющий принцип дворянина, единственное для него средство достижения вершин любви. Богатый скупец [в представлении средневекового поэта и философа] – чудовище, не понимающее смысла своего привилегированного положения и идущее против воли божьей» [44, с. 259].

Таким образом, *vita activa* людей, привязанных к производительному труду, мыслилась в средние века как противоположность *vita contemplativa*, «аристократической праздности» (Бэкон) и «героической лени» (Маркс) представителей привилегированных классов. Хозяйственно-предпринимательская деятельность, ограничивающая свободу человека (и физическую, и духовную), всячески маргинализировалась и умалялась евро-

пейскими философами, историками и поэтами (точно так же Платон и Аристотель в свое время оставляли вне рассмотрения малоинтересные для них вопросы организации труда ремесленников, торговцев и рабов). Даже авторы первых утопий, считающихся «коммунистическими», разделяли это аристократически пренебрежительное отношение к *vita activa*. Для Томаса Мора труд – всего лишь «телесное рабство», которому свободные граждане Утопии вынужденно отдают часть своего времени, переложивши на плечи людей несвободных – государственных рабов [107]. Столь же далеки от идеализации труда Кампанелла и Уинстэнли (последний даже предлагал ввести в уголовную практику особое «наказание трудом» – временное или пожизненное обращение в рабство) [62; 147].

Уже на ранних этапах развития общества, результаты труда стали тесно связываться с таким видом вознаграждения за него как «деньги». Одни из первых рефлексий о природе денег появляются в XIV столетии как реакция против доктрины томизма. Выступая против взгляда на деньги как на личное дело князя, Никола Орем (Nicolas Oresme) утверждает, что ценность денег основывается на согласии продавцов их использовать и, следовательно, князь, единственный законный источник денег, должен воздержаться от манипулирования ими [182]. Два века позже это отношение между князем и торговцами оказывается во Франции в центре дебатов о деньгах, в которых проявили себя сеньор де Малеструа и Жан Бодэн [46, с. 5]. Анализ этого центрального вопроса был расширен меркантилистами до исследования природы процессов обогащения нации посредством контроля над внешней торговлей, стимулирования рабочих мест путём защиты национальной промышленности и стимулирования внутренней экономической активности посредством ввода в оборот дополнительного количества наличных денег.

Так начиналась эпоха Возрождения, где в понимании труда появляются новые оттенки. Труд рассматривается через противопоставление не с творчеством, а с бездействием, праздностью; понимается не только как естественная

потребность человека, но и как необходимое условие совершенствования личности и процветания общества. Впервые высказываются предположения о творческом характере трудовой деятельности и возможности свободной активности в труде (в т.ч. и физическом).

Протестантизм, возникший в XVI в. в ходе Реформации, ещё более обогатил понимание труда и возвысил его в европейской культуре. Успех в трудовой деятельности (в т.ч. предпринимательской и коммерческой, считавшейся в католической философии занятием, имеющем целью обогащение, и поэтому почти непристойным) в протестантизме стал знаком «благословения» и «избранности». Это обстоятельство, как показал М. Вебер, и стало основой формирования нового типа экономических отношений в Западной Европе – капиталистического производства в условиях свободной конкуренции.

Протестантская этика провозгласила высшими добродетелями трудолюбие и предприимчивость, а все, что каким-либо образом отвлекало от хозяйственно-предпринимательской активности или препятствовало ей, безоговорочно осудила. Укоренение этой идеологии ознаменовало победу индустриального и коммерческого духа капитализма над созерцательно-рефлексивным, поэтическим и теолого-метафизическим духом предшествующих – добуржуазных эпох [29]. Древнегреческое различие труда – (*ponoV*) – и досуга – (*scolh*) – сохранило свою силу, однако получило иную трактовку, прямо противоположную греческой: теперь уже *scolh* определяется как не-рабочее время (*a-ponoV*) и санкционируется трудом, а не наоборот, как у Платона и Аристотеля. Отдых не сам по себе хорош, но всего лишь полезен и необходим, так как служит восстановлению и накоплению сил для производительной и коммерческой деятельности. «Тренировка жизненных функций не ради труда, а ради самой жизни (как мышления ради мышления в диалектике древних), а также любого рода витальная и духовная аскеза... утратили смысл... Всё это – «развлечения»; «по-настоящему серьёзные» лишь гешефт и работа» [164, с. 183].

Начиная с XVII в. труд признается единственным источником богатства. В экономической теории разрабатывается трудовая теория стоимости, одним из основоположников которой считается английский экономист У. Петти, который считал, что «труд есть отец и активный принцип богатства, а земля мать его» [119, с. 55].

Первым организованным течением в политической экономии, направленным на то, чтобы воздействовать на общественные дискуссии с помощью научной концепции общества, стала «школа» Ф. Кенэ. Эта школа была названа «школой физиократов». Термин появился в 1767 г. в собрании сочинений Франсуа Кенэ, опубликованном Дюпоном де Немур: это неологизм, образованный от греческих слов *physis* (природа) и *kratos* (власть). Такое понимание власти природы включает одновременно видение общества в терминах естественного порядка и объяснение богатства ролью природы в сельском хозяйстве.

Фундамент доктрины физиократов – признание продуктивности только за сельским хозяйством. Это единственный сектор, производящий больше, чем необходимо для этого производства, в отличие от торговли и промышленности, которые производят только ценность, равную издержкам ее производства. Богатство в «аграрном королевстве», таком, как Франция, зависит, таким образом, от величины чистого продукта, полученного в сельском хозяйстве, и объектом реформ должно быть стимулирование активности фермеров, делающее такую активность более выгодной.

Две основные меры могут действовать в этом направлении:

- 1) устранение всех налогов, подавляющих эту активность и свободный обмен сельскохозяйственных продуктов, скомпенсированное введением единого налога с получателей чистого продукта, т.е. землевладельцев, которым достается рента;
- 2) устранение всех препятствий для торговли этими продуктами, включая экспорт, чтобы обеспечить фермерам доходы, несправедливо получаемые посредниками.

Хотя работы физиократов опираются на представление экономики, отмеченное чертами французского общества той эпохи, их вклад в формирование экономической науки является весьма существенным и сводится к следующему:

- 1) представление экономики как системы, структурированной одновременно на социальные классы и на сектора деятельности;
- 2) идентификацию, под названием «естественный порядок»;
- 3) экономические законы, управляющие отношениями между индивидами;
- 4) различие между капиталом (авансы) и прибылью (чистый продукт);
- 5) концепцию обращения потоков затрат, обеспечивающего воспроизводство общества в целом, остановка которого приводит к экономическим кризисам;
- б) противоречие между производительным и непроизводительным трудом.

В экономической теории данного периода сохраняется противопоставление труда и творчества. Развивая трудовую теорию стоимости У. Петти, согласно которой стоимость товара определяется количеством труда, затраченного на его производство, А. Смит рассматривает труд в качестве основной экономической категории. Переход от ремесленного производства к массовому, по мнению современных экономистов, сделал возможными феномены эксплуатации и отчуждения, обусловил актуальность вопроса о цели труда. Классические экономисты отвечали на этот вопрос определённо, в духе сложившихся традиций: люди работают не ради труда, а ради денег, получаемых за труд и расходуемых на отдых (впрочем, в работах классиков европейской политэкономии прослеживается стремление рассматривать категорию труда в связи с неэкономическими (социальными, психологическими и др.) аспектами трудовой деятельности (моральные нормы, мотивы поведения, традиции и т.п.), однако они сводятся чаще всего к экономическим).

В эпоху Просвещения распространено осмысление труда как деятельности, реализующей физические, интеллектуальные, эмоциональные ресурсы. Категориально идеи просвещенческой идеологии представлены в философии Г. Гегеля. Труд рассматривается как «всеобщая субстанция человеческого бытия», способ реализации сознания, форма самоосуществления человека. Г. Гегель полагал, что возвышение индивидуального до общественного – общезначимого возможно благодаря труду. Г. Гегель был одним из первых, кто признал действительное отношение человека к среде как практическое, рассматривал труд как важнейшую форму практики. В труде, в «придании формы» обнаруживается диалектика взаимоотношения субъекта с объектом. Поэтому труд выступает наиболее реальным способом связи субъекта и объекта. Философ раскрыл универсальную роль труда в субъективации объекта и объективации сущностных сил субъекта. Данный процесс оценивается с позиций объективного идеализма, в результате труд предстает формой высвобождения духовности от вещественной оболочки. Трудовая деятельность характеризуется как освобождение духа и возвращение его в сферу чистого сознания. Труд определяется как процесс связи человека с природой, выводящий человека из инстинктивно-животного состояния в сознательно-социальное. Гегель акцентировал внимание на единственной сущностной форме труда – абстрактно-духовной.

Понимание труда Гегелем включает все возможные виды человеческой активности: от рутинного производства до занятий искусством или наукой. У Гегеля впервые в истории философии снимается противопоставление материальной и интеллектуальной деятельности.

В этот период, на смену ресурсам земли пришел жестокий в отношениях между людьми новый ресурс их жизнеобеспечения – машинная промышленность и *капитал как накопленный труд* [97, с. 163]. Власть капитала породила новое хозяйство, основанное на всех формах свободы, кроме свободы на труд. Так эпоха феодализма уступала место капитализму с его первоначальным накоплением капитала за счет обезземеливания, пауперизации и ограб-

ления колоний метрополиями.

Эпоха власти капитала в денежном эквиваленте суть эпоха накопления неоплаченного, отчужденного труда многих сотен, тысяч и даже миллионов людей в пользу эксплуататоров.

На волне формирования капиталистических отношений, возникает концепция *homo economicus*, «экономического человека» – рационально действующего субъекта, стремящегося к получению максимальной выгоды. На этой основе рождается представление о глобальном меркантилизме: трудовая деятельность считается мотивированной исключительно утилитарно, никакого иного интереса к труду самому по себе нет и быть не может. Следствием таких представлений стали первые теории заработной платы: рабочий не должен получать больше прожиточного минимума, иначе он потеряет интерес к труду. Очевидным казался вывод, что человек не может испытывать удовлетворения от содержания работы (в условиях массового внедрения машин в фабричном производстве это было действительно так).

Труд рассматривался не как форма совершенствования личности, а лишь как средство к существованию и получению прибыли. В таких условиях непреложным казалось, что труд и творчество несовместимы. Данная базовая концепция и привела к кризису европейской классической политэкономии, ярко обозначенному представителями утопического социализма, которые не только признавали труд в качестве приоритетного источника богатства, но и предлагали меры по реорганизации трудовых и имущественных отношений. Ш. Фурье, например, в работах о будущем обществе указывал (хотя и неявно) на необходимость снятия дилеммы «труд – творчество»: экономические различия между умственным и физическим трудом должны быть уничтожены; необходимо объединить индивидуальные и коллективные экономические интересы; труд должен быть освобожден от принуждения, тогда, если он соответствует склонностям и способностям человека, труд будет наслаждением [158].

Маркс, испытавший сильнейшее влияние Гегеля, не только допускал творческий характер труда, но и считал его важнейшим моментом в формировании человека. Анализируя процесс труда, Маркс говорит, что: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [89, с. 188]. Человек же, «противостоит веществу природы как сила природы», то есть человек являясь сам частью природы, для того чтобы удовлетворить свои потребности, присваивает «вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, для чего приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» [89, с. 188]. То есть, труд определялся К. Марксом как целесообразная деятельность по преобразованию или приспособлению веществ или явлений природы, рассматривался в качестве способа сотворения нового мира и самого человека. Однако, при сложившейся к XIX в. системе распределения доходов и способе производства, происходит, по мнению К. Маркса, отчуждение труда, при котором труд утрачивает характер выражения человеческих творческих сил, становится средством поддержания существования; продукты, процесс труда приобретают самостоятельное бытие, независимое от воли и планов человека. Поэтому в процессе труда рабочий относится к собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему, и только вне труда рабочий не чувствует себя оторванным от самого себя. Отчужденный труд связан с отчуждением человека от себя как творящего существа, от других людей, всего мира, который воспринимается как чужой и враждебный. Отчужденный труд разрушает креативные способности человека (которые могут и должны проявляться именно в трудовой деятельности), в итоге распадается его личность, человек превращается в вещь. В концепции отчужденного труда прослеживается и критика современной Марксу политэкономии, построенной на абстракции *homo economicus*,

которая сводит творчески-трудовую сущность человека к потребности в деньгах как единственно подлинной потребности. Чем беднее человек как личность, тем выше его потребность в деньгах; чем больше степень отчужденности, тем больше потребление, обладание становятся смыслом жизни.

Действительно, сложившаяся во времена Маркса система понимания мотивации труда основана на положении А. Смита, что и рабочие, и работодатели руководствуются лишь материальными интересами («рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева давать возможно меньше»). Способ производства, критикуемый Марксом, действительно фактически не оставлял места креативным новациям в трудовом процессе. Для выполнения большего объёма работы рабочий вынужден трудиться либо дольше, либо интенсивнее.

В XIX в. в философии романтизма (Ф. Шеллинг, Ф. Шлейермахер) и философии жизни (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон), а в XX в. в экзистенциализме и персонализме наметилось резкое противопоставление трудовой деятельности (как утилитарно-практической) творчеству. Э. Мунье отличает труд от «деятельности вообще», творчества в частности, которое он считает «наиболее духовной формой деятельности» [109, с. 21]. Труд, по его мнению, необходимое, но низменное условие существования, «естественное, но тяжёлое, направленное на созидание полезного продукта, укрощение неподатливой материи», отличающееся отсутствием всякого элемента духовности и творческого начала [109, с. 23]. Труд трактуется как нечто противоположное родовой сущности человека мыслящего.

Л. Мэмфорд считает материально-производственную деятельность, мотивированную утилитарно, чуждой человеку, сближающей его с животными. Учение К. Маркса, по мнению Мэмфорда, представляет человека «как животное, производящее орудия», тогда как истинно человеческое бытие характеризует художественно-творческая деятельность, поскольку человек был создателем образов, мечтателем, артистом до того, как стал создателем орудий [111].

Позднейшие экономисты и социологи обратили внимание на ряд новых особенностей трудовой деятельности и условий её осуществления, которые заставили пересмотреть представления о природе и мотивах труда, а также роли и месте творчества в трудовой активности.

В русской традиции В.С. Соловьев определял труд как деятельную обработку внешней природы для получения необходимых средств существования. Он писал: «прежде всего человек должен жить, а для этого необходим материальный экономический труд, обеспечивающий его существование» [138, с. 148].

Итак, труд как объект потребности – фундаментальное социальное явление, связанное с биосоциальной природой человека. По мнению В.Л. Иноземцева, «труд» следует рассматривать как обозначение всех основных форм разумной активности человека, независимо от того, какой исторический отрезок развития цивилизации является предметом анализа [56, с. 202-205].

Труд предстает фундаментальной составляющей природы человека. В социальной философии трудовая форма человеческой деятельности имеет доминирующее значение.

Особое звучание имеет проблема человекотворных функций труда. И.И. Чангли оценивает труд в качестве ваятеля человеческой личности, силы, совершающей общественные связи, фактора, расширяющего сферу свободы [161, с. 6-7].

М.С. Каган рассматривает труд в основном противопоставляя труд, как деятельность внешне мотивированную, труду (самодеятельности, творчеству), доминирующим мотивом которого является внутренний [59].

Одним из показательных примеров рассмотрения трансформаций в сфере труда через призму понятий «труд–творчество» являются исследования В.Л. Иноземцева. На протяжении тысячелетий трудовая активность человека, по мнению этого исследователя, принимала две основные формы – деятельность, задаваемая инстинктами и примитивными традициями, и осознанная деятельность, «определяемая материальными интересами и направ-

ленная на преодоление факторов, препятствующих человеку в достижении его материальных целей», «воплощающая противоречивость материальных интересов» экономического общества [56, с. 202-203]. Говоря об исторической ограниченности труда, В.Л. Иноземцев размышляет о трансформации его в творчество, определяя последнее как «деятельность человека, воспринимаемая им как порождаемая внутренним стремлением к самореализации и предполагающая данную самореализацию в качестве основной цели; деятельность не воспроизводимая другими людьми как в своём процессе, так и в своём результате» [56, с. 212]. Освещая тезис ряда авторов о том, что «цель творчества принципиально не соответствует его возможному вещному результату, при этом высказывается положение о различии творчества и труда только по внутренним мотивам и структуре деятельности при возможности сходства по внешней форме активности и полного совпадения по ее вещным результатам» [56, с. 211].

В наиболее практическом плане проблема преобразования труда нашла своё воплощение в трудах социальных философов, социологов, экономистов в последние 40-50 лет, что было обусловлено в наибольшей степени мощным рывком НТП, который породил новые сферы человеческой деятельности, новые трудовые мотивации, предъявил новые требования к качеству рабочей силы, обозначил её новые функции в материальном и духовном производстве. Родилась одна из самых на сегодня популярных на Западе социолого-экономическая доктрина постиндустриального общества, опирающаяся на позитивистские подходы.

Основой концепции постиндустриального общества является концепция нового социума как резко отличающегося от общества, господствовавшего на протяжении последних столетий: отмечается прежде всего снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившийся тип вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация существующей социальной структуры.

Сторонники теории постиндустриального общества особенно активно акцентируют внимание на новых сторонах хозяйственной жизни, выходящих за рамки сферы производства материальных благ. При этом Д. Белл, например, чьи взгляды складывались начиная с 50-х гг., считает, что постиндустриальное общество основано на производстве услуг [172, р.54], тогда как в последующем исследователи склоняются к высокой оценке роли информационного сектора, как Нейсбит, например. «Высокие» технологии, значимая роль человеческого фактора призваны обеспечить доминирование в производстве невоспроизводимых и уникальных благ, продуктов высокоиндустриализированных производств. Идеи К. Маркса о всестороннем развитии личности должны в данном случае наполняться вполне конкретным содержанием: с одной стороны, человек должен реализоваться в деятельности на своём рабочем месте, которое модернизировано, и это подразумевает, что он выполняет функции грамотного управления и контроля над производством; с другой стороны, предоставление обществом индивидуальных и уникальных благ способствует не просто воспроизводству индивида для очередного дня монотонной работы, но саморазвитию.

Исследователи постиндустриального общества отмечают, что в новом социуме значительная часть людей получает возможность выбирать занятия на основе своих индивидуальных предпочтений и при этом реализовывать на рабочем месте стремление к самовыражению и самосовершенствованию. В рамках постиндустриальной теории высказывается также предположение о скором наступлении того времени, когда человек сможет всесторонне реализовывать и постоянно совершенствовать свои способности.

Так же как и основоположники марксизма, теоретики постиндустриализма подходят к анализу перспектив хозяйственного и социального прогресса с точки зрения возможности преодоления отчуждения, понимаемого ими, однако, в целом ряде отношений более упрощенно. В новом обществе, по их мнению, осуществляется взаимодействие между личностями, не принимая той фетишизированной формы, которая свойственна классическому

капитализму. «Тот факт, что индивиды отныне общаются с другими индивидами, а не взаимодействуют с машинами, – пишет Д. Белл, – является фундаментальной чертой постиндустриального общества» [172, р. 147]. Это обстоятельство вытекает у Белла из анализа исторического контекста проблемы. Указывается, например, что «человеческая деятельность, представляющая собой в аграрном обществе взаимодействие с природой, в индустриальном – с предварительно преобразованными человеческим трудом объектами природы, в постиндустриальном социуме становится системой отношений между людьми, что напрямую связывается с экспансией сферы услуг и информатики, производство которых неотделимо от процесса потребления» [172, р. 163]. Подобная система выступает как предполагающая развитие так называемого коммунального общества, характеризующегося преодолением отчуждения человека от других людей и от общества в целом, становлением организованного производства. Приверженцы теории постиндустриального общества развивают, таким образом, концепцию совершенствования форм человеческой деятельности, отчасти схожую с марксовой, не «отягощённую» при этом анализом таких проблем как анализ взаимодействия труда и капитала на этом новом витке технологического прогресса, анализ двойственного содержания труда в этих условиях и т.д. [113, с. 31-36].

Представления о трансформации человеческой деятельности занимают одно из центральных мест у исследователей постиндустриального общества – труд меняет своё содержание, становясь повсеместно более сложным, требуя постоянного повышения квалификации, труд меняет свой характер, становясь творческим.

Если попытаться обобщить исследования теоретиков постиндустриального общества о трансформациях в сфере труда, то можно говорить о том, что *новое содержание труда выражается:*

- в использовании человеком в своей деятельности всё более сложных орудий труда, человеческая деятельность в сфере материального и нематериального производства в развитых странах сегодня повсеместно

автоматизируется, что является в отдельных случаях источником социального напряжения;

- по мнению большинства исследователей постиндустриального общества, тейлоровская система, вовлекающая работника в выполнение отдельных операций, уступает место более целостной деятельности, которая выражается, например:
 - 1) в более разнообразной, многооперационной деятельности; это выступает как один из аспектов «интеллектуализации» человеческой деятельности;
 - 2) в нередкой для работника необходимости быть знакомым со всеми этапами технологического процесса, осознании своей роли в нем;
 - 3) в ответственности небольшого коллектива работников (рабочей группы, бригады, например) за создание конечного продукта или законченной части продукта;
- в возрастании объёма контрольных операций, которые требуют обостренной реакции, особого внимания, психологического напряжения;
- в необходимости самостоятельно принимать решения, рационально использовать ресурсы;
- в частичном преодолении отчуждения работника от средств производства. Так, например, основное орудие труда в постиндустриальном обществе – компьютер – может по мнению исследователей, сегодня принадлежать любому человеку в развитых странах Запада, Америки, Японии; предмет и продукт труда – информация – нередко также не отчуждаемы от работников.

К чему же должно привести дальнейшее развитие науки и техники?

С одной стороны, происходит всё большее высвобождение человеческих ресурсов, занятых на производствах с тяжёлым физическим трудом; производится больше продукции, с меньшим участием человека в непосредственном производстве. Всё это должно приводить к снижению количества

рабочих, необходимых для удовлетворения потребностей общества в данной продукции. В интересах общества освободившиеся человеческие ресурсы, должны перенаправляться на другие виды деятельности, и, по мере, удовлетворения потребностей общества в различных товарах и услугах, должно происходить снижение рабочего времени каждого конкретного человека. Именно эту идею (как бы мы не относились к данной личности в истории) обозначил в своё время И.В. Сталин, который считал необходимым «сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов... для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования» [141, с. 204].

Сегодняшняя действительность показывает, что эти идеалы очень редко находят понимание как среди бизнес-элит, так и среди политиков. И чаще всего мы наблюдаем то, что люди попросту выгоняются на улицу, на произвол судьбы. И мало кто учитывает, что среди явлений, характерных для человека, труд – одно из главных условий социализации.

Исключение человека из процесса труда, как показывает практика, приводит к его деградации, а, если это произошло на ранних этапах развития человека, то и к остановке процесса формирования личности. Остаётся только догадываться, чем руководствовались редакторы-составители почти всех, за редким исключением, философских словарей постсоветского периода, когда не включали статью «труд» в издаваемые словари.

Выводы по параграфу.

Анализ имеющихся в современной философской литературе определений труда показывает их разнообразие. Так, французский учёный А. Котта определяет труд как согласованную мускульную деятельность. Диссертант считает данное определение не полным, так как, во-первых, не всякая мускульная работа является трудом (например спортивная деятельность); во-вторых, не учитывается, что труд может представлять не только физическую, но и умственную деятельность.

В отечественной социально-философской традиции советского и пост-советского периодов определение понятия «труд» в целом соответствует его пониманию у К. Маркса: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (К. Маркс «Капитал», т. 1).

Исследование содержания и сущности труда в аспекте его взаимосвязи с потребностями человека позволяет выделить следующие характеристики этой взаимосвязи. 1. Процесс труда совершается для удовлетворения потребностей человека. При этом создаются орудия и средства производства, производство средств производства, которые в итоге обеспечивают получение желаемого готового продукта. 2. Для человека свойственны потребности не только материального, но и духовного плана. С возрастанием роли сознания и духовных качеств людей даже при изготовлении материального продукта всё большую роль приобретает эстетическая ценность (красота, дизайн). В своё время это привело к развитию ремёсел, не связанных напрямую с удовлетворением материальных потребностей человека (музыка, живопись, скульптура и т.п.). 3. Во взаимосвязи потребностей и труда в обществе самоорганизуются потребностно-трудовые циклы. В них определённые потребности людей вызывают трудовую деятельность, обеспечивающую желаемый результат, а этот результат, в свою очередь, порождает новые потребности и т.д. 4. Как известно, человек имеет общественную природу. Для удовлетворения потребностей общения и деятельности в усложняющихся социальных системах на определённом этапе социального развития возникает необходимость социальной организации производственных процессов, а также выделения групп людей, занимающихся управлением социальными системами разной сложности (муниципальными, государственными и пр.). Это обусловило необходимость появления особого вида деятельности – управленческого труда.

Диссертантом выявлено, что ни одно из существующих определений категории «труд» не включает в себя указанные характеристики взаимосвязи

потребностей и труда. Особо следует отметить отсутствие характеристик управленческой деятельности в определении труда. В связи с этим автор предлагает следующее определение понятия «труд»: Труд – это индивидуально-социальная деятельность по преобразованию ресурсов природы и общества в материальные, духовные и социально-организационные блага, необходимые для удовлетворения потребностей человека и общества.

Глава 2 Динамика взаимосвязи труда и потребностей в системе общественных отношений

2.1 Социальная обусловленность общественного объединения труда

В первой главе было отмечено, что не все моменты, присущие социальной жизни человека, в достаточной степени находятся в центре внимания социальной философии и других наук. Но технический прогресс, приводящий к изменению содержания труда, ставит перед исследователями новые задачи. Часть из этих задач связана со сложностью адекватной стоимостной оценки «умственного труда», выделяемого в структуре общественного разделения труда.

Попытка решения данной задачи представителями деятельностного подхода, привела к тому, что они выделили внетрудовую деятельность, которая осуществляется в различных сферах общественной жизни (культура, наука, воспитание, спорт и др.), и «труд который есть по существу, всего лишь, преодоление сопротивления природной материи и серьёзной затратой физических сил» [15]. Это размывает само понятие «разделение труда» и вносит ещё большую неразбериху в проблему дифференциации труда, а, соответственно, и в проблему оценки, так называемого, умственного труда, которого, получается, не существует.

Как же решить данную проблему? В первую очередь, необходимо несколько изменить подходы к вопросу о «разделении труда».

В настоящее время под *разделением труда* понимается «качественная дифференциация трудовой деятельности в процессе развития общества, приводящая к обособлению и сосуществованию различных её видов. Разделение труда существует в разных формах, соответствующих уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений. Проявлением разделения труда является обмен деятельностью» [19].

Принято выделять разделение труда внутри общества и внутри предприятия. В общественном производстве выделяют общее, частное и единич-

ное разделение труда. Термин «разделение труда» употребляется также для обозначения специализации производства в пределах одной страны и между странами – территориальное и международное разделение труда.

Античные авторы (Исократ, Ксенофонт) подчёркивали положительное значение разделения труда для роста производительности труда. Платон видел в разделении труда основу для существования разных сословий, главную причину иерархического строения общества. А. Смит (ему принадлежит сам термин «разделение труда») отмечал: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» [135, с. 69]. Вслед за ним, такого же мнения придерживались и остальные представители классической буржуазной политической экономии. Наряду с этим, у Ж.Ж. Руссо протест против превращения людей в односторонних индивидов, как следствия разделения труда, был одним из главных аргументов в его обличении цивилизации. Социалисты-утописты, признавая необходимость и пользу разделения труда, вместе с тем искали пути ликвидации его вредных последствий для развития человека. А. Сен-Симон выдвинул задачу организации координированной системы труда, которая требует тесной связи частей и зависимости их от целого. Ш. Фурье для сохранения интереса к труду выдвинул идею перемены деятельности.

С середины XIX в. для буржуазной общественной мысли характерна апология разделения труда: О. Конт, Г. Спенсер отмечали благотворное его значение для общественного прогресса, а отрицательные последствия считали его необходимыми и естественными издержками либо относили их не к разделению труда самому по себе, а к искажающим внешним влияниям (Э. Дюркгейм).

В марксистской теории разделения труда отмечается историческая неизбежность и прогрессивность разделения труда, указывается на его антагонистические противоречия в эксплуататорском обществе и ищутся возможные пути их устранения. На ранней ступени развития общества существовало

естественное разделение труда – по полу и возрасту. С усложнением орудий производства, с расширением форм воздействия людей на природу их труд стал качественно дифференцироваться и определённые его виды стали обособляться друг от друга. Это диктовалось очевидной целесообразностью, поскольку разделение труда вело к росту его производительности. В.И. Ленин писал: «Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т.п.». Отсюда Ленин делал вывод, что специализация общественного труда «... по самому существу своему, бесконечна – точно так же, как и развитие техники» [78, с. 95].

Производство немислимо без сотрудничества, кооперации людей, порождающей определённое распределение деятельности. «Очевидно само собой, – писал К. Маркс, – что эта необходимость распределения общественного труда в определённых пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определённой формой общественного производства, – измениться может лишь форма её проявления» [89, с. 460–461]. Формы распределения труда находят прямое выражение в разделении труда, которое обуславливает и существование исторически определённых форм собственности. «Различные ступени в развитии разделения труда, – писали Маркс и Энгельс, – являются вместе с тем и различными формами собственности, т.е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [98, с. 20].

Процесс распределения людей в производстве, связанный с ростом специализации, совершается либо сознательно, планомерно, либо принимает стихийный характер. В первобытных общинах этот процесс носил планомерный характер. Орудия труда здесь были строго индивидуализированы, однако

труд и пользование его результатами не могли тогда раздробляться – низкая производительность труда людей исключала их выделение из общины.

Так как во всю предшествующую историю человечества процесс производства заключался в том, что люди между собой и предметом труда вклинивали орудие производства, сами становясь непосредственным компонентом производственного процесса, то начиная с первобытной общины индивидуализация орудий труда приводила к «прикреплению» людей к ним и определённым видам дифференцировавшейся деятельности. Но поскольку все члены общины имели общие интересы, такое «прикрепление» носило естественный характер, считалось оправданным и разумным.

С развитием орудий производства возникли целесообразность и необходимость относительно обособленного труда индивидов, а более производительные орудия давали возможность обособленного существования отдельных семей. Так происходило превращение непосредственно общественного труда, каким он был в первобытных общинах, в частный труд. Характеризуя сельскую общину как переходную форму к полной частной собственности, Маркс отмечал, что здесь труд индивидов приобрёл обособленный, частный характер, и это явилось причиной возникновения частной собственности. «Но самое существенное, – писал он, – это – парцеллярный труд как источник частного присвоения» [96, с. 419].

«В докапиталистических формациях, – писал Энгельс, – средства труда – земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты – были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление... Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю... Следовательно, право собственности на продукты покоилось на собственном труде» [171, с. 211, 213].

В результате раздробления труда, превращения его в частный труд и появления частной собственности возникли противоположность экономических интересов индивидов, социальное неравенство, общество развивалось в условиях стихийности. Оно вступило в антагонистический период своей ис-

тории. Люди стали закрепляться за определёнными орудиями труда и различными видами всё более дифференцировавшейся деятельности помимо их воли и сознания, в силу слепой необходимости развития производства. Эта главная особенность антагонистического разделения труда – не извечное состояние, будто бы присущее самой природе людей, а исторически преходящее явление.

Антагонистическое разделение труда приводит к отчуждению от человека всех других видов деятельности, кроме сравнительно узкой сферы его труда. Создаваемые людьми материальные и духовные ценности, а также сами общественные отношения уходят из-под их контроля и начинают господствовать над ними. «... Разделение труда, – писали Маркс и Энгельс, – даёт нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней» [98, с. 31].

На основании этих заключений, делается вывод, что такое состояние может прекратиться лишь при двух непеременимых условиях: первое – когда средства производства в результате социалистической революции переходят из частной в общественную собственность и кладется конец стихийному развитию общества; второе – когда производительные силы достигнут такой ступени развития, что люди перестанут быть прикованными к строго определённым орудиям труда и видам деятельности, перестанут быть непосредственными агентами производства. С этим связаны два коренных изменения: во-первых, прекращается обособление людей в труде, труд в полной мере становится непосредственно общественным; во-вторых, труд приобретает подлинно творческий характер, превращается в технологическое использование науки, когда субъект выступает рядом с непосредственным процессом производства, овладевает, управляет им и контролирует его. Это два непре-

менных условия достижения подлинной свободы, всестороннего развития и самоутверждения человека как разумного существа природы.

Маркс указывал, что производительный труд должен стать одновременно и самоосуществлением субъекта. «В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определённым образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [95, с. 110].

Одна из проблем в исследованиях Маркса, заключается в том, что исследуя труд, он выделил труд рабочих – производительный труд, и противопоставил его капиталу, отправив весь продукт произведенный рабочим сверх «необходимого» в доходы «капитала», как полностью эксплуататорский элемент. В реальной жизни всё обстоит несколько иначе.

Социальная обусловленность управления в общественном объединении труда. Как мы видим из аргументов приводимых различными авторами в разные эпохи, описанные Марксом виды разделения труда реально существовали и, более того, имеют место быть сегодня. Более того, в структуре доходов «капитала» очень большая доля именно эксплуатации рабочего, как и говорил в своё время К. Маркс. Но очень часто, в рассуждениях о разделении труда, речь идёт только о частном, внутрипроизводственном разделении труда, смешивая его с *общественным разделением умственного и физического труда*. В связи с этим, проблема адекватной оценки, так называемого, умственного труда уходит на второй план. Для того, чтобы не путаться в данных понятиях, авторский коллектив ВП СССР предлагает Общественное разделение труда обозначить как Общественное объединение труда. При этом, на социально философском уровне выделяются два качественно отличных друг от друга вида человеческой деятельности: труд управленческий и труд произво-

дательный [34, с. 26]. В данном контексте, труд производительный (в отличие от Маркса) понимается, как деятельность человека по созданию не только материальных, но и духовных (в т.ч. и информации, зафиксированной на материальных носителях) ценностей. Таким образом, к производительному труду относится любой труд, результат и качество которого можно оценить по реальному продукту: у токаря – выточенные детали; у дворника – чистота территории; у художника – картины; у учителя – качество знаний и духовно-нравственное развитие его учеников; у учёного – новые знания, полученные в результате исследований; и т.д. Качественное же отличие управленческого труда, позволяющее его выделить в отдельную сферу деятельности, заключается в том, что результатом его деятельности является *процесс* сборки различных механизмов хозяйственной и общественной деятельности человека в единое целое. В связи с этим, любая попытка измерить качество управленческого труда в «принятых решениях», перепечатанных документах, количеству времени, проведённому на рабочем месте и т.п. приведёт к тому, что бюрократический аппарат будет расти, а качество жизни падать.

Подтверждением данного положения является изучение племён и народов, до настоящего времени пребывающих в первобытно-общинном строе или на стадии раннего и зрелого феодализма, которое позволяет выделить некоторые моменты, не в достаточной степени отмеченные или попросту проигнорированные многими исследователями.

Уже в первобытном обществе большинством членов общины (племени, рода) признавалась необходимость выделения специализированного внутри-общественного образования – системы управления. В основном это была шаманско-старейшинская структура, устойчиво существовавшая при смене поколений. При этом, так или иначе, представители этой структуры освобождались от монотонного труда по добыче средств к существованию. И на это был ряд причин, основные из которых: 1. Для развития определённых способностей и навыков необходимо время и особые знания, которые практически невозможно получить, посвящая большую часть времени на добычу средств

существования; и 2. Добыча средств существования, особенно охота, рыбалка, да и просто перемещение человека в дикой природе, связано с риском потерять здоровье и даже жизнь в борьбе со зверем или от внезапного шторма, или под упавшим деревом и прочих опасностей, которые и до сих пор, пусть и в меньшей степени, но всё-таки уносят жизни и здоровье людей. Особо в этом ряду опасностей стоит война, напрямую связанная с нанесением максимального урона противоборствующей стороне.

Также необходимо отметить, что в условиях ограниченной возможности удовлетворения потребностей всех членов общины, управленческая структура пользовалась преимущественным правом распределения и потребления добытого или произведённого продукта. И члены общества сознательно шли на подобного рода издержки, так как уже в первобытных обществах понимали, что мы живём не только так как мы работаем, но и так как нами управляют (или мы собой самоуправляем)! То есть, говоря современным языком, качество жизни каждого члена общества напрямую зависит от качества управления этим обществом. Поэтому в первобытной общине колдуном, шаманом, жрецом мог стать далеко не каждый, а только тот, кто мог *практически* доказать обществу свою способность к этому виду общественно полезной деятельности, вполне удовлетворявшей тогдашние потребности современников. От деятельности управленческих структур напрямую зависит жизнеспособность всей общины: например, именно они принимали решение оставаться на месте или уходить в другое место, если уходить, то куда и когда — ошибка в данном вопросе может привести к гибели общины.

В состав таких структур входили те, кто долго и праведно жил, много помнил, был опытен и мудр. Они являлись своего рода общественной памятью и могли на основе прошлого опыта сформировать концепцию решения возникающих проблем. Кроме них, в структуру входили те, кто обладал способностью пророчить будущее и управлять им вне зависимости от рассуждений на основе имеющегося своего и чужого прошлого личного опыта, т.е. «шаманы». Каждый человек имеет те или иные суждения о будущем: во мно-

гих первобытных обществах существовали устойчивые обычаи, ритуалы, ориентированные на выявление прозорливцев с целью дальнейшего их специального воспитания для выполнения ими в последующем наиболее общественно значимых функций.

Первобытное общество управлялось по схеме предиктор-корректор. Шаманско-старейшинская структура оценивала состояние природы и общества. На основании опыта прошлого и шаманских прогнозов будущего эта структура соотносила с ними цели общественной деятельности, формировала концепцию их достижения и проводила её в жизнь. В силу того, что общество было ещё бесклассовым, шаманско-старейшинская структура служила интересам всего общества и была открыта для вступления в неё представителям всех семей и кланов, но в зависимости от реальных, а не мнимых заслуг перед обществом каждого из них.

В дальнейшем происходил процесс накопления знаний, как среди «рядовых» членов общины, так и в структуре управления. Ввиду того, что в отличие от простолюдинов, шаманско-старейшинская структура обладала большим количеством свободного от тяжёлого физического труда времени, то и объём и широта накопленных знаний у них были на порядок выше. При расширении границ общины происходило всё больше и больше столкновений с новыми, неизвестными факторами, для разрешения которых требовалось всё большее количество знаний и свободного времени, в связи с чем росла зависимость основной массы общины от представителей управленческой структуры, всё больше времени стало уходить на подготовку кадров для неё. На этот факт обращал внимание и В.И. Ленин: «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых – учиться, во-вторых – учиться и в третьих – учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мёртвой буквой или модной фразой...» [77, с. 391]. Также, Ленин указывал и на качественное отличие управленческого труда: «Объявить конкурс сейчас же на создание двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческо-

го» [77, с. 395]. Это прямо указывает, что Ленин выделял управленческий труд в особую категорию, требующую особого подхода.

Любое управление тем быстрее (а это основа, но не гарантия его эффективности) в пределах сферы своей ответственности, чем меньше стеснен произвол (т.е. проявление воли, самостоятельность, инициативность) управленца, отвечающего за эту сферу, законодательством, необходимостью согласовать с верхами и т.п., и чем меньше антагонизмов в векторах целей управленца и подчиненного персонала, то есть в обществе должна господствовать единая для всех нравственность, соборность, дух коллективизма. Это возможно, когда кадровой базой управленческого корпуса является все общество при доступности в нем реально любого знания каждому по его потребности, и потому в обществе нет условий для монополюльно высокой цены на продукт управленческого труда. В силу этого кредитно-финансовая система подавляет в равной мере все социальные слои, снижая социальную напряженность (как это и было в первые десятилетия советской власти). Труд невольников неэффективен. И если, с 1913 года по 1955 год производительность труда рабочих увеличилась в промышленности СССР в 8 раз (для сравнения, в промышленности США – в 2,2 раза) [124], народом была освоена материально-техническая, кадровая и информационная помощь иностранного капитала в годы первых пятилеток и в войне, то это не из-за страха перед ГУЛАГом, а потому, что широкие слои населения обрели некое новое качество свободы, понимание которого недоступно критикам сталинизма. И если не быть слепцом, то это свобода получить сколь угодно высокое образование вне зависимости от того, что деды и прадеды были крепостными, которых продавали, как скот, предки многих нынешних критиков «сталинизма». В 30-40-е гг. было в порядке вещей, что директор крупного завода, сам в прошлом рабочий, сын рабочего или крестьянина, окончив вуз, работал по 16 часов в сутки, а получал зарплату меньшую, чем высококвалифицированные рабочие его же завода, работавшие «от гудка до гудка». Общественно-целесообразный произвол такого директора находил всегда поддержку в

коллективе, поскольку, хотя страна жила трудно, но год от года, от пятилетки к пятилетке лучше и лучше. Это тоже необходимо сопоставить с мнением Б. Обамы по этому поводу: «В 1980 году среднестатистический исполнительный директор получал в сорок два раза больше, чем среднестатистический рабочий. К 2005 году это соотношение достигло 262 к 1. Лагерь консерваторов, к которому принадлежит и редакция «Уолл-стрит джорнал», оправдывает эти астрономические суммы и гигантские акционерные доли необходимостью привлечения талантливых руководителей и настаивает, что экономика государства лучше функционирует тогда, когда у руля стоят толстые и красивые топ-менеджеры. Но такой резкий рост доходов руководящего звена никоим образом не связан с улучшением экономических показателей. Дело обстоит иначе – *самые высокооплачиваемые руководители за последние годы допустили серьёзные провалы в росте доходов своих компаний, уменьшение стоимости их акций, массовые увольнения, сокращение размеров пенсионных фондов.*

Увеличение доходов руководства обусловлено вовсе не требованиями рыночной экономики, а культурой. В то время, когда у среднестатистического рабочего доходы практически не растут, многие представители руководства без зазрения совести кладут себе в карман всё, что разрешают им уступчивые приручённые советы корпораций. Американцы отдают себе отчёт в том, насколько пагубна такая этика корысти для нашей общественной жизни» [179, р. 38].

Падение эффективности общегосударственной системы управления народным хозяйством СССР – следствие начавшейся в 50-е годы элитаризации семей, кормившихся от сферы управления, что сопровождалось восстановлением монопольно высоких цен на продукт управленческого труда и возникновением замкнутости «элиты» из поколения в поколение, ставшей социальной базой управленцев. С точки зрения теории управления, это – разрыв обратных связей. Самые глубокие обратные связи – когда весь слой управленцев знает, что ни при каких условиях их денежные доходы не превысят средних в

обществе. Тогда управленец будет думать о том, как вести производство так, чтобы на среднюю зарплату можно было жить год от года лучше. В противном случае головы забиты проблемами, где урвать лично для себя и как сделать личную карьеру.

Чем больше расходятся объективная нравственность управленца и персонала, тем труднее идёт управление. В широких социальных слоях это выглядит сначала как массовый саботаж, потом встречный произвол, и, поскольку, пока жив народ, он не утрачивает понятий о справедливости, то в конце концов – народно-освободительное движение, подобное тому, что возглавили «мужик» (не дворянин) Минин и князь Д. Пожарский. Хотя к тому моменту, как начинается целесообразно организованное народно-освободительное движение, объективная нравственность его (народа) может пасть очень низко, но и в этом состоянии он хранит память о прошлом и идеалы справедливого будущего, почему и возникает народно-освободительное движение. Лик его в каждую эпоху бывает свой.

Уже в древности люди понимали: Знание – Власть, и «жречество-знахарство», монополизировав знания, стало требовать монопольно высокую цену за управленческий труд. Начался процесс классового расслоения общества по принадлежности к сфере управления, сопровождавшийся нравственной деградацией представителей власти. Часто стали проявляться примеры, когда управленческая структура больше всего думала о своём собственном благополучии. Шаманско-старейшинская структура распалась: шаманство трансформировалось в жречество, имеющее свои структуры, в том числе и тайные; старейшинство трансформировалось в «элиту», ставшую социальной базой структур государственного аппарата, формировавшегося по наследственному принципу. Остальное общество оказалось в сфере сельскохозяйственного и ремесленного производства и в сфере обеспечения продуктообмена (купцы).

В информационном отношении общество распалось на три части.

1. Жречество-знахарство. Оно стало хранителем *фактологии* знания и

методологии получения нового знания. На каком-то этапе оно перестало нуждаться в «пророках из толпы», видимо, освоив содержательную сторону того, что мы сейчас знаем как различные культуры йоги в Индии. Жречество отгородилось от общества тем, что для него вероучение общества и соответствующий культ были мнемонической системой хранения информации, иносказания и «мистика» которой защищали монополию на Знание от несанкционированного доступа «толпы», т.е. всего остального общества. По мере того, как этот процесс развивался, подстегиваемый всё более ярко выраженным эгоизмом, жречество проявляло вседозволенность по отношению к остальному обществу и постепенно вырождалось в иерархию *социального знахарства*, манипулировавшего обществом, хотя и сохранило наименованное «жречество». Социальная функция *ж-реч-ества* – *жизне-реч-ение*, выработка замысла жизнеустройства, методологии получения новых знаний и их адаптация в изменяющихся условиях. Знахарство ограничивается тем, что применяет уже готовую методологию и не способно выработать новую.

2. «Элита». Она получала от знахарства только *фактологию* знания *в части, её касающейся* (оборот речи из лексикона секретного документооборота времён СССР) в практической её деятельности: готовые рецепты, иносказания, пророчества, но не *методологию* обретения новых знаний и самостоятельного воспроизводства таимых иерархией знаний по мере возникновения в деятельности необходимости в знаниях и навыках. «Элита» стала социальной базой чиновничьего корпуса государственного аппарата. «Элита» целенаправленно лишалась полноты фактологии и целостной методологии, при которой оба вида мышления: предметно-образное и абстрактно-логическое развиты и в согласии дополняют в деятельности друг друга.

3. «Толпа» – народные массы с минимальным уровнем образования в области *методологии* и *фактологии*, необходимым для обслуживания средств производства вне сферы управления. «Толпа» целенаправленно лишалась детальности фактологии и методологии, развитой в форме науки, но сохраняла полноту методологии в её житейской образно-иносказательной форме. Аб-

страктно-логическая форма существования в обществе терминологически определённого знания калечилась господством культа, поддерживаемого иерархией социальных знахарей.

Очень хорошее определение дал В.Г. Белинский: «толпа – это собрание людей, живущих по предрассудку и рассуждающих по авторитету» [14]. В этом смысле «элита» отличается от «толпы» лишь своим привилегированным положением. Но полная функция управления обществом в целом осталась за знахарством. За «элитой» остались ограниченные частичные функции управления *в отношении общества в целом*, лишённые опознавания факторов давления среды, формирования вектора целей, неограниченной концептуальной деятельности.

Это взаимоотношение «жречества»-знахарства и «элиты» ярко показал Плутарх. Описывая возмущение Александра Македонского по поводу опубликования Аристотелем некоторых своих учений, Плутарх приводит весьма знаменательное письмо полководца: «Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах» [122].

Успокаивая уязвленное честолюбие и чувство превосходства Александра, Аристотель в своём ответе ему объяснил, что «хотя эти учения и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы».

В этом примере хорошо видно, что Александр Македонский (лидер «элиты») обеспокоен «нарушением» Аристотелем (периферией социального знахарства) монополии на Знание – основы власти над невежественным обществом. Но здесь же и хорошо видно, что Аристотель обеспокоен сохранением той же монополии на Знание ещё больше, чем Александр, поскольку намекает Александру, что публикация в некотором смысле дефективная и не позволяет овладеть Знанием в полной мере по её прочтении: требуются ещё некие объяснения. Если Александр не понял этого сам, то только потому, что

не выделял «жречество» из «элиты». Но из этого же вопроса Александра следует, что социальные знахари ознакомили его только с тем, что посчитали необходимым для осуществления Александром возложенной на него миссии. Так что с точки зрения социального знахарства Александр Великий – такой же представитель толпы, как и все прочие, не принадлежащие к «жречеству». Этот исторический факт, описанный Плутархом, показывает, что «элита» и «жречество», каждый в меру своего понимания, охраняли монополию на Знание и сотрудничали в сфере управления.

В данном аспекте, нельзя согласиться с марксистско-ленинским определением: «государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим» [76, с. 7]. Государство – система профессионального структурного управления обществом. Структурное управление – процесс управления, в котором информация передаётся адресно по вполне определённым элементам структуры, сложившейся (или целесообразно сформированной) ещё до начала процесса управления. Оно выкристаллизовывается из бесструктурного управления – процесс управления при котором заранее сложившихся структур нет и происходит безадресное циркулярное распространение информации в среде, способной к порождению структур из себя при установлении информационно-алгоритмических взаимосвязей между слагающими среду элементами..

Государство возникло естественным образом из бесструктурного управления, когда общественные структуры оформились вокруг уже устоявшихся информационных потоков, обеспечивавших бесструктурное управление обществом в первобытные времена. Переход к структурному управлению сопровождался ростом качества управления в общественном объединении труда. Естественно, что в условиях низкого уровня производства и сложившегося толпо-«элитаризма» одной из функций государственных структур стала организация профессионального грабежа соседей и защиты своего общества от поползновений соседей к такому же грабежу. Профессионализм, накапливаемый в постоянных структурах, обеспечивал более высокое «каче-

ство» грабежа и защиты. В таких условиях функция подавления недовольства реальных и мнимых эксплуатируемых и угнетаемых в своём обществе, – своего рода «бесплатное» приложение к монополии «жречества» и «элиты» на Знание и вторичной монополии на высокий, по сравнению с остальным обществом, уровень жизни.

Понятийная база Русского языка такова, что изъяснить понятие «*власть*» можно только так: Власть – реализуемая на практике способность управлять. В отношении общества полная функция управления распадается по специализированным видам внутриобщественной власти.

Концептуальная власть несёт на себе:

- распознавание факторов среды, оказывающих давление на общество;
- формирование векторов целей в отношении фактора, оказывающего давление;
- формирование целесообразной, целенаправленной функции управления структурным и бесструктурным способами, т. е. концепции управления достижением цели развития общества.

Концептуальная власть всегда работает по схеме предиктор-корректор (предуказатель-поправщик). Она – начало и конец всех контуров управления, высший из видов внутриобщественной власти. Она *автократична*, т.е. самовластна по своей природе и игнорирует «демократические» процедуры общества, не видящие её или не желающие признать её автократию.

Идеологическая власть облекает концепцию в притягательные для широких народных масс формы. В условиях толпо-«элитаризма» содержание концепции может быть сколь угодно далеко от притягательности форм, в которых она предстает перед обществом.

Законодательная власть подводит под концепцию строгие юридические формы.

Исполнительная власть проводит концепцию в жизнь структурно и бесструктурно, опираясь на общественные традиции и законодательство.

Судебно-следственная власть следит за соблюдением «законности» в

жизни общества [34, с. 76-77].

В настоящее время, мы можем сделать выводы, что, согласно вышеописанной иерархии власти:

- Концептуальная власть, в лице знахарей-жрецов представителей «мировой закулисы», выставила по отношению ко всему человечеству цели, описанные в теории «золотого миллиарда», подразумевающие построение глобальной невольничьей цивилизации с наличием расы господ – «золотого миллиарда», но по сути являющихся теми же рабами знахарско-жреческой верхушки, но привилегированными по отношению к обслуживающей их «черни».
- Идеологическая власть, через различные религии и светские идеологии, объясняет представителям «черни», почему они должны смириться со своим подневольным положением, и следит за тем, чтобы «золотой миллиард» не слишком перегибал палку и подкармливал беззаботное стадо.
- Для этого, Законодательная власть пишет законы, оберегающие права «расы господ» на своё привилегированное положение, позволяющие, в случае необходимости, и наказывать слишком зарвавшихся надсмотрщиков, показывая «черни», что «справедливость» существует.

Налогово-дотационная связь с государственными и мафиозными структурами обращает любую «независимую» частную собственность в корпоративную вне зависимости от согласия с этим «частного собственника». При этом, несколько конкурирующих корпораций могут владеть одной и той же собственностью, конкурируя друг с другом за перераспределение доходов с нее: рэкетом налогов, ссудного процента кредитов и т.п. По отношению к ним «частный собственник» – всего лишь управляющий в системе объемлющего бесструктурного управления. Банкротство одного – очень часто просто передача управления тем же производством другому, осуществившаяся бесструктурным способом. Поэтому, в отличие от директивно-адресной смены директората, банкротство – более мучительное, растянутое во времени и не вполне понятное для жертвы,

средство передела собственности.

Если внешние связи структуры носят только юридический и налогово-дотационный характер с государством и мафиями, а директивно-адресное вмешательство в управление структурой извне отсутствует, то это и есть положение большинства производств в период «дикого» капитализма, «свободы» конкуренции, купли, продажи, производства.

Если же несколько таких структур охвачены общей для них системой директивно-адресного управления, включающего и перераспределение их финансовых средств, то это уже корпорация, трест; а при охвате производств в нескольких разных отраслях – концерн.

Структурно-обособленной фирмой, производством мы будем называть производственную (и банковскую) структуры, чьи внешние связи не носят характера директивно-адресного подчинения управлению со стороны иных структур, но внутри себя она может иметь один или более «гроссбухов» и счетов, по которым она имеет возможность перераспределять свои финансы директивно-адресно. Директивно-адресное вмешательство в остальные дела внутренних структур такого объединения со стороны их объемлющей структуры также может иметь место, но оно не представляет интереса при рассмотрении кредитно-финансовой системы.

В структурно-обособленной в указанном смысле слова фирме правом заключения сделок обладает центральное правление и его представительства в пределах прав, предоставленных центральным правлением. Центральное правление, главная контора, безусловно заинтересовано в том, чтобы его представительства в результате сделок купли-продажи получали прибыль. Но для реального участия в продуктообмене народного хозяйства должна быть платежеспособной фирма в целом. Поэтому этапы производства, убыточные сами по себе при данном преискуранте, но необходимые для осуществления всего производственного цикла фирмы, фирма вынуждена поддерживать дотациями за счёт перераспределения прибыли между своими филиалами. Фирма может ликвидировать свое убыточное производство только, если сможет

найти стабильного поставщика аналогичной продукции по ценам ниже ее собственной себестоимости производства. В противном случае она вынуждена терпеть убыточность собственного производства и самостоятельно заниматься его совершенствованием. Положение точно такое же, как и в межотраслевом общегосударственном разделении труда: убыточность одних своих производств фирма вынуждена покрывать, перераспределяя общую прибыль, или же ей придется согласиться со своей технологической зависимостью от других структурно-обособленных фирм (аналог внутриотраслевой конкуренции в глобальном разделении труда при допущении взаимно-отраслевой конкуренции внутри государства).

Управленческий корпус частной структурно-обособленной фирмы решает задачи *внешнего* и *внутреннего* управления продуктообменом. Оба процесса управления подчинены внешнему давлению кредитно-финансовой системы, в которой протекает продуктообмен между структурно-обособленными фирмами. Цель управления первого приоритета, любой частной структуры – сохранить платежеспособность в обозримом будущем при данном преysкуранте и ожидаемых тенденциях его изменения. Поскольку расходы неизбежно сопровождают производство, то эта цель трансформируется в стремление получить максимум денежной прибыли в обозримом будущем от продажи своей продукции, после всевозможных платежей, сопровождающих пользование кредитно-финансовой системой в данном обществе.

Управление внешним продуктообменом в этих условиях сводится к тому, чтобы найти поставщиков продукции, потребляемой в собственном производстве, подешевле, при соответствии её своим требованиям и продать свою продукцию подороже. Возможность и того, и другого определяется конъюнктурой рынка: она – объективная данность, внешняя по отношению к фирме. Кроме того, от задумки производства до выдачи продукции на рынок проходит время, в течение которого преysкурант может измениться настолько, что фирма обанкротится. Поэтому самые тяжелые условия – работа на рынок, открытый многим конкурентам, каждый из которых пытается вытеснить с него

других, наращивая свой выпуск. В этих условиях predeterminedены массовые банкротства по причине конечной, ограниченной ёмкости рынка. Самые благоприятные условия – работа на заказ, когда превышение доходов над расходами гарантируется при подписании контракта, по крайней мере, в периоды устойчивого продуктообмена и сопутствующего ему устойчивого функционирования кредитно-финансовой системы и медленно (по сравнению с продолжительностью производственного цикла) меняющимся преискурантом. Поэтому прогноз конъюнктуры рынка – исходная точка при решении задачи об управлении собственным производством, т.е. внутрискрутурным продуктообменом. И этот внутренний продуктообмен – единственное, что устойчиво в смысле предсказуемости для управленческого корпуса фирмы, на что единственно он может реально воздействовать через внутрискрутурную систему структурного (директивно-адресного, административно-аппаратного) управления и бесструктурного (внутренние стандарты, правила, внутренний «хозрасчёт» и т.п.) управления.

Управление внутрискрутурным продуктообменом, то есть само *производство*, основано на произволе, вытекающем из мировоззрения персонала и управленческого корпуса в частности.

Иерархия произволов довлеет над разработкой или выбором на рынке технологий, их внедрением и использованием в каждой из структурно обособленных фирм. То есть в сфере производства нет ничего, кроме профессионализма разного рода и структурно оформленного произвола управленцев, подчиненного некоему вектору целей, то есть субъективизму. Если в этом векторе целей все подчинено безоговорочно извлечению частной прибыли, то перед нами будет профессиональный христородавец, невольник жажды наживы, разрушающий всё на своём пути. Именно по этой причине труд невольников, сознательных, равно и подсознательных, одинаково неэффективен и разрушителен по отношению к окружающему миру точно так же, как и труд свободно оскотинившегося разгильдяя. И давление кредитно-финансовой системы, подконтрольной наднациональной корпорации банкиров-

гешефтмахеров, – одно из средств подавления свободы воли, поскольку любая неплатёжеспособность – выпадение из общества толпы, подневольной «закону стоимости» в толпо-«элитарной» социальной системе.

Это видно на примере того, как кредитно-финансовая система довлеет над распределением продукции на рынках сферы производства и сферы потребления. Что делает главным из видов административного произвола на производстве – право лишить премии, оштрафовать, уволить работника, не отвечающего предъявляемым администрацией требованиям. Это так, поскольку главный вопрос в каждом обществе с кредитно-финансовой системой: за что в обществе платят деньги? В ответе на этот вопрос отражена объективная нравственность любого общества, и она зафиксирована в его платежных ведомостях.

Соответственно, мировоззрение народа, нравственность его, даже с учётом классовых различий в толпо-«элитарном» обществе, отражены в управленческом произволе администрации фирмы и в степени добросовестности подчинения персонала администрации при исполнении должностных обязанностей под ее управлением. По этой причине любая американская фирма может торговать с японской, осуществляя свой внешний продуктообмен, но не может привить у себя японский стиль внутрискрутурной организации работ и продуктообмена.

Выводы по параграфу

В социально-философском знании обоснована категория «разделение труда», отражающая процессы дифференциации трудовой деятельности человека. Выделяются различные виды труда с опорой на марксистскую философию. К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» исследуют физический и умственный труд, кроме того, в данной работе выделяется также материальный и духовный труд. Исследование типологий (классификации основных видов) труда показало, что в основу выделения видов труда могут положены разные характеристики. Применение данных классификаций оказывается наиболее плодотворным в соответствующих областях. Так, на осно-

вании антропологических (физических и умственных) характеристик выделяются виды труда – физический и умственный. На основании культурологических характеристик (исходя из деления культуры на материальную и духовную) выделяют труд материальный и труд духовный.

Автор диссертации считает, что при социально-философском исследовании трудовых отношений необходима также классификация, основанная на общих социологических характеристиках, где в обществе можно выделить производственную и управленческую сферы. На отмеченных социологических основаниях автор выделяет два вида труда: труд производительный и труд управленческий (социально-организационный).

Одной из причин нарастания кризисных явлений в современном обществе, по мнению диссертанта, является то, что управленческий труд причисляется к «умственному труду» и смешивается с трудом художника, учителя и т.п., при этом к управленческому труду пытаются использовать методы оценки, применяемые в анализе результатов производительного труда, как «умственного», так и «физического».

Отделение управленческого труда (социально-организационных услуг) от производительного труда позволяет выделить качественные отличия первого от второго, изменить подходы к оценке качества управленческого труда, от которого напрямую зависит качество жизни каждого человека в отдельности и социума в целом.

Оценку качества управленческого труда необходимо осуществлять на основе: 1) обоснованности целей и задач управления в интересах большинства населения; 2) полноты реализации поставленных целей и задач управления; 3) учёта динамики общественной жизни и параметров объекта управления; 4) своевременности корректировок в управленческой деятельности с учётом изменяющихся условий. Лица, принимающие решения, должны уметь своевременно признавать и исправлять собственные ошибки.

Исследование проблемы трудовых отношений с применением методов дифференциации и интеграции социальных явлений и знаний о них позволи-

ло расширить представления об общественном труде, применив к нему диалектическую пару категорий. На социально-философском уровне познания предлагается, наряду с общепринятым понятием «общественное разделение труда», использовать также понятие «общественное объединение труда». Данное понятие применимо как к управленческой, так и к производительной деятельности.

В отличие от понятия «общественное разделение труда» предлагаемое диссертантом понятие «общественное объединение труда» отражает неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность управленческого и производительного труда в структуре общественной организации, а также нарастание интеграционных процессов в динамике современной общественной жизни. Управление социумом не менее важно в структуре общественных отношений, чем сфера производства «материального и духовного продукта» и «услуг».

Современный уровень развития науки и общества позволяет реализовать на практике основной принцип социально-справедливой демократии, заключающийся в том, что каждый человек должен знать основы управления обществом и государством, иметь возможность применить имеющиеся знания для защиты общественных и личных интересов. Это приведёт к ослаблению монополии на власть, к ликвидации монополюсности высоких доходов в сфере управленческого труда, которые отнюдь не приводят к высокому качеству управления и жизни людей в данной социальной системе. Это отмечается современными исследователями политической и экономической жизни общества, а также некоторыми политическими деятелями. Например, Б. Обама отмечает: «самые высокооплачиваемые руководители за последние годы допустили серьёзные провалы в росте доходов своих компаний, уменьшение стоимости их акций, массовые увольнения, сокращение размеров пенсионных фондов» (B. Obama *The Audacity of Hope*).

Таким образом, на основе общесоциологической характеристики трудовой деятельности можно выделить производительный и управленческий труд. Способы дифференциации и кооперации трудовых отношений следует

отразить в понятийном аппарате социальной философии в виде двух взаимосвязанных категорий «общественное разделение труда» и «общественное объединение труда».

2.2 Основные подходы к анализу взаимосвязи труда и капитала

С развалом социалистической системы, сложившейся в мире в середине XX века, многим показалось, что социализм ушёл в небытие, утянув с собой и марксизм. Но разразившийся глобальный финансовый кризис, способствовал повышению интереса к работам К. Маркса в Западной Европе. Вместе с тем, согласно опросу, проведённому еженедельником Spiegel, две трети (66%) восточных немцев и на удивление большое количество западных (56%) придерживаются мнения, что социализм – «хорошая идея, только неправильно реализованная до сих пор» [176, с. 98]. В связи с этим, считаем актуальным рассмотреть роль марксизма в анализе взаимосвязи труда и капитала в процессе удовлетворения потребностей человека.

В работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» молодой К. Маркс поднимает проблему положительного гуманизма, основанного на идее свободной, творческой сущности человека. Реализации этой сущности, по Марксу, препятствуют различные виды человеческого отчуждения: отчуждение между человеком и природой, человеком и человеком, между индивидом и родом. В основе всех форм отчуждения лежит отчуждение человеческого труда: «Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения» [100, с. 140].

Рассматривая существование различных форм отчуждения, К. Маркс говорит в экономическом плане о сменяющих друг друга способах производства. Эта смена обусловлена развитием производительных сил, которые человек помещает между собой и присваиваемой, осваиваемой посредством них природой. Тем самым они образуют новую, социальную «природу», лежащую между человеком и естественной природой.

Поскольку производительные силы имеют коллективный, общественный характер, эта новая природа может быть использована, присвоена человеком не непосредственно, а только в конкретной социально-экономической форме. Анализируя общественную форму присвоения человеком природы в марксистском ключе, С. Платонов рассматривает её, взятую в одном своём аспекте, как форму присвоения производительных сил – конкретную форму отношений собственности, а в другом аспекте, как форму общения между людьми в процессе производства – конкретную форму производственных отношений [121].

Не люди присваивают свои производительные силы как собственность, а отношения собственности, превращаясь в субъекта, присваивают людей. Таким образом, перед нами не человеческая история, а история развития собственности, история отчуждения. Именно в этом смысле Маркс называл всю предшествующую историю, включая и капитализм, человеческой предысторией.

Чтобы самим творить историю, стать её субъектом, возвратиться себе подлинную сущность, люди должны преодолеть многослойное отчуждение, сформированное в период предыстории. «Царству естественной необходимости» противостоит «царство свободы» – эпоха гуманизма, лежащая над производством. Однако эти два царства исторически должны быть опосредованы ещё одним, промежуточным, где:

- производственная деятельность людей ещё необходима, но уже во всё возрастающей мере подвластна их воле;

- свобода ещё лежит в границах необходимости, но сама необходимость уже является в основном осознанной, и в этом смысле переходит в свободу;

- человеческий труд постепенно уходит из сферы материального производства;

- коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий кон-

троль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила.

В марксизме категория труд, по мнению В.Л. Иноземцева, рассматривается в трёх аспектах – природном, социологическом и экономическом, при этом используется один и тот же термин, что создаёт некоторые неудобства в использовании этого понятия.

В природном аспекте труд рассматривается как вечное условие человеческой жизни, и поэтому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, «одинаково общ всем её общественным формам» [90, с. 381-382]. О труде здесь говорится, как об одной из форм существования человека, как о его реакции на природу в выше приводимом смысле этого понятия, последняя понимается как трансформирующаяся, преобразующаяся субъектом, включённым в стоящий над ним социум. Т.о. можно перейти к интерпретации труда в социологическом аспекте и трактовать его как «социально определённую человеческую деятельность» [91, с. 185].

Природный и социологический аспекты труда содержат в себе некое противоречие:

– с одной стороны, труд предстаёт как внесоциальное явление, т.к. «признавая, что «труд создал самого человека» Ф. Энгельс, таким образом, имеет в виду, что труд, возможный в «необщественных» условиях, привёл к созданию общества», а активность, изначально определяемая как социальная, не может быть причиной становления социума» [57, с. 205];

– с другой стороны, труд предстаёт как явление вполне социальное – «труд является общественно-определённой формой жизнедеятельности человека» [91, с. 185], а она, в свою очередь, снятием родовой деятельности человека (самодеятельности), превращая последнюю в средство своего существования. Получается, таким образом, что труд, как диалектическое целое, содержит в себе отрицательный момент – самодеятельность или творчество. А, значит, возможен переход в своё иное, суть этого перехода состоит в качественном изменении старого отрицательного момента, воплощающегося в новое целое. Опираясь на гегелевскую логику, К. Маркс и делает вывод о

том, что человечество закономерно осуществит превращение труда в самостоятельную, причём этот процесс он увязывает воедино с исчезновением частной собственности, эксплуатации и отчуждения.

Глубокое исследование этого противоречия – интересная и перспективная задача, попытка такого рода исследования предпринята В.Л. Иноземцевым в работе «К теории постэкономической общественной формации» [57]. Здесь отмечено, что противоречия марксовской теории труда в значительной мере объясняются чисто терминологическими факторами, а именно тем, что для обозначения таких качественно-различных видов деятельности, как активность дообщественного человека и свободная самостоятельность субъектов коммунистического общества, применяется одно основополагающее понятие труда.

Картина обращения к категории труда не будет полной, если не затронуть его третий – экономический – аспект по Марксу. Маркс полагает, что труд, как экономическая категория, возник только при капитализме в результате поэтапного становления частной собственности и труда как многоярусного отчуждения в период предыстории. Не правомерно ли, таким образом, говорить о труде и как о всеобщей, общественно-природной производительной силе, содержащей в себе все мыслимые производительные силы, как этапы собственного становления. В соответствии с марксистским подходом, в условиях капитализма отчуждение труда является:

- условием прогресса,
- формой развития самого труда (его содержания и характера), субъекта труда,
- «наука выступает как чуждая, враждебная по отношению к труду и господствующая над ним сила» [98, т. 3, с. 477],
- «возможно развитие только отдельных представителей рода человеческого, которое вначале совершается за счёт большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов» [95, с. 123],

- «этот антагонизм, однако, в конце концов, при коммунизме – общественном строе, преодолевающим отчуждение труда, должен быть разрушен и развитие рода «человек» совпадёт с развитием каждого отдельного индивида» [95, с. 124].

Основные черты грядущего свободного труда Маркс выводит как противоположность черт отчуждённого труда, сопровождающегося, прежде всего, разделением труда, наличием товарного производства.

У Маркса существует некоторая терминологическая неопределённость деятельности людей в будущем обществе, когда пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющееся до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд; но и одновременно, только современные пролетарии, лишённые всякой самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности. Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды. То есть, эта деятельность определяется свободным трудом, свободной самодеятельностью, всеобщим непосредственным трудом на фоне многократно повторяемого тезиса об отмирании труда.

Безусловным остаётся тот факт, что Маркс поставил проблему преодоления труда как монотонной репродуктивной деятельности, обусловленной экономическим или внеэкономическим принуждением, имеющим своим продуктом в рамках «царства необходимости» воспроизводимый преимущественный материальный предмет, отчуждаемый от производителя.

Тем самым, если даже характеризовать труд в социально-экономическом плане, как материально мотивированную репродуктивную деятельность по принуждению, имеющую своим продуктом воспроизводи-

мый в основном материальный продукт, не способствующую в масштабах всего общества становлению целостной личности, можно говорить о возможности применения данного подхода к анализу современной ситуации в мире: во-первых, удельный вес занимающихся такого рода деятельностью в мире велик; во-вторых, подход подразумевает трансформацию в направлении деятельности, обусловленной во многом нематериальной мотивацией, содержание которой нередко невоспроизводимо, продукт которой часто носит невоспроизводимый и нематериальный характер.

В контексте марксистской традиции важным считается анализ труда с точки зрения его отчуждения, когда происходит отделение от работника материальных условий, процесса и результатов его труда. Это происходит на фоне становления общественного разделения труда, сопровождающегося отделением работника от творческого содержания труда и сведением этого труда к репродуктивному.

Именно представители марксистского подхода являются наиболее последовательными сторонниками формационного подхода к истории, согласно которому выделяется несколько общественно-экономических формаций, которые определяются как исторические формы процесса общественного производства или способы производства. Каждый из способов производства характеризуется диалектикой взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Выделяются при этом первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический способы производства.

Нет необходимости в данном случае останавливаться на дискуссии отечественных учёных о членении истории на формации и спорах об использовании соответствующей терминологии, поясним лишь, что существует далеко не единственный подход к этому членению.

Так, например, получила развитие, обозначенная Марксом [88, с. 7] концепция азиатского способа производства, пришедшего на смену первобытнообщинному в странах Востока (см. работы Л.Б. Алаева [2], Р.М. Нуре-

ева [115]).

В.Л. Иноземцевым выдвинута идея, согласно которой у К. Маркса может быть выделено только три общественных (а не общественно-экономических) формации: первичная (архаическая), вторичная (экономическая), и третичная (коммунистическая). Формации перетекают одна в другую в результате социальных революций.

Основываясь на материалистическом подходе к исследованию общественных явлений, сторонники теории постиндустриального общества также придерживаются в своем роде формационных представлений, выделяя в своих работах три периода развития общества – доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный (Д. Белл [172], Р. Арон [8], Э. Тоффлер [146]).

В рамках марксистского подхода можно говорить о том, что историческая эволюция труда сопровождалась усугублением отчуждения работников от средств производства и результатов труда вплоть до середины XX века, когда стали обозначаться новые отношения между трудом и капиталом.

Капитал является наиболее значимой экономической категорией, пристально исследуемой не только учёными-экономистами, но и философами. Сущность капитала подлежала тщательному анализу со стороны представителей различных философско-экономических школ и направлений.

Анализ Марксом экономической клеточки капитализма – товарной формы продукта – показал, что клеточка эта раздвоена на сам товар и его стоимость, которая выражена в деньгах. Только во взаимодействии произведённого товара и его стоимости в деньгах овеществляются производственные отношения людей в процессе производства, их отношения в труде. Сложность вопроса, по замечанию Маркса, здесь заключается не в том, чтобы понять, что деньги – товар, а в том, чтобы «выяснить как и почему товар становится деньгами» [89, с. 102].

К. Маркс также считал, что «капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению» [89, с. 279]. Капитал «как жадный сельский хозяин достигает

повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы» [89, с. 275]. Таким образом, классик марксизма ограничивал сущность капитала только хищническими, безжалостными, беспощадными отношениями капиталистов к наёмным рабочим, хотя К. Маркс признавал, что под воздействием внешних факторов и обстоятельств капитал может быть и гуманным, но изменить свою эксплуататорскую природу не может. К. Маркс доказывал, что внутренняя природа капитала такова, что под воздействием экзогенных условий она измениться не в состоянии, что не подтвердила историческая практика.

Ж.Б. Сэй считал, что в производстве взаимодействуют предприниматели (они организуют и «правят делом производства»), землевладельцы (предоставляют природный материал для производства товаров) и рабочие (создают готовый продукт). Участники производственного процесса не находятся в противоречии, а, наоборот, дополняют друг друга. Особенно настойчиво эту идею «экономической гармонии» проводил другой французский экономист – Ф. Бастиа, который утверждал, что основные экономические взаимосвязи (а К. Маркс их сводил к отношениям труда и капитала как основному, определяющему капиталистический способ производства производственному отношению буржуазного общества) не могут быть ни чем иным, как взаимным обменом услуг, всё понижающихся в *ценности* и всё возрастающих в *полезности*. Очевидно, эти идеи позже у неоклассиков легли в основу равновеликого участия факторов производства в создании экономических благ и точно такого же распределения полученного дохода между собственниками экономических ресурсов.

По К. Марксу, философско-экономическое понимание сущности капитала связано с господством вещей над людьми, которое проявляется в безудержном накоплении ими вещного богатства, на основе превращения собственников своей рабочей силы в вещи потому, что в качестве олицетворения вещей уже являются владельцы средств производства. Это соответствовало такому историческому этапу развития человеческой цивилизации, как созда-

ние материально-технических основ и отраслей индустриальной экономики, когда, начатая ещё в средневековых городах, гонка за вещным богатством разделила общество на два непримиримых класса и когда это общество стало буржуазным, биполярным, что в настоящее время преодолевается созданными социально-экономическими механизмами гражданского общества и его институциональными устоями, включая традиционные и новые обычаи, ритуалы, вкусы и предпочтения подавляющего большинства людей. История развития буржуазного общества убеждает в том, что по мере накопления вещного богатства, а в буржуазную эпоху это, прежде всего, физический (вещный) капитал, капиталистические производственные отношения эволюционным, естественным путем утрачивают одни социально-экономические свойства и обретают другие. «Наиболее существенным из них, – отмечает И.В. Соболева, – является способность к инновациям и восприятию новейших технологических достижений, в основе которой лежит человеческий, интеллектуальный, социальный капитал... Именно это обстоятельство задаёт экономические императивы социализации бизнеса» [183, с. 20-21; 136, с. 90].

К. Маркс не ограничивал сущность капитала только его социальной природой, которая, по его мнению, исторически преходяща и также исторически уходяща, но революционным путём – путём экспроприации рабочими власти и собственности на физический капитал у владельцев средств производства. Он считал, что не всякие средства производства и не во всех экономических условиях могут выступать в качестве капитала. К числу этих средств он относил только те, которые в процессе эксплуатации капиталистами наёмного труда имеют технические возможности создания стоимости сверх стоимости рабочей силы. Эту сверхстоимость К. Маркс называл прибавочной стоимостью, а капитал – стоимостью самовозрастающей. Таким образом, в рамках своей исторической парадигмы К. Маркс пытался соединить два подхода к выявлению сущности капитала и поставить их в определённую субординационную зависимость друг от друга. Социократизм у К. Маркса скрывает в себе как экономизм, так и технократизм. В совокупности они ха-

рактируют сущность капитала второго порядка, который произведен от сущности первого порядка, от основных социальных устоев буржуазного би-полярного общества.

Рабочая сила, функционирующая в процессе производства в форме переменной части капитала в соединении с его постоянной частью, создаёт не только сверхстоимость, но и определённое приращение физического продукта, над тем его количеством, которое можно получить без применения этого постоянного капитала как совокупности функционирующих в данном производственном процессе орудий, средств и предметов труда. К. Маркс со ссылкой на итальянского физиократа Паолетти иллюстрирует этот процесс следующим образом: «Дайте повару некоторое количество гороха для приготовления обеда: он сварит его как следует, и в готовом виде подаст вам на стол, но подаст он то же самое количество, которое получил; напротив, дайте такое же количество гороха огороднику, чтобы он вверил его земле, и он в своё время возвратит вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство» [92, с. 32]. Иными словами, это и есть физическое приращение продукта над тем его количеством, которое было ранее произведено и затрачено на свое расширенное воспроизводство в качестве семян, входящих в состав оборотного капитала. Как у К. Маркса, так и у неоклассиков без приращения физических объёмов продукта над ранее достигнутыми результатами капитал не является таковым ни в техническом, ни в экономическом отношении. В этом и заключается, по К. Марксу, экономический технократизм капитала. Этот технократизм подчинён обслуживанию жизнедеятельности и воспроизводству антагонистических классов буржуазного общества.

Однако капитал должен покрывать не только свои физические (материально-вещественные) затраты, свой естественный износ. Он должен покрывать материальные затраты на содержание самого огородника и прирастать над всей совокупностью физических затрат. Количество затрат на содержание, как и объёмы вещного приращения, у К. Маркса непосредственно связа-

но не с капиталом, не с землей, а с энергетическими расходами рабочей силы в физиологическом смысле слова, – «всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого труда образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости» [89, с. 55] – с так называемым, абстрактно человеческим трудом наёмных рабочих. По К. Марксу, «абстрактно человеческий труд есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием» [89, с. 53]. Заметим, что таковой рабочей силы, такого обыкновенного человека, даже в условиях отсутствия общественного разделения труда, ни в природе, ни в обществе не существует никогда, и, значит, не может быть и деления труда на абстрактно человеческий и конкретный полезный труд.

Капитал, как общественное производственное отношение, лежит в плоскости взаимосвязи затрат и результатов, производства и потребления со стороны воспроизводства поглощённой в процессе труда человеческой энергии и необходимости удовлетворения личных потребностей пропорционально объёму этого поглощения, в котором средства производства выполняют пассивную функцию и не определяют пропорций в распределении жизненных благ так, как их определяют трудозатраты. Поэтому, экономический механизм их воспроизводства К. Маркс ограничивает только автоматическим перенесением конкретным трудом наёмных рабочих стоимости постоянного капитала на готовый продукт, а средства производства с их определённым уровнем технического развития стоят опять вне эндогенных условий образования стоимости в самом процессе труда и лишь окольным путём через возрастание его производительной силы оказывают влияние на стоимость, всякий раз уменьшая ее размеры в расчёте на единицу готовой продукции. «...Рабочее время – пишет К. Маркс – изменяется с каждым изменением про-

изводительной силы труда». И далее: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью её технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный – лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т.д. ...Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре» [89, с. 48-49].

Заметим, что в этих словах К. Маркса заключён тезис о том, что не только трудозатраты, но и редкость (богатые и бедные рудники) ресурсов образуют субстанцию стоимости и определяют как величину последней, так и объёмы производства вещных благ. Капитал как физическая субстанция без соединения с трудом не имеет никакого экономического смысла. Чтобы это соединение эффективно обеспечивать, общество должно иметь не только адекватный материально-технический базис производства, не только выгодные сферы вложения денег, но и быть расколото на две прямо противоположные части, на два антагонистических класса: богатых и бедных, потенциальных капиталистов и наёмных рабочих. За экономическим технократизмом капитала у К. Маркса стоит социально-классовый антагонизм как социократизм биполярного общества, выходящий на поверхность в распределении создаваемой стоимости.

В зависимости от переменной части капитала, то есть от текущих затрат абстрактного человеческого труда за пределами их покрытия величиной стоимости или цены рабочей силы, К. Маркс делит весь вновь созданный продукт на необходимый и прибавочный в соответствии с расщеплением (разделением) вновь созданной стоимости на стоимость необходимого продукта (номинальную заработную плату рабочих) и прибавочную стоимость. В этом

расщеплении заложен механизм распределения новой стоимости между двумя ведущими классами буржуазного общества и нет ни крупицы того, что было бы связано непосредственно с производством вещных благ и услуг.

Методологически такой подход не давал К. Марксу возможности взглянуть на капитал иначе как только с позиций биполярного общества. В его модели логика общественного движения материальных и людских ресурсов простовато железна и подчиняется законам социального подчинения, в условиях которого возврат любого запаса как капитала, пущенного в хозяйственный оборот, гарантируется не только в прежних размерах, но и с весьма заметным приращением – всякий запас, который можно *пустить в ход*, чтобы возобновить да ещё получить *доход*, называется *капиталом*. Гарантия этого заложена в том, что большая часть общества, полностью лишённая средств существования и условий их производства, безропотно повинуетя грубой силе владельцев денег и других материальных ресурсов. В условиях неразвитой социальной структуры буржуазного общества при весьма ограниченном экономическом выборе управление действительно сводится к прямому командованию капитала над трудом и обеспечивает высокую эффективность хозяйственной деятельности. В обществе, стоящем на пороге промышленного развития, равно как и в процессе его, ограниченность и высокая хозяйственная востребованность материальных благ толкают людей на безудержное обогащение и накрепко связывают их социальный статус с вещным богатством. Вещи и естественный характер их общественного движения полностью задают все основные параметры экономического поведения людей, что и находит свое концентрированное выражение в капитале как персонифицированной субстанции вещного богатства буржуазного общества. У разнополусных субъектов этого общества экономическое поведение предсказуемо и подвержено простой описательной типизации.

С несколько иных позиций применяет социократический подход к исследованию сущности капитала Й. Шумпетер, который видит в личности капиталиста как создателя и организатора производства не столько денежного,

сколько талантливого человека: предпринимателя, новатора, прозорливого инженера, служащего и руководителя предприятия, умеющего по-новому комбинировать производственный процесс, не повторять его неизменным «...в рамках кругооборота» [167, с. 174]. Как замечает профессор Н.П. Гибало, «главным критерием принадлежности к такому типу личности у Й. Шумпетера служит способность по-разному соединять различные факторы производства» [41, с. 144].

Опираясь на изменившиеся социальные и экономические реалии капиталистического общества, Й. Шумпетер утверждал, что предпринимательство – это творчество, это удел сравнительно немногих из тех кто занимается бизнесом. В отличие от собственности предпринимательская функция непосредственно не передастся по наследству: «Наследники же имеют обыкновенные переводить доставшееся им предприятие на рельсы хозяйства, ведущегося в рамках кругооборота. В итоге его обычно вытесняют новые предприятия» [167, с. 174]. Исходя из возникновения в капиталистическом обществе предпринимательской элиты, Й. Шумпетер видит её историческую обречённость в том, что чем глубже мы познаём природу и общество, чем совершеннее наше господство над фактами, чем шире становится та область, в которой практически всё можно высчитать заранее, тем меньше становится значение чутя, а значит, и роль типа предпринимателя. Именно массовое появление предпринимателей, реализующих «новые комбинации», служит, по словам Й. Шумпетера, единственной причиной экономического подъёма. Именно массовый всплеск предпринимательской деятельности экономически активного населения делает буржуазное общество иным: свободным от социальной bipolarности, открытым и многополюсным.

Капитал в таком обществе, по мнению Й. Шумпетера, не следует отождествлять с конкретными вещами, средствами производства, товарами, ресурсами. Он является независимой категорией, имеющей характер фонда потребительской способности, который идёт на покупку товаров и пополняется через продажу. Капитал приобретает значение лишь тогда, утверждал

Й. Шумпетер, когда, имеет место развитие и в круговом потоке капиталу ничто не соответствует. В силу этого он является категорией динамического анализа, объясняющего причины экономического роста, в следствии которого и возникает реальный процент как приток дохода. В нормальном состоянии, или при круговом потоке капитала, весь продукт идёт на заработную плату и ренту, и процента, как действительного прироста, не возникает. Процент – это цена, уплачиваемая за приобретение капиталом новой производительной силы. Он образуется из прибыли, появляющейся при введении предпринимателем разнообразных новшеств в процессе комбинирования факторов производства.

Согласно теории Й. Шумпетера, в нововведениях заключены все причины изменений в круговом потоке капитала. Если их нет, капитал утрачивает свою экономическую силу и не приносит процент. Но нововведения – это не функция физического капитала, как у К. Маркса, который объясняет ими источник избыточной прибавочной стоимости. Источником нововведений является предпринимательская деятельность, от результатов которой капитал, равно как и его собственник-инвестор, попадает в экономическую зависимость. В широком общественном процессе внедрения нововведений принимает участие бесчисленное множество людей, в результате чего изменяются решающие факторы производства. Теперь реальный владелец авансированного капитала, создатель или организатор предприятия, вынужден искать таких людей, которые бы смогли как подобрать необходимые ресурсы, так и скомбинировать их в эффективно функционирующие факторы производства. Акт превращения денег в капитал усложнился и стал опосредствоваться экономическим поведением многих рыночных субъектов и прежде всего предпринимателей.

В этих условиях персонифицированный капитал, как исключительная функция общественного движения вещей, попадает в непосредственную зависимость от экономического поведения других людей. Теперь капитал не «срастается» с отдельной личностью владельца денег и собственника пред-

приятия, а растворяется среди многих участников единого социально-экономического процесса. Экономическое поведение людей, будь-то принципалов, агентов и даже наёмных рабочих, предшествует превращению денег в капитал, способствуя либо препятствуя этому экономическому процессу. Таким образом, капитал представляет собой экономическую категорию, возникающую на стыке, с одной стороны, объективной логики движения в обществе средств производства, с другой стороны, экономического поведения потенциальных и реальных участников производственного процесса.

В результате догматизации экономической теории К. Маркса в Советском Союзе общество не в абстракции, а реально получило в форме социалистического государства единоличного владельца всей собственностью, приобрело «всеобщего капиталиста», который отменил категорию рабочего, превратив в рабочих всех людей. Теперь, по словам Маркса, «отношения собственности стали отношениями всего общества к миру вещей» [100, с. 114]. Маркс назвал такое общество «грубым коммунизмом», поставившим человека труда в положение неестественной простоты бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который «не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос ещё до неё» [100, с. 115].

Хорошо понимая и предвидя факты догматизации его экономической теории, К. Маркс писал: «Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой общности: труд – как предназначение каждого, а капитал – как признанная всеобщность и сила всего общества» [100, с. 115].

В марксизме социализм и коммунизм разграничены как две фазы одной общественно-экономической формации. Причём коммунизм – это далёкая перспектива жизнедеятельности всего цивилизованного человечества.

В России, а затем в СССР в изменяющихся названиях партии прослеживается идея коммунизма как реальной практики. Первоначально (март 1898

года) союз единомышленников-коммунистов назвал свою организацию (партию) Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) – РСДРП(б). На VII партийном съезде (1918) В.И. Ленин предложил переименовать партию в Российскую Коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б). В связи с образованием СССР (1922) XIV съезд партии (1925) переименовал РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) – ВКП(б). И, наконец, XIX съезд партии (1952) переименовал ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза – КПСС.

При этом, в реальности произошла бюрократизация управленческой элиты КПСС, а вместе с ней и всего СССР, что привело к сильному расслоению общества в сфере доступа к различным благам. Этим разрывом между теорией и практикой коммунизма КПСС в значительной мере отличалась от западноевропейской социал-демократии. Основную роль в этом различии сыграли несколько основополагающих постулатов марксизма. Точнее, их догматизированное применение без учёта социально-экономических, исторических и других изменений в жизни народов и стран.

Например, критика классиками марксизма частной собственности как основы эксплуатации человека человеком была догматизирована до размеров обобществления собственности вплоть до домашнего скарба на крестьянском подворье. Также, догматизация партией и советской властью трудовой теории стоимости Маркса не прошла даром, она обернулась для России многими бедами и экономическими потерями [152, с. 216-224].

На проблемы трудовой теории стоимости одним из первых обратил внимание молодой В.И. Ленин. В одной из самых ранних своих работ «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин, давая характеристику капиталистического способа производства по Марксу, отмечает два признака капитализма. Первый признак связан с товарным производством, где продукт принимает форму товара как общей формы. Вторым признаком, по оценке Ленина, связан с принятием товарной формы не только продукта труда, но и самого труда, т.е. рабочей силы человека. «Сте-

пень развития товарной формы рабочей силы, – писал Ленин, – характеризует степень развития капитализма» [79, с. 458-459].

Однако у Маркса рыночная стоимость товара, в том числе и рабочей силы, не отражает его настоящей стоимости. «Вещь, – говорил Маркс, – может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т.д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость... чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена. Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления» [89, с. 49].

Главный недостаток трудовой теории стоимости Маркса: то, что ты произвёл, рыночной цены не имеет, пока твоё произведение не станет товаром. А товаром твой продукт становится, когда вступает в обмен на другой товар, когда станет предметом потребления для других. Эта «цветущая сложность» стоимости товара имеет смысл и значение на рынке труда, когда живой труд человека имеет потребительную стоимость, т.е. становится общественной потребностью. Исходя из этого положения, Маркс различал производительный и непроизводительный труд. Догматизируя выводы Маркса, идеологи от КПСС, а вслед за ними и советское правительство, утверждали, что только материальное производство выступает производительным видом деятельности. В то же время, например, труд врача, учителя, учёного, работника банковской сферы или сферы искусства и литературы, по их рассуждениям, никакого отношения к производительным видам труда не имеет.

Выводы по параграфу

Взаимосвязь труда и капитала в процессе удовлетворения потребностей человека, по мнению диссертанта, до сих пор является сильно политизированной темой. Это мешает её непредвзятому научному исследованию. Социально-философский анализ проблемы взаимосвязи труда и капитала позволяет выделить два основных подхода: экономико-технократический и социократический.

Суть первого подхода сводится к тому, что капитал, будучи совокупностью средств производства или материально-вещественных ресурсов, созданных людьми в соединении с землёй (природными ресурсами) и трудом (производительным и управленческим), выступает доминантой и способен создавать заметную прибавку в доходах владельцев капитала. С этих позиций Дж.Р. Хикс рассматривает капитал как благо, благодаря которому предприниматель получает постоянный поток чистых доходов.

В рамках экономико-технократического подхода капитал характеризуется как вещественный фактор производства, участвующий в создании разнообразных благ и услуг. Например, Д.Н. Хайман понимает капитал как ресурс длительного пользования, который создаётся с целью производства большего количества товаров и услуг, а Р. Барр – как средство многократного применения. Иными словами, при экономико-технократическом подходе капитал трактуется вне связи с социальной структурой общества, с существующими в нём производственными отношениями и экономическим поведением их субъектов.

При социократическом подходе капитал рассматривается с двух основных позиций: со стороны, во-первых, совокупности определённых производственных отношений между людьми, а во-вторых, субъекта этих отношений, в роли которого выступает собственник средств производства – институционализированный, структурированный, функциональный (агрегированный, ассоциированный, коллективный) или индивидуальный, единоличный.

Германский политолог П. Козловски сводит капитал к индивидуально-экономическому отношению и считает, что с точки зрения каждого отдельно взятого экономического субъекта капитал представляет собой отложенное вознаграждение. Для сравнения отметим, что К. Маркс вкладывал в понятие «капитал» определённый социально-политический смысл, связывал его с существованием капиталистического способа производства, частной собственностью и классовой борьбой. Механизм накопления капитала К. Маркс видел в эксплуатации капиталистами наёмного труда, в результате чего создавалась прибавочная стоимость и шло обогащение эксплуататорского класса. К. Маркс подчёркивал также прямое доминирование капитала над трудом, формальное и реальное подчинение труда капиталом.

По мере усложнения общинной, а затем классовой организации общества начал формироваться определённый слой людей, занимающихся общественным управлением, управленческий опыт и знания стали передаваться из поколения в поколение. Специфика управленческого труда заключалась в том, что каждый член общества был согласен поступиться частью своей свободы, имущества, труда, сбережений и прочего ради стабильной социальной организации, спокойной общественной жизни. Это обеспечивало нормальное существование лидеров, занятых в управлении. Но постепенно количество переходило в качество. По мере увеличения общества управленческие слои могли концентрировать в своих руках всё больше социальных богатств, которые на первых этапах добровольно отдавали им члены общества. Управленческий эшелон получил возможность не заниматься производительным трудом и в то же время накапливать в своих руках капитал, который затем стал орудием эксплуатации трудящихся. Так во взаимосвязи труда и капитала возник политический аспект, приводящий к эксплуатации «человека труда» и к различным внутриобщественным антагонизмам.

Диссертант делает вывод, что в процессе взаимосвязи труда и капитала, необходимо учитывать не только производственный, но и управленческий аспект генезиса данной взаимосвязи. С этих позиций прибавочную стоимость

стоит искать не только в производительном, но и в управленческом труде. Полученный таким путём капитал далее имеет свойство: во-первых, вернуться в процесс производства, став основой для развития производственной базы; во-вторых, превратиться в символ достатка в виде финансовых накоплений и вещных предметов роскоши; в-третьих, составить основу банковско-финансового капитала, преобладающего в динамике современных общественных отношений.

2.3 Специфика взаимосвязи труда и потребностей человека в динамике социально-экономических отношений

В предыдущем параграфе были рассмотрены основные подходы к проблемам взаимосвязи труда и капитала в процессе удовлетворения потребностей человека в индустриальном обществе. На современном этапе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу в исследовании взаимосвязи труда и капитала наметились новые направления, связанные с отходом от политизации данного явления. В целях нашего исследования считаем необходимым рассмотреть потребности человека в труде начать с современных подходов к понятию «капитал».

С философско-экономической точки зрения, капиталом можно считать всё то, что:

- отсутствует в готовом виде в природе и не является её непосредственным порождением,
- создаётся самим человечеством, его интеллектом, трудом и адекватным поведением,
- длительно накапливается, передаётся из поколения в поколение и образует определённый запас,
- требует для своего поддержания новых знаний и информации,
- служит их основным источником и средством извлечения,
- образует необходимый плацдарм для качественного скачка в способах производства,

- используется людьми в многократном созидании всего того, что также не присутствует в готовом виде в природе,
- имея эффект приращения, способно к наращиванию, накоплению и обновлению не только себя самого, но и других социально-экономических параметров общества.

То есть, капитал – это особый способ употребления чего-либо, будь это физические или нефизические субстанции, образующие определённый запас. Этот способ исходит как от технических параметров этих субстанций, так и от общества, а значит и от людей, его населяющих. Таким образом, капитал образуется на стыке трёх детерминант: 1) какой-либо субстанции как запаса; 2) общества как совокупности социально-экономических отношений; 3) человека как их активного участника, носителя и созидателя со свойственным только ему индивидуальным экономическим поведением.

В данном подходе к понятию капитала скрыты его социально-экономические признаки. Рассмотрим их подробнее.

Когда речь идёт о капитале, как объекте экономических отношений, то обычно имеется в виду его физическое, материально-вещественное содержание, что в трактовке современных экономистов именуется физическим капиталом [163, с. 3-5]. В промышленном и аграрном производстве в качестве такого капитала выступают, прежде всего, рукотворные, активно действующие средства производства – машины и механизмы, трактора и автомобили, станки и оборудование. В составе аграрного капитала высока доля оборотных средств: удобрений, семян, ГСМ и в целом энергозатрат. Так, в США удвоение урожайности сельскохозяйственных культур сопровождалось десятикратным повышением расхода энергии на механизацию и химизацию [83, с. 541-542]. Этот и другие подобные факты приводят исследователей-рыночников к выводу, что, *«для своего производства капитал предполагает не столько труд, сколько другой капитал. ... В капитале воплощён главным образом не труд как таковой, а сам капитал, его другие виды и формы»* [103, с. 24-25].

С таким подходом не согласны современные американские экономисты К. Макконел и С. Брю, которые рассматривают капитал как *«ресурсы, созданные в результате производственной деятельности и используемые для производства товаров и услуг; товары, которые непосредственно не удовлетворяют потребностей человека; инвестиционные товары, средства производства»* [87, с. 11]. Данное положение основано на мнении классиков А. Смита и Д. Риккардо.

Современные российские исследователи В.А. Каменецкий и В.П. Патрикеев понимают *капитал* (или «сложный капитал») как «совокупность благ, которыми располагает человек (или которые он может использовать) и которые представляют собой природную энергию в различных формах, человеческие способности (знания, качества) и овеществлённый труд и интеллект, т.е. трудовые блага, ранее произведённые человеком в виде материальных средств, ресурсов и информации» [60, с. 12]. И они выделяют три составляющих сложного капитала:

- *природный капитал* (энергия в различных формах), который способен без участия человека обеспечить жизненными благами существование растительного и животного мира и самого человека, и является *основой образования новых благ в осуществляемых человеком трудовых процессах, которые могут происходить только в соответствии с естественными законами природы;*
- *человеческий капитал* (в том числе интеллект как главная его составляющая), благодаря которому человек сумел интенсифицировать естественные процессы образования благ и создать трудовой процесс, являющийся основой существования современного человечества;
- *имущественный капитал* ("овеществлённый интеллект"), который создаётся человеком за счёт использования своего интеллекта, благодаря которому появляется и возможность интенсификации технологических процессов по созданию благ, и возможность создания новых благ.

То есть авторы под понятием капитал понимают не только «накоплен-

ный труд», как результат производственной деятельности, но и всё что может быть использовано человеком в потенциале, чем, в принципе, может быть вся планета Земля, что делает данное понятие метрологически несостоятельным. Так как, во-первых, невозможно оценить всё то, что находится в недрах Земли и какова ценность всего этого. Во-вторых, цена того, что уже разведано и используется, может значительно меняться, в зависимости от доступности и потребности общества в этих ресурсах. Исследователи, провозглашающие о построении социально справедливого государства, предлагают учитывать понятие природный капитал в формуле расчёта доли, принадлежащей каждому из участников производственного процесса, что само по себе верно, но только до тех пор, пока в формулу расчёта не вводятся принципиально не измеримые величины.

Также, в данный подход к капиталу включено понятие способности человека, но наука пока ещё не дошла до возможности оценки способностей человека в финансовом эквиваленте, и, к тому же, не все способности человек может реализовать, что ставит вопрос о целесообразности введения такой величины. В принципе, для народно-хозяйственного комплекса, для развития человечества важно наличие главной способности – способности к труду, управленческому или производительному. Потому что, только обладая этой способностью, человек может освоить свой генетический потенциал и развить все остальные свои способности.

Введение в экономику метрологически не состоятельных величин началось не сегодня, а гораздо раньше. Так в «Капитале» К. Маркс «опровергает» так называемую «догму А. Смита». Сущность этой «догмы» сводится к тому, что весь общественный капитал – деньги, циркулирующие при обеспечении общественного разделения труда, – распадается на доходы наёмного персонала (эта доля называется «переменный капитал») и доходы предпринимателей («прибавочная стоимость»). «Прибавочная стоимость» идёт на выплату налогов для содержания государственности, на личное потребление капиталистов и на оплату труда наёмного персонала в будущем при расширении и модерни-

зации производства. Таким образом, все деньги идут на выплату (в прошлом или в будущем) зарплаты персоналу и управленцам-капиталистам и реально в структуре общественного капитала вне зависимости от интервала времени присутствует только переменный капитал – зарплата. Маркс же считает, что вследствие ошибочного в основе своей анализа А. Смит приходит к тому *нелепому результату*, что, если каждый индивидуальный капитал и разделяется на постоянную и переменную составные части, то общественный капитал состоит только из переменного капитала, т.е. *весь идёт на заработную плату*.

Процесс, которым Маркс иллюстрирует рассуждения, положенные в основу «догмы» А. Смита, аналогичен тому, что некая компания, вооружившись ложками, сидит за столом и черпает из общей банки варенье, передавая ее друг другу случайным образом. Роль варенья в банке у Маркса играет цена товара, в которой политэкономия выделяет:

- долю, соответствующую постоянному капиталу, идущую на оплату поставок продукции извне для нужд собственного производства, обозначаемую «С»;
- долю, соответствующую переменному капиталу, идущую на оплату труда своего наемного персонала, обозначаемую «V»;
- долю, соответствующую «прибавочной стоимости», обозначаемую «M».

Таким образом, вся цена продукта, с точки зрения его частного производителя, будет равна $C + V + M$. Но доля, соответствующая постоянному капиталу «С», также соответствует цене продукции поставщиков, а та цена, в свою очередь, также распадается на эти три составляющие $C+V+M$. И таким образом, постоянный капитал одного частного преобразуется на очередном шаге какой-то своей долей в переменный общественный капитал и т.д. Маркс пишет: «Как видим, вся сила этого аргумента заключается в словах «и т.д.», которые отсылают нас от Понтия к Пилату. А. Смит обрывает своё исследование как раз там, где начинается его трудность» [89, с. 604]. Но сам Маркс заканчивает этими словами абзац и за пределы «и т.д.» не ступает. И делает в «Капитале» вывод о сохранении некой *не-нулевой* доли постоянного капитала в структуре

общественного, поскольку-де на каждом шаге она не равна нулю в каждом из множества частных капиталов, слагающих в совокупности общественный капитал. Это действительно так, на каждом шаге, но за пределами «и т.д.» лежит теория пределов – раздел математического анализа, – согласно которому доля постоянного капитала стремится к нулю в процессе неограниченного перехода от предпринимателя к предпринимателю по цепочке продуктообмена. Следовательно, А. Смит не ошибся в своём утверждении.

Так в марксистско-ленинской «политэкономии» в структуре общественного капитала появился постоянный капитал.

Между тем, чтобы свести в бухгалтерских книгах концы с концами, *отличный от нуля по Марксу* постоянный капитал необходимо вернуть в оборот денежных средств общества, то есть выплатить кому-то деньги. Объяснить, как он возвращается в платёжный оборот, можно только порождая на каждом шагу объяснений неразрешимые логические противоречия, которые устраняются легко и просто только признанием правоты «догмы» А. Смита.

Результат неучёта современной наукой данных обстоятельств, выразился в признании Нобелевского лауреата В. Леонтьева, что «беспокойство вызывает, однако, не неадекватный выбор целей (по контексту – экономическое развитие), а наша *неспособность точно поразить любую из них*. Тревога, о которой я говорил ранее, вызвана не столько отрывом от практики тех задач, на решение которых направляют усилия современные экономисты, сколько *очевидной неадекватностью* научных средств, с помощью которых их пытаются разрешить... Ни более простые варианты экономической теории, ни их более совершенные динамические версии, не продвинули нас намного вперёд в детальном объяснении, не говоря уж о *прогнозировании конкретных состояний*» [81, с. 59].

Данное признание Нобелевского лауреата в области экономики, позволяет утверждать, что опираться на мнение экономистов в данном вопросе не приходится, ввиду слабой развитости методологического аппарата данной науки.

Это видно, например, из того, что в настоящее время по отношению к экономике используются эпитеты «плановая» и «рыночная». Рыночная экономика противопоставляется плановой. При этом неотъемлемым свойством плановой экономики считается принудительное регулирование производства и распределения, осуществляемое директивно-адресной системой управления, видимой обществу в качестве государственной структуры. Рыночная экономика считается саморегулирующимся царством свободы покупать, нанимать, производить; покупать и продавать, но уже дороже; продаваться и наниматься. При этом государственный аппарат контролирует некоторым образом «государственный» сектор, а с остальных «паразитически» взимает налоги, за снижение и перераспределение бремени коих борются все налогоплательщики. Что же касается предпочтения, то в XXI веке можно встретить сторонников и той, и другой экономики. В действительности, с точки зрения теории управления, всё не так.

«План» – это цель, которую надо достичь. «Рынок» – это один из способов достижения цели, бесструктурным способом управления через кредитно-финансовую систему и налогово-дотационную политику государства. В СССР цели достигались директивно-адресным путём, через структурный способ управления. Соответственно, грамотно было бы противопоставлять не «плановую» а «директивно-адресную» экономику «рыночной».

Народное хозяйство с точки зрения теории управления, – объект, управляемый обществом, образующий в технократической или технологической цивилизации вместе с обществом замкнутую систему, являющуюся суперсистемой. Поэтому максимально высокое качество управления в ней достигается при сочетании структурного (директивно-адресного) и бесструктурного (рыночного) способов управления.

На практике, производство и распределение продукции в народном хозяйстве можно представить в модели, показанной на рис. 2-1.

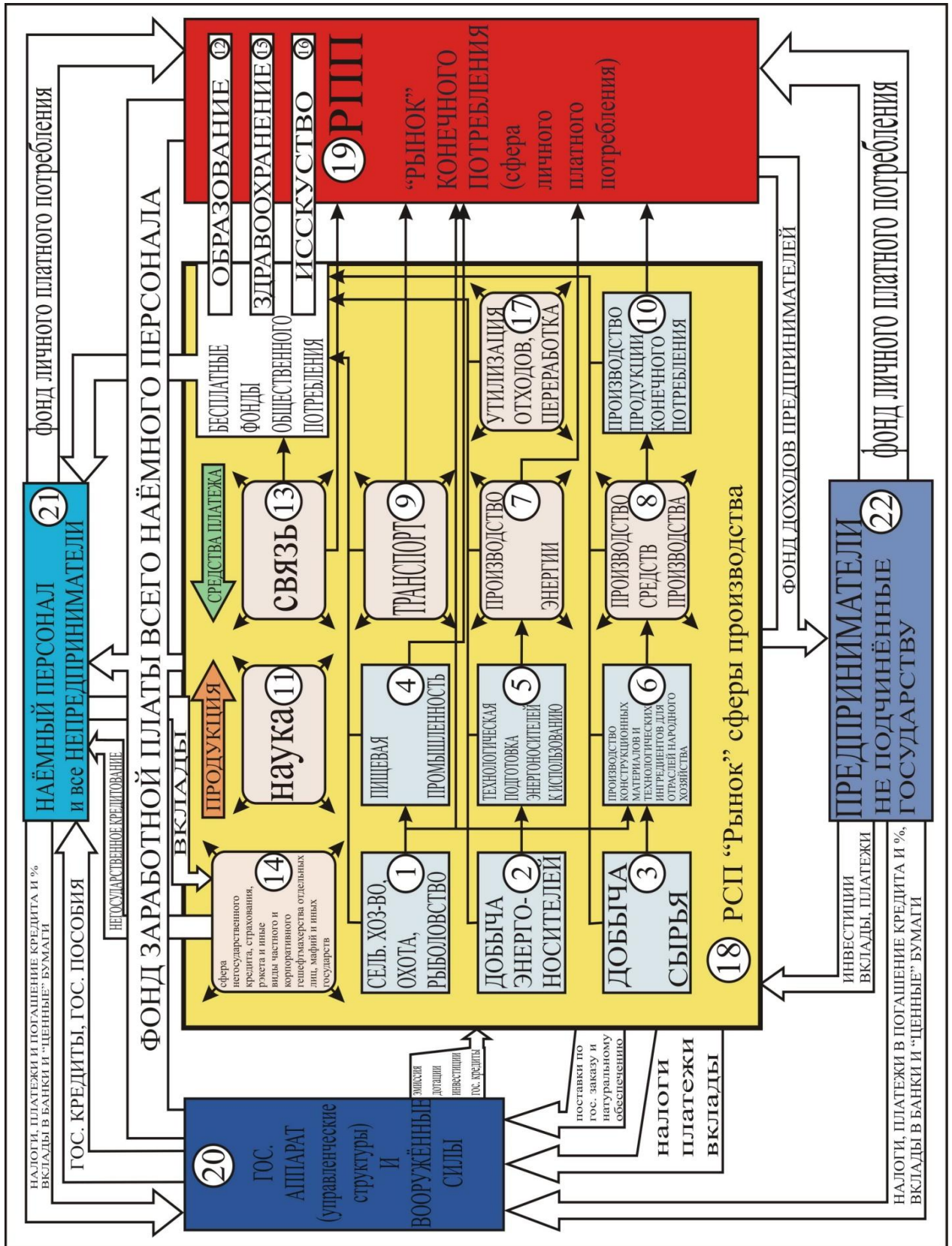

Рисунок 2-1 Модель продуктообмена [36, с. 41]

Данная модель продуктообмена в общественном разделении труда и финансовые потоки, его обслуживающие, носит укрупнённый характер. Не следует привязывать эту модель к какой-либо общественно-экономической форме

мации, поскольку это модель функциональная, а различие между общественно-экономическими формациями связано с распределением функциональной нагрузки в общественном разделении труда по различным общественным структурам, социальным группам и их различием в правовом отношении, закреплённом обычаем и юридически. В зависимости от функциональной нагрузки общественных структур, интенсивности финансовых потоков, правового положения и названия различных социальных слоёв и структур в неё вписываются все известные формации: от первобытнообщинной до коммунистической. В модели цифрами и мнемоническими сочетаниями букв показаны различные отрасли общественного разделения труда.

1. Сельское хозяйство, охота, рыболовство.
2. Добыча энергоносителей.
3. Добыча сырья.
4. Пищевая промышленность.
5. Технологическая подготовка энергоносителей к использованию.
6. Производство конструкционных материалов и технологических ингредиентов для отраслей народного хозяйства.
7. Производство энергии.
8. Производство средств производства.
9. Транспорт.
10. Производство продукции непосредственного человеческого потребления (пища, одежда, жильё, услуги сферы быта и т.п.); то есть продукции конечного потребления.
11. Наука.
12. Система образования всех уровней подготовки и переподготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства,
13. Средства связи: передачи, хранения и обработки информации.
14. Сфера негосударственного кредита, страхования, рэкета и иные виды частного и корпоративного гешефтмахерства отдельных лиц, мафий и иных государств.

15. Здравоохранение и физическая культура;
16. Искусства: литература, зрелищные, декоративно-прикладные и «монументальные».
17. Утилизация отходов производства и потребления, ликвидация произведенной продукции по завершении ее жизненного цикла и переработка для вторичного использования.
18. РСП – «рынок» сферы производства.
19. РПП – «рынок» сферы личного платного потребления, это рынок конечного потребления.
20. Государственный аппарат и Вооруженные Силы.
21. Наёмный персонал и прочие непредприниматели.
22. Предприниматели.

Здравоохранение, Образование, Искусства одновременно могут выступать и как бесплатные фонды общественного потребления, и как платные услуги: по этой причине они показаны и там, и там.

Также есть ещё складское хозяйство, которое не выделено в отдельную отрасль, хотя часто к этому есть все основания. Оно обслуживает все отрасли и может быть учтено в их пределах.

В условиях феодального натурального хозяйства почти весь блок, помеченный 18. РСП, – одно крестьянское или ремесленное хозяйство, а всё народное хозяйство – кое-как связанный пакет таких блоков. В условиях государственно-монополистического капитализма каждый из блоков с 1-го по 17-й – отрасль народного хозяйства, в каждой из которых может быть представлен государственный сектор, иностранный капитал, частный корпоративный, мафиозный и транснациональный капитал.

Модель носит общий характер, и в неё одновременно может быть спроецировано глобальное межгосударственное разделение труда, разделение труда в совокупности транснациональных корпораций, внутригосударственное разделение труда и т.п., так как глобальное разделение труда является взаимным вложением разных суперсистем. Мы будем рассматривать эту модель

применительно к внутригосударственному общественному разделению труда, поскольку место в ней внешней торговли может быть учтено косвенно через блоки 20 (Государственный аппарат, при монополии государства) и через 14 (Негосударственное кредитование, при отсутствии монополии внешней торговли).

Малый масштаб рисунка не позволяет показывать все потоки продуктообмена. По этой причине отрасли, продукцией которых непосредственно пользуются все остальные, показаны в виде лучащихся звездочек.

Внутри блока 18. РСП стрелками показано направление перемещения продукции отраслей. Средства платежа, естественно, циркулируют во встречном направлении. Исключением является блок 14 – негосударственный кредит и спекулятивный сектор – отрасль, входной и выходной продукцией которой являются деньги, ценные бумаги, сокровища и т.п., расчёты за которую она также производит деньгами, ценными бумагами, сокровищами и т.п.

Вне блока 18. РСП стрелки соответствуют направлению циркуляции средств платежа.

В целом же картинка на рисунке 1 напоминает задачку из школьного учебника: из одного «бассейна» в 22 других по «трубам» течёт «водичка». Расчёты водопроводных, электрических и прочих сетей основаны на правилах Густава Роберта Кирхгофа (1824-1887) – современника и соотечественника К. Маркса. Одно из правил Кирхгофа гласит: сколько куда чего (воды, денег, электрического тока и т.п.) втекает, столько оттуда же того же самого и вытекает.

К. Маркс, навязав «политэкономии» ранее упоминавшийся постоянный капитал в структуру общественного, попытался опровергнуть именно это правило, на котором были основаны все финансовые ревизии испокон веков, задолго до того, как появились первые формулировки законов сохранения. Если же на рисунке 1 внутри блоков 18. РСП и 19. РПП стрелки поставить не в направлении продуктопотоков, а во встречном им направлении движения средств платежа, то модель будет соответствовать кредитно-финансовой си-

стеме, наложенной на отрасли народного хозяйства. В таком виде легко понять, что кредитно-финансовую систему с реальным производством и распределением продукции не связывает ничего, кроме массовой статистики человеческого субъективизма, поскольку через руки человека проходят и реальные продукты, и отражающие их количество и качество средства платежа.

Чтобы финансовая система была работоспособна, она должна быть заполнена «технологической средой», то есть средствами платежа: цифрами на счетах, деньгами в шуршащем и звенящем виде, долговыми обязательствами (разного рода «ценными» бумагами). Поскольку в такого рода замкнутых системах выполняются законы сохранения «технологической среды» в них (что и отражает ранее приводившееся правило Кирхгофа), то *общая денежная прибыль* общества в целом в точности равна разнице между эмиссией средств платежа и их убылью в силу разных причин за тот же самый период времени во всей кредитно-финансовой системе. Из тех же законов сохранения следует, что любая частная прибыль – всегда чья-то «убыль» (убытки) плюс какая-то доля от эмиссии. Как связан с общей и частной денежной прибылью объём производства по всем видам номенклатуры продукции, необходимой обществу, то есть «уровень жизни»? Ответ на этот вопрос лежит вне сферы кредитно-финансовых отношений, поскольку *кадры решают всё*.

Здесь и далее слово «частная» означает часть объемлющей суперсистемы, имеющей свой «гроссбух», в котором отражается её финансовый оборот, но не чьё-то личное, клановое, корпоративное безраздельное право присвоения продукции, произведенной частью общенародного хозяйства, что получило название «частная собственность» (на средства производства) в политэкономии и «политологии» толпо-«элитарных» обществ.

Прибыль любой отрасли – частная прибыль; равно она есть убытки других отраслей и какая-то доля от эмиссии. Утрата платёжеспособности отраслю – выпадение её из общественного разделения труда и развал всего народного хозяйства, коему продукция отрасли-банкрота тем не менее необходима. То есть государство директивно-адресно и своей политикой налогов,

дотаций производителям продукции, субсидий её потребителям обязано перед своим народом:

- 1) обеспечивать эффективное использование производственных мощностей во всех отраслях (отсутствие простоев, заведомой избыточности и нехватки мощностей);
- 2) обеспечивать занятость трудоспособного населения;
- 3) устранять взаимно-отраслевую конкуренцию за денежную прибыль, вследствие которой нарушаются п.1 и 2.

Теперь вернёмся к продуктообмену в общественном производстве и к модели на рис. 1, но предположим, что она столь детальна, что на ней изображены не только отрасли, но и границы всех частных производственных структур, имеющих свою бухгалтерию, в которой отражён их финансовый оборот, и банковский счёт и (или) сейф, где хранятся их денежные накопления.

Часть продуктопотоков протекает вне границ структур, какие-то продуктопотоки пересекают границы структур, какие-то продуктопотоки циркулируют в пределах границ структур, не пересекая их. То есть продуктопотоки и продуктообмен по отношению к структуре могут быть внешними и внутренними.

Если рассматривать этот продуктообмен вместе с кредитно-финансовой системой на некотором интервале времени, то частная прибыль – разность поступлений на банковский счёт средств платежа и их расходов за тот же период.

Поступления – это выручка от продажи продукции; приём государственных и мафиозных дотаций за производство чего-либо; приём субсидий за использование чего-либо, купленного у других, в своём производстве; приём государственных и иных инвестиций; приём кредитных сумм, в отличие от предыдущих видов поступлений, подлежащих возврату кредитору, будь то государство, мафия, частное лицо.

Расходы – это оплата покупаемых для нужд производства сырья, комплектующих, оборудования, строительства, услуг других фирм, заработная

плата, платежи по кредиту и налоги.

Управление внутрискруктурным продуктообменом в принципе может быть осуществлено исключительно директивно-адресно при полной ликвидации внутрифирменной бухгалтерии. Во внутрискруктурном продуктообмене учёт ведётся в натуральной форме. Внутрискруктурные цены во внутрифирменном продуктообмене позволяют лишь внешне оценить эффективность производственного процесса, применяемую фирмой, по отношению к эффективности аналогичных производств на иных филиалах фирмы и у конкурентов при условии, что все они находятся в одной и той же кредитно-финансовой системе с общим для всех преискурantom и налогово-дотационной политикой.

То же касается и оценки совершенства продукции на основе расходов по её эксплуатации, ликвидации, утилизации и вторичному использованию: это – внешняя оценка, имеющая некоторый смысл только в пределах общей для всех сравниваемых аналогов кредитно-финансовой системы. Если же некое подразделение структуры в этом внутреннем «хозрасчете» менее прибыльно, чем его аналоги, не говоря уж об убыточности его, то это основание, чтобы центральная контора провела ревизию и сменила в ней управленческий корпус.

Ценовые характеристики аналогичной и даже идентичной технологии и (или) продукции, произведенной в разных кредитно-финансовых системах, не могут служить основой для корректного сравнения культуры производств и качества продукции, поскольку отражают особенности управления производством в различных обществах с разными «законами стоимости», под которые подстраиваются частные производители. Сравнение по «ценам мировой торговли» также некорректно, поскольку нет обществ, стоящих в одинаковых условиях по отношению к ней. Сравнение по мировым ценам позволяет оценить качество подстройки народного хозяйства в целом как «макроэкономической системы» к «закону стоимости» в мировой торговле, но преискурantom мировой торговли – все равно вектор ошибки, но не национально-государственного, а глобального уровня. Поэтому это только ставит вопрос: надо ли подстраиваться

под глобальную ошибку управления или лучше плевать на тех, кто ей поклоняется, и делать наше дело, а не их?

Корректное сравнение может быть произведено только на основе натуральных характеристик производств и продукции, сведённых в вектор состояния для каждого из сравниваемых аналогов, при соотнесении векторов состояния с неким вектором целей. Эти условия автоматически выполнены при сравнении в общей кредитно-финансовой системе. При этом объективный вектор целей в его натуральном виде обычно неизвестен, а отражён в критерии минимума денежных затрат («стоимости»), относимых к некоему стандарту сравнения качества, называемому «эффективность». В качестве стандарта сравнения может выступать либо вектор состояния в его натуральном виде (стандарт на продукцию, технологию и т.п.), либо вектор ошибки в натуральном виде (отклонение от стандарта продукции, технологии и т.п.); или же какая-либо мера вектора-стандарта одним числом, полученным на основе общего для всех аналогов правила трансформации вектора в меру – качество управления безотносительно к стоимости управления. После отнесения стоимости к стандарту сравнения качества производится выбор варианта с минимальной стоимостью – неновой характеристикой в данной кредитно-финансовой системе при определённом прейскуранте: качество же варианта в его натуральном виде определяется субъективно построением стандарта сравнения аналогов.

Поэтому, имея продукцию и технологии её производства в двух разных системах, можно оценить её производство в каждой из них. То есть ответить на вопрос: сколько будет стоить нам их производство и сколько будет стоить у них наше производство, но не больше. Но полученные ценовые оценки для каждой из систем объективно несравнимы, поскольку нет в настоящее время прейскурантного инварианта, общего для всех кредитно-финансовых систем. Кроме того, отнесение ценовых характеристик к объёму государственного бюджета, стоимости средней сделки в народном хозяйстве и тип для стран с многосекторной экономикой, разной налогово-дотационной политикой и построением кредитно-финансовой системы некорректно даже при общем их инварианте, основанном

хотя бы на уже давно рухнувшем и гальванизированном «труп» золотого стандарта, поскольку нет внутреннего подобия систем структурного и бесструктурного управления народным хозяйством. По этой причине одно из бессмысленных занятий – сравнение военных расходов СССР и США.

Применение критерия «стоимость-эффективность» – одно из научно обоснованных средств настройки структурно-обособленной (частной) фирмы на «закон стоимости» – прейскуронт, действующий в кредитно-финансовой системе. Необходимо помнить, что критерий «стоимость-эффективность» рассматривает затраты на интервале времени, в течение которого прейскуронт может измениться до неузнаваемости. По этой причине, особенно это касается длительных интервалов времени, то, что казалось по этому критерию неудовлетворительным, может стать очень эффективным, и наоборот.

По отношению к каждому продукту критерий может быть рассмотрен с двух точек зрения:

1. Минимум собственных затрат на производство и поставку продукции потребителю (покупателю).
2. Минимум затрат потребителя при эксплуатации продукции (пользование ею), при её ликвидации и утилизации.

Первая точка зрения позволяет оптимизировать по минимуму собственные расходы на внешние покупки. Вторая точка зрения позволяет оптимизировать продукцию под требование потребителя, взывая к его здравому смыслу экономии. При одинаковом стандарте качества вторая точка зрения даёт возможность производителю поделить с потребителем его продукции экономию на её эксплуатации по сравнению с эксплуатацией продукции конкурентов. Поскольку в себестоимости и цене отражены некоторым образом натуральные ресурсы, оптимизация производства по критерию «стоимость-эффективность» ведёт к экономии натуральных ресурсов в производстве, эксплуатации, ликвидации и вторичном использовании продукции. В этой экономии проявляется развитие технологической культуры, но протекает оно под внешним давлением кредитно-финансовой системы подневольно, а не исходя из доброй воли и

доброй совести, подавляемых жаждой наживы.

Стандарт качества, названный в критерии «эффективностью», всегда подчинён вектору целей. Поскольку в векторе целей структурно-обособленного производства первым приоритетом стоит получение прибыли, то этому и подчинено в производстве и эксплуатации продукции всё. Поэтому, если вы имеете технологию, щадящую природу и людей, но не рентабельную по критерию «стоимость-эффективность», и не в состоянии убедить конкурентов, правительство, транснациональные банки в необходимости вытеснения этой несовершенной по критерию прибыльности всех остальных и социально вредных технологий, то вы стоите перед нравственным выбором: губить природу и людей или вылететь в трубу, породив на некоторое время безработицу ликвидацией рабочих мест персонала. Внедрить новую технологию вы сможете только, если в кредитно-финансовой системе появятся штрафы и налоговый пресс на опасные технологии, а использующим безопасную технологию будут предоставлены финансовые льготы. Это приведёт к изменению финансового оборота, производств, в результате чего опасная технология станет убыточной, а безопасная обеспечит устойчивую платёжеспособность производства. В международных масштабах этот процесс может сопровождаться переносом вредных производств в слаборазвитые страны при покупке их «согласия» за умеренную плату. Это один из аспектов начала «рыночных» реформ в СССР для «привлечения» иностранного капитала.

Сдерживать всёразрушающую жажду наживы структурно-обособленной фирмы может прежде всего нравственность, потом налогово-дотационная политика и только после этого законодательство и репрессивный аппарат. Налогово-дотационная политика должна порождать в обществе уверенность в устойчивой платёжеспособности всех производств и отдельных лиц. Только после этого можно говорить о добросовестной работе юридического аппарата, чего не понимают «радетели» правового государства. В связи с критерием «стоимость-эффективность» затронем термин «потребительная стоимость», который экономическая наука рассматривает уже более ста лет и решает, со-

измеримы ли разнокачественные «потребительные стоимости» и если соизмеримы, то как и что измерять – «потребительность» в смысле полезность или «стоимость», которая в данном термине вроде бы и не «стоимость», а некий знак человеческого участия в создании потребительности.

Соизмеримость в некотором смысле объективно возможна только в пределах одного качества, это известно во всех науках, кроме экономики, обсуждающей иногда проблему соизмеримости разнокачественных «потребительных стоимостей». Если встаёт вопрос о необходимости сравнения разнокачественностей, то объективной меры нет. Субъективную меру можно построить, подчинив набор качеств иерархии приоритетов и выбрав какую-нибудь объективную меру в каждом из качеств. Делается это исходя из субъективного вектора целей сравнения разнокачественностей. Весь этот субъективизм можно описать на языке математики – это будет *прикладная математика*, как один из многих языков, описывающий предмет рассмотрения. Частный случай сравнения разнокачественностей и есть построение и пользование критерием «стоимость-эффективность».

Поскольку термин «потребительная стоимость» – один из основных терминов экономики, то встаёт вопрос, как объективная наука может столько лет терпеть несоответствие понятийной нагрузки каждого из отдельно взятых слов в составе этого термина понятийной нагрузке термина в целом? Кроме того, что это несоответствие плодит многочисленные препирательства ни о чём и не по существу, термин вреден ещё и тем, что связывает подсознательно целевые функции и вектор целей управления *народным хозяйством в целом* со стоимостями – частными локальными характеристиками продуктообмена в общественном разделении труда между структурно-обособленными производствами. Связь эта носит инвертированный характер, поскольку в обыденном сознании всегда подчиняет управление стоимостным характеристикам. Это оправдано на внутриотраслевом уровне, уровне частных структур, но на общесуперсистемном уровне рассмотрения народного хозяйства такое подчинение является информационным замыканием вектора ошибки на самого

себя через контур положительных обратных связей, что стимулирует поддержание ошибки управления; иными словами, является инверсией в иерархии, т.е. попыткой подчинения иерархически высшего объемлющего управления вложенному в него частному управлению.

Модель продуктообмена структурно-обособленной фирмы на основе кредитно-финансовой системы и её внутреннего управления, показывает что:

- единственное назначение кредитно-финансовой системы – распределение продукции, производимой в соответствии с некой концепцией управления в условиях её нехватки по сравнению с запросами общества таким образом, чтобы продуктообмен был устойчив. В сфере производства преимущественными возможностями потребления необходимой им продукции пользуются структурно-обособленные производства, подстроившиеся под иерархически высшее общесуперсистемное управление через «закон стоимости» лучше, чем их конкуренты;
- денежная прибыль возникает только во внешнем продуктообмене, из внутреннего её извлечь невозможно. Внутрискрутурная бухгалтерия представляет интерес только для сопоставления аналогов на предмет выбора наилучшего в смысле обеспечения максимальной прибыли во внешнем продуктообмене. Возможность извлечения прибыли имеет в своей основе налогово-дотационную политику, ошибки конкурентов в управлении их внутренним продуктообменом в процессе подстройки их производств под порождаемый кредитно-финансовой системой «закон стоимости» равно преискуртант;
- критерий «стоимость-эффективность» подчинён кредитно-финансовой системе. Это частный критерий, который может использоваться только по отношению к структурно-обособленной фирме, но не ко всему народному хозяйству как единому целому. Непосредственно в нём отражена подстройка внутрискрутурного управления к объективному вектору целей бесструктурного общесуперсистемного управления народным хозяйством, хотя этот вектор иерархически высшего, объемлющего

по отношению к структуре управления может и не идентифицироваться на её уровне. Экономия натуральных ресурсов отражена в нём косвенно и подчинена давлению кредитно-финансовой системы;

- с точки зрения теории управления, сумма на расчётном счету обособленной структуры – всего лишь мера запаса её устойчивости в продуктообмене при его бесструктурной регуляции кредитно-финансовой системой; это запас устойчивости по платёжеспособности. Неограниченное накопление каким-либо элементом системы запаса устойчивости бесполезно для системы, а в замкнутых системах, какой является кредитно-финансовая, такое накопление происходит за счёт снижения запасов устойчивости других её элементов. Последнее представляет опасность для устойчивого функционирования системы в целом и для объемлющих её систем и суперсистем.

Чтобы быть капиталом – «самовозрастающей стоимостью» [89, 165] (самовозрастающей частной ошибкой управления на общенароднохозяйственном уровне рассмотрения), – денежная сумма должна превышать некий минимум, позволяющий купить средства производства или начать профессиональное гешефтмахерство. Этот минимум – свой для каждого общества, для каждой отрасли народного хозяйства, для каждого исторического периода. Это финансовый аналог «критической массы» в ядерной физике, только после превышения которой возможно «саморазмножение» денег у их владельца. Поскольку в обществе большинство людей имеют некоторые накопления, но меньшие, чем эта «критическая масса», то один из видов предпринимательства – капитализация множества мелких частных накоплений. Эту задачу решают банки и акционерные компании, обменивая мелкие накопления на акции, сберегательные книжки, банковские сертификаты и т.п. Сконцентрировав у себя таким путём множество мелких накоплений. В этом процессе, капитал как накопленный труд множества простых трудящихся, концентрируется в руках меньшинства. В дальнейшем, по произволу «хозяина», капитал идёт либо на развитие производства, что, в конечном итоге, способствует удовлетворе-

нию потребностей основной массы людей, либо идёт в спекулятивный рынок, и удовлетворяет потребности этого меньшинства, позволяя им паразитировать, извлекая прибыль из самовозрастающей стоимости.

В качестве иллюстрации процесса предлагаем рассмотреть схему распределения доходов и расходов в обществе.

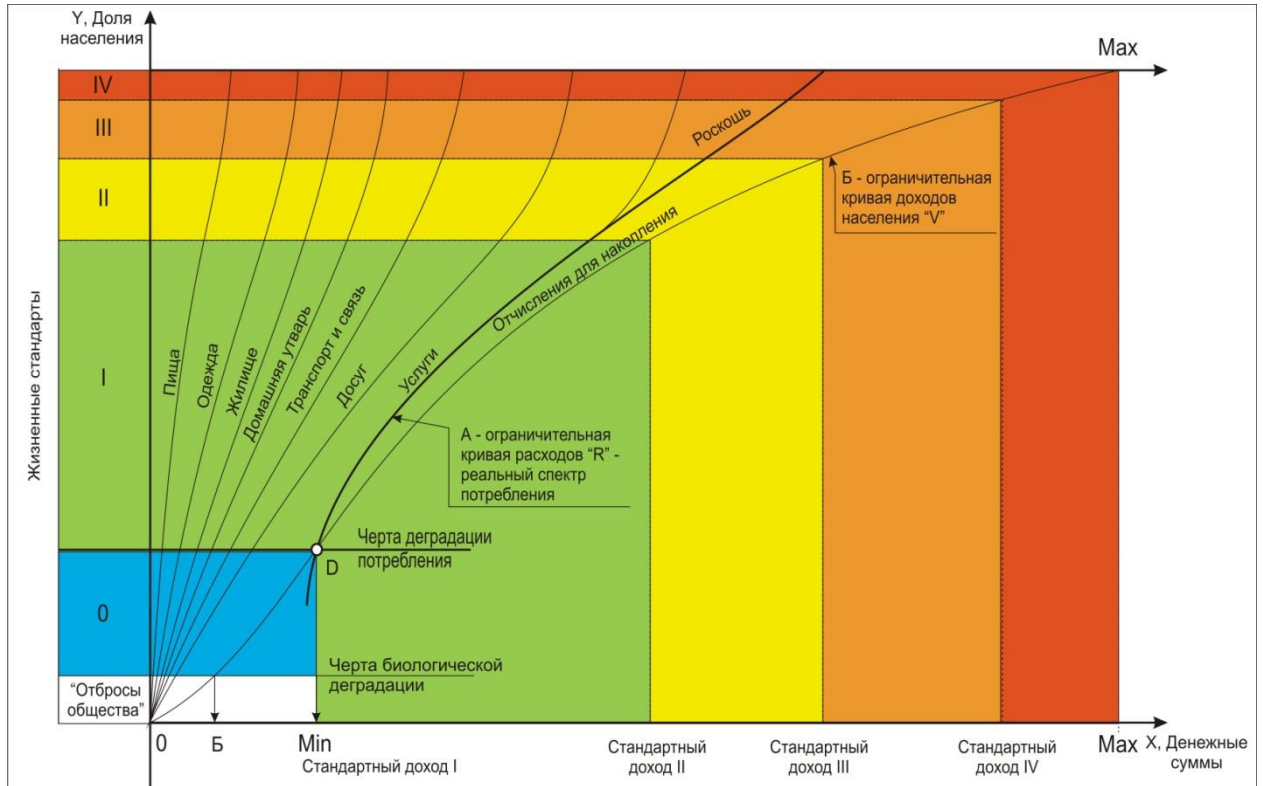

Рисунок 2-2 Распределение доходов и расходов в обществе [36, с. 87]

Выводы по параграфу

Современные социально-экономические условия характеризуются тем, что общество переходит к постиндустриальному этапу. Структура трудовых отношений изменяется в сторону уменьшения доли физических трудозатрат в процессе материального производства.

Трансформируется характер социального поведения людей в связи с резким изменением условий жизни в высокотехнологичном информационном обществе. Объем информации, получаемый каждым новым поколением, многократно увеличивается и усложняется.

На социальном уровне наблюдается тенденция к увеличению скорости обмена информации, и если ещё 200 лет назад человек, получив какую-либо специальность, мог до конца своей карьеры только наращивать своё мастер-

ство, то сейчас за 20–25 лет от профессии, которую приобрёл человек, может остаться только название. По данным современных исследований, период удвоения социальной информации, измеряемый когда-то сотнями лет, сейчас равен 3–5 годам. Это приводит к тому, что среднестатистическому человеку для адекватной адаптации в обществе необходимо постоянно приобретать новые знания, а порой и менять профессию. В связи с этим всё больше людей готовы тратить своё время и деньги на получение двух и даже трёх высших профессиональных образований, либо на прохождение курсов повышения квалификации или переподготовки кадров. Часто у подчинённого круг знаний оказывается шире, чем у руководителя. Это приводит к целому ряду изменений во взаимоотношениях между руководителем и подчиненным, хозяином и наёмным рабочим. Это создаёт благоприятные условия для процессов ликвидации монопольной власти, для развития социально-справедливой демократии и ликвидации непомерно высоких доходов в сфере управленческого труда.

Указанный процесс идёт неотвратимо и закономерно, хотя эксплуататорские управленческие структуры принимают различные меры для его приостановки и блокирования. К числу таких мер можно отнести: преднамеренное снижение качества образования под эгидой адаптации к современным условиям и гуманизации; создание напряжённости на профессиональном и межнациональном уровне с целью отвлечь внимание трудящихся от насущных социальных проблем; пропаганда потребительского отношения к жизни через рекламу и фильмы; перевод производственных мощностей в «страны третьего мира». Последняя мера решает несколько задач: перевод основной массы освобождающихся рабочих в индустриально-развитых странах в сферу обслуживания и финансовых спекуляций; сокращение социальных обязательств перед своим населением, в том числе увеличение продолжительности рабочего дня, увеличение пенсионного возраста, ухудшение медицинского обслуживания и т.д.

Но международные социальные программы, прежде всего Болонское соглашение, направленные на снижение образования и вывод большей части

населения в сферу финансовых спекуляций, приведут к массовой деградации населения стран и в итоге к духовной, экологической и социальной катастрофе.

В современных условиях на процесс взаимосвязи труда и потребностей всё большее воздействие оказывает фактор сознания – как в позитивном, так и в негативном аспектах. В последнем случае имеет место безудержная пропаганда массового потребления через СМИ, киноиндустрию, эстраду и т.д. Даже сам человек начинает определяться как «машина потребления». Массовая реализация товаров необходима для постоянно нарастающего обогащения элиты. В этом безудержном круговороте потребностно-трудовых циклов, когда значительная часть потребностей становится неограниченной и деградационной, уничтожается среда обитания человека, а и истощение природных ресурсов ставит мир на грань военно-политического и экологического коллапса.

Чтобы избежать экономической, экологической и военно-политической катастроф, необходимо изменить вектор целей управления обществом и общественным производством, переориентировать его на первоочередное удовлетворение развивающихся потребностей, показать разрушительную сущность деградационных потребностей. Дальнейшее развитие общества невозможно и без перехода к социально-справедливой демократии с ликвидацией монополии на власть, когда управлять обществом и производством будут по принципу не клановой принадлежности, а психологической и профессиональной готовности.

Путь оптимизации социальной жизни, по мнению диссертанта, предусматривает следующее: осознание ведущей роли развивающихся потребностей и их удовлетворением для большинства трудящегося населения в процессе производства материальных, духовных и социально-организационных благ; обеспечение трудовой деятельности, направленной на удовлетворение указанных потребностей; новое понимание взаимосвязей труда и капитала, ограниченного оптимальными параметрами здоровой общественной системы; анализ новых потребностей людей в динамично развивающемся современном мире, выделение среди них развивающихся и деградационных потребностей; направление ос-

новых усилий общественного труда на реализацию обновлённого содержания развивающихся потребностей; опора на знания о том, что труд может носить созидательный или разрушительный характер в зависимости от вектора социальной деятельности и ценностных ориентаций общества, поэтому главным вектором должен быть именно созидательный труд в динамике современных общественных отношений.

Таким образом, результаты исследования диалектической взаимосвязи труда и потребностей человека в общественной жизни показали, что полноценная реализация потребностей человека в современном обществе должна опираться на развивающиеся потребности с учётом усложнения и ускорения общественной жизни. Основу общества должен составлять созидательный труд, реализующий потребности людей на базе принципов культуросообразности, природосообразности и человекомерности.

Заключение

Диссертационное исследование показало, что на протяжении тысячелетий труд в культуре многих народов ассоциировался, в первую очередь, с необходимостью затрачивать большие физические усилия, что приводило к негативному отношению к нему. Данное явление зафиксировано в этимологической составляющей слова «труд». Но по мере развития общества, происходит переосмысление роли труда и отношения к нему. Так, Г. Гегель включает в труд все возможные виды человеческой активности: от рутинного производства до занятий искусством или наукой.

Развитие производства и науки, внедрение всё новых и новых технологий, приводит к тому, что тяжёлый физический труд постепенно отходит на второй план. Ведущую роль в общественном производстве начинает занимать творческий труд конструкторов, инженеров, учёных-исследователей, учёных-теоретиков. Автоматизация и роботизация производственных процессов приводит к тому, что функции рабочего сводятся к простому нажатию кнопок и контролю за процессом выпуска продукции. Этот процесс трансформации человеческой деятельности описывается теоретиками постиндустриального общества. Данные изменения приводят к трансформации как общественных потребностей в подготовке кадров и распределении высвобождающихся человеческих ресурсов, так и потребностей конкретного человека в освоении новых знаний и физических нагрузках.

Массовое высвобождение людей из процесса производства порождает в обществе проблему перераспределения человеческих ресурсов, которая может решаться по-разному, в зависимости от целеориентации управления обществом. На современном этапе в капиталистическом мире, где понятие «капитал» де-факто сохранило свою изначальную смысловую нагрузку как «уголовное преступление, чаще всего караемое смертью», потребности человека в труде практически не учитываются, и люди с лёгкостью выбрасываются за

борт производственной деятельности, становясь проблемой для всего общества.

К. Маркс, стал одним из первых, кто теоретически обосновал другой вектор развития общества, в котором развитие человека достигает более высокого уровня, где потребности человека в «неотчуждаемом» труде признаются общественно значимыми и приоритетными. На базе определения труда, данного Марксом и его последователями, в нашем исследовании принято понимание труда как индивидуально-социальной деятельности по преобразованию ресурсов природы и общества в материальные, духовные и социально-организационные блага, необходимые для удовлетворения потребностей человека и общества..

В отличие от большинства определений, в данном авторском варианте показана целеориентация на «развитие человека и общества», а не просто на «развитие человека». Это предопределено тем, что развитие человека, может проходить на фоне деградации общества, что в конечном итоге, может повлечь за собой либо деградацию человека, либо развитие общества, но на данном этапе времени эти процессы будут разнонаправлены. Так же, в данное нами определение, укладывается и управленческий труд, который, в основном, направлен на организацию общественной жизни.

Наряду с огромным положительным вкладом в социально-экономическую теорию, Маркс породил и ряд проблем, таких как терминологическая неопределённость деятельности людей в будущем обществе, когда пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющие до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд; но и одновременно, только современные пролетарии, лишённые всякой самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности. Только на этой ступени самодеятельность совпадет с материальной жизнью, что соответствует развитию полноценной человеческой личности. Точно так

же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды. То есть, эта деятельность определяется свободным трудом, свободной самодеятельностью, всеобщим непосредственным трудом на фоне многократно повторяемого тезиса об отмирании труда.

Неправильное понимание Марксом категории «капитал» и введение в структуру «капитала» «постоянного капитала», а также политизация данной категории, привели к тому, что из двух пониманий капитала как «накопленного труда» и как «самовозрастающей стоимости», последнее стало основным.

Чтобы быть капиталом – «самовозрастающей стоимостью» [89, 165] (самовозрастающей частной ошибкой управления на общенароднохозяйственном уровне рассмотрения), – денежная сумма должна превышать некий минимум, позволяющий купить средства производства или начать профессиональное гешефтмахерство. Этот минимум – свой для каждого общества, для каждой отрасли народного хозяйства, для каждого исторического периода. Это финансовый аналог «критической массы» в ядерной физике, только после превышения которой возможно «саморазмножение» денег у их владельца. Поскольку в обществе большинство людей имеют некоторые накопления, но меньшие, чем эта «критическая масса», то один из видов предпринимательства – капитализация множества мелких частных накоплений. Эту задачу решают банки и акционерные компании, обменивая мелкие накопления на акции, сберегательные книжки, банковские сертификаты и т.п. Сконцентрировав у себя таким путём множество мелких накоплений. В этом процессе, капитал как накопленный труд множества простых трудящихся, концентрируется в руках меньшинства. В дальнейшем, по произволу «хозяина», капитал идёт либо на развитие производства, что в конечном итоге, способствует удовлетворению потребностей основной массы людей, либо идёт в спекулятивный рынок, и удовлетворяет потребности этого меньшинства, позволяя им паразитировать,

извлекая прибыль из самовозрастающей стоимости.

Концентрация ресурсов в руках меньшинства, началась по объективным причинам ещё на заре становления общественных отношений. В то время, когда ещё отсутствовало общественное разделение труда в классическом понимании этого термина, а труд ради выживания был тяжёлым и опасным (охота, собирательство, земледелие), в структуре племён и народов, стали выделяться люди с расширенными способностями (ясновидцы, предсказатели погоды, организаторы и т.п.). Община, признавая их исключительную значимость для своего существования, максимально освобождала их от необходимости заниматься тяжёлым и опасным трудом по добыче пропитания. Появившееся свободное время, такой человек употреблял на получение знаний, которые помогали ему и его общине выжить. Так выделился слой жрецов (старейшин, шаманов и т.п.) и вождей. В русском языке, управленческая элита обозначалась словом «знать», что прямо указывает на причину выделения этого слоя.

Продолжительное время, жрецом или вождём, становился наиболее достойный и способный представитель общины, и быть сыном жреца или вождя, вовсе не означало стать жрецом или вождём. С расширением границ общины, с накоплением знаний и ресурсов, возникла необходимость начинать подготовку вождей на более ранних этапах, до того момента, когда в процессе инициации, можно будет выделить наиболее способных. Так власть объективно стала наследственной. С этого момента, знания стали приносить материальные дивиденды. Нравственная деградация элиты, привела к тому, что они обществу была представлена монопольно высокая цена за управленческий труд, которая привела к паразитированию меньшинства на труде большинства.

Современная наука, редко обращая внимание, на такую особенность управленческого труда, рассматривает в одном ряду с трудом учёного, учителя, врача, что в корне не верно. Труд управленческий, отличается от всех остальных производительных видов труда тем, что его качество невозможно

измерить количеством приказов и распоряжений, выпущенных конкретным субъектом управления или количеством времени, которое он проводит на работе. Качество управленческого труда можно оценить только по состоянию объекта управления. Мы живём не так, как мы работаем, а так, как нами управляют. Для оценки качества управления, необходимо выявить вектор целей развития общества, который частично выражается в том, какие потребности человека и насколько полно удовлетворяются.

Проведённое исследование показало, что на социально-философском уровне рассмотрения целесообразно выделить два вида потребностей:

- 1) развивающие (биосферно допустимые) потребности, которые можно спрогнозировать на основе социально-демографических характеристик населения;
- 2) деградиционные (экстремальные) потребности, удовлетворение которых наносит непоправимый ущерб социально-природной жизни на планете в настоящее время и на перспективу.

В структуре демографически-обусловленных потребностей, потребность в труде, управленческом или производительном, занимает ключевое место. Именно труд (ума и тела) является основой развития человека как личности.

Процесс концентрации управления именуемый «глобализация», в его нынешнем варианте, предусматривающий вывод сферы производства за пределы «развитых» стран, ведёт к краху нынешней цивилизации, ввиду того, что если не остановить этот процесс то произойдёт либо окончательная деградиация основной массы населения развитых стран, всё более привыкая паразитировать, и выключаясь из процесса производства, даже на высокотехнологичном уровне, где надо только нажимать на кнопки, либо произойдёт социальный взрыв, который сметёт многих организаторов процесса. Единственный выход из складывающейся обстановки, это изменение вектора развития общественно-го производства на удовлетворение развивающего спектра потребностей, и подавление на социальном уровне деградиционных потребностей; переход к со-

циально-справедливой демократии с ликвидацией монополии на власть, когда управлять обществом и производством будут не по принципу клановой принадлежности, а по принципу психологической и профессиональной готовности.

Путь оптимизации социальной жизни, по мнению диссертанта, предусматривает следующее: осознание ведущей роли развивающихся потребностей и их удовлетворением для большинства трудящегося населения в процессе производства материальных, духовных и социально-организационных благ; обеспечение трудовой деятельности, направленной на удовлетворение указанных потребностей; новое понимание взаимосвязей труда и капитала, ограниченного оптимальными параметрами здоровой общественной системы; анализ новых потребностей людей в динамично развивающемся современном мире, выделение среди них развивающихся и деградиционных потребностей; направление основных усилий общественного труда на реализацию обновлённого содержания развивающихся потребностей; опора на знания о том, что труд может носить созидательный или разрушительный характер в зависимости от вектора социальной деятельности и ценностных ориентаций общества, поэтому главным вектором должен быть именно созидательный труд в динамике современных общественных отношений.

В дальнейшем видится перспективным исследование в направлении выявления взаимосвязей труда и капитала и более глубокое исследование управленческого труда как специфического вида деятельности человека в процессе удовлетворения развивающегося спектра потребностей.

Список литературы

1. Августин, А. Исповедь [Электронный ресурс] / А. Августин. – Документ HTML. – Режим доступа (на 12.03.2009): <http://www.philosophy.ru/library/august/01/0.html> свободный.
2. Алаев, Л.Б. Средневековая Индия [Текст] / Л.Б. Алаев. – М. : Алетейя, 2003. – 304 с.
3. Англо-русский словарь [Текст] / ред. В.К. Мюллер. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. – 1192 с.
4. Арндт, Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. Пер. с немецкого и английского В.В. Биbihина [Текст] / Под ред. Д.М. Носова. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
5. Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Документ HTML. – Режим доступа (на 12.03.2009): <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/metaphisic/metaphisic.html> свободный.
6. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] / Аристотель. Перевод: Н. Брагинская – Документ HTML. – Режим доступа (на 12.03.2009): http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html свободный.
7. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Документ HTML. – Режим доступа (на 12.03.2009): <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/polit/> свободный.
8. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли. : Пер. с фр. [Текст] / Р. Арон; Общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. – М. : Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1993. – 607 с.
9. Атали, Ж. На пороге нового тысячелетия [Электронный документ] / Ж. Атали. – Электронная версия издания. – Документ HTML. – Режим доступа (на 11.02.2009): <http://lib.rus.ec/b/122608/read> свободный.
10. Барр, Р. Политическая экономия: В 2-х т. [Текст] / Пер. с фр. – М. : Международ. отношения, 1995. – Т. 1 – 608 с.
11. Бастиа, Ф. Экономические гармонии : избранное [Текст] / Ф. Бастиа. – М. : ЭКСМО, 2007. – 1200 с.

12. Батай, Ж. Проклятая доля [Текст] / Пер. с фр. – М. : Гнозис; Логос, 2003. – 208 с.
13. Безработных в России уже 6,5 млн, осенью страну ждёт новый сезон увольнений [Электронный ресурс] // NEWSru.com 31.03.2009. – Файл HTML. – Режим доступа (на 21.04.2009): <http://www.newsru.com/finance/31mar2009/mot.html> свободный.
14. Белинский, В.Г. Крылатые афоризмы, мысли, шутки, цитаты великих людей [Электронный ресурс] – Документ HTML – Режим доступа (на 10.03.2009): <http://fraznik.ru/aw/968.html>, свободный.
15. Бережной, В.Н. Человек и его потребности [Электронный ресурс] / Под ред. В.Н. Диденко – Электронная версия издания. – Документ HTML. – М. : Форум. – 2000. Режим доступа (на 10.02.2009) / <http://lib.vvsu.ru/books/servis/>, свободный.
16. Благова, Э. Старославянский словарь. (По рукописям X-XI веков) [Текст] / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.
17. Богомолов, А.С. Античная философия [Текст] / А.С. Богомолов. – М. : Изд-во моск. ун-та, 1985. – 368 с.
18. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Пер. с фр. и сопроводит. ст. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 1999. – 222 с.
19. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] / Проект – Большая Советская энциклопедия для всех. – Электронная версия издания. – Режим доступа (на 10.03.2009): <http://www.bigsoviet.org/>, свободный.
20. Большой Латинско-Русский словарь [Электронный ресурс] / по материалам словаря И.Х. Дворецкого. – Режим доступа (на 10.03.2009): <http://linguaeterna.com/vocabula/>, свободный.
21. Большой французско-русский и русско-французский словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа (на 10.03.2009): http://dic.academic.ru/contents.nsf/fre_rus/, свободный.
22. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь [Текст] / А.Б. Борисов. –

М. : Книжный мир, 1999. – 895 с.

23. Брюсов, В.Я. Труд [Электронный ресурс] / В.Я. Брюсов. – Режим доступа (на 10.03.2009): http://slova.org.ru/briusov/trud_v_mire_slov/, свободный.

24. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства [Текст] / Булгаков Сергей. – NEW YORK: CHALIDZE PUBLICATIONS, 1982. – 330 с.

25. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. [Текст] / Под ред. А.Л. Субботина – М. : Мысль, 1977. – Т. 1. – 567 с.

26. Вардомацкий, А.П. Сдвиг в ценностном измерении [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – Электрон. версия издания. – Документ PDF (133 Кб). – 1993. – № 3. – С. 46-55. – Режим доступа (на 22.10.2010): <http://www.ecsocman.edu.ru/data/117/930/1219/006Vardomatskij.pdf>, свободный.

27. Васильков, А.Н., Тяжов, А.И. Социально-экономические формы капитала в современном рыночном хозяйстве [Текст] // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Науч.-метод. журн. Серия Экономические науки: Проблемы новой политической экономии – 1999. – № 3. – С. 19-29.

28. Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст] / Пер. с нем. Под ред. Е.Н. Балашова. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.

29. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / Пер. с нем. Под ред. Н.Л. Шестерниной, Н.В. Вербицкой. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

30. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Перевод с английского. / Общая редакция д.э.н. В.В. Мотылева. – М. : Прогресс. 1984. – 368 с.

31. Вишняк, А.И. Личность: соотношение трудового потенциала и системы потребностей (социологический анализ) [Текст] / А.И. Вишняк. – Киев, Наукова думка, 1986. – 106 с.

32. Вольтер, Ф-М. Философские повести: Новеллы. Из «Философского словаря»: Статьи, памфлеты [Текст] / Пер. с фр. : Вст. статья С. Артамонова. Коммент. А. Михайлова, Д. Михальчи, А. Коробочко, Б. Рамма. – М. : Изд. Эксмо; РИЦ «Литература», 2002. – 656 с.

33. ВП СССР. Диалектика и атеизм: две сути не совместны [Текст] / ВП

- СССР. – Новосибирск : Изд. НУДО ИКА, 2001. – 426 с.
34. ВП СССР. Концепция общественной безопасности «Мёртвая вода» [Текст] / ВП СССР. – Новосибирск : Издательство «НУДО ИКА», 2000. – 308 с.
35. ВП СССР. Краткий курс [Текст] / ВП СССР. – Новосибирск : Издательство «НУДО ИКА», 2000. – 300 с.
36. ВП СССР. Народнохозяйственные аспекты жизнеречения [Текст] / ВП СССР. – Новосибирск: Издательство «НУДО ИКА», 2001. – 136 с.
37. Вступление [Электронный ресурс] / Совет Московской общественной организации "Грамота Жизни". – Документ HTML. – Режим доступа (На 11.03.2009): <http://gramota.org/vctuplenie.html> свободный.
38. Гегель, Г-В-Ф. Философия права [Текст] / Редакторы и составители тома Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
39. Гельвеций, К.А. Сочинения в 2 т. [Текст] / Сост., общая ред. и вступ. статья Х.К. Момджяна. – М. : Мысль, 1973. – Т. 1. – 647 с.
40. Гесиод. Полное собрание текстов [Текст] / Под ред. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. – М. : Лабиринт, 2001. – 256 с.
41. Гибало, Н.П. Экономическая мысль в ретроспективе: В 3-х т [Текст] / Н.П. Гибало. – Тамбов, М., СПб., Баку, Вена : Изд-во «Нобелистика», 2004. – Т. 1. – 202 с.
42. Гольбах, П.А. Избранные произведения: в 2 т. [Текст] / Перевод с французского И.С. Юшкевича / Под общ. Ред. К.Х. Момджяна. – М. : Мысль, 1963. – Т. 1 – 715 с.
43. Гумилёв, Н.С. Слово [Электронный ресурс] / Н.С. Гумилёв. – Режим доступа (на 10.03.2009): <http://www.gumilev.ru/verses/24/> свободный.
44. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп [Текст] / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
45. Де Либера, А. Средневековое мышление [Текст] / Пер. с франц. О.В. Головы, А.М. Руткевича. – М. : Праксис, 2004. – 368 с.
46. Делеплас, Г. Лекции по истории экономической мысли [Текст] / Перевод

- с французского Н. Шехтман, И. Блам. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. – 331 с.
47. Дидро, Д. Племянник Рамо [Электронный ресурс] / Д. Дидро. – Документ html. – Режим доступа (на 16.06.2009): <http://philosophy.allru.net/perv129.html> свободный.
48. Долан, Э. Экономикс [Текст] / Э. Долан, Д. Линдсей. – М. : Дело Лтд, 2003. – 896 с.
49. Дракер, П. Посткапиталистическое общество [Текст] // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 632 с.
50. Дубина, И.Н. Эволюция труда: от принуждения к творчеству [Электронный ресурс] / И.Н. Дубина. – Режим доступа (на 11.03.2009): http://www.portalus.ru/modules/philosophy/show_archives.php?subaction=showfull&id=1108681737&archive=0212&start_from=&ucat=1& свободный.
51. Дынкин, А.А. Конкурентноспособность России в глобальной экономике [Текст] / А.А. Дынкин, Ю.В. Куренков, Ю.Л. Адно // Под ред. А.А. Дынкина. – М. : Международные отношения, 2003. – 376 с.
52. Дынник, М.А. Материалисты Древней Греции [Текст] / М.А. Дынник. – М. : Издательство политической литературы, 1955. – 240 с.
53. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда: метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм ; изд. подгот. А. Б. Гофман. – М. : Наука, 1991. – 574 с.
54. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности [Текст] / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
55. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека [Текст] / Пер. с нем. – М. : Наука, 1994. – 443 с.
56. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества [Текст] / В.Л. Иноземцев. – М. : Academia – Наука, 1998. – 614 с.
57. Иноземцев, В.Л. К теории постэкономической общественной формации [Текст] : тексты 1986-1991 г. / В. Л. Иноземцев; под общ. ред. А.И. Антипова. Испр. и перераб. – М. : Таурус, 1995. – 332 с.

58. Каверин, С.Б. Акмеологическая теория потребностей [Текст] : Монография / С.Б. Каверин. – Тамбов: издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 300 с.
59. Каган, М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) [Текст] / М.С. Каган. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 328 с.
60. Каменецкий, В.А. Капитал (от простого к сложному) [Текст] / В.А. Каменецкий, В.П. Патрикеев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2006. – 583 с.
61. Каменецкий, В.А. Труд [Текст] / В.А. Каменецкий, В.П. Патрикеев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2004. – 590 с.
62. Кампанелла, Т. Город Солнца [Текст] / Томазо Кампанелла ; Пер. с латин. и коммент. Ф. А. Петровского; Пер. прил. М. Л. Абрамсон и др.; Вступ. ст. В. П. Волгина; АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 228 с.
63. Кант, И. Всеобщая естественная история и теория неба [Текст] // И. Кант. Сочинения: в 6 т [Текст] / [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др.] ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1963. – Т.1. – 543 с.
64. Кант, И. Критика способности суждения Пер. с нем. [Текст] / И. Кант ; Вступ. ст. А. Гулыги. – М. : Искусство, 1994. – 367с
65. Кант, И. Приложение к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» [Текст] // И. Кант. Сочинения: в 6 т [Текст] / [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др.] ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1964. – Т.2. – 511 с.
66. Карл Маркс и современная философия: Сб. Материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса [Текст] / Главный редактор – А.Бузгалин. – М. : ИФ РАН, 1999, 380 с.
67. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. – М. : Издательство «Прогресс», 2001. – 310 с.
68. Кирсанов, К.А. Теория труда [Текст] / К.А. Кирсанов, В.П. Буянов, Л.М. Михайлов – М. : «Экзамен», 2003. – 416 с.
69. Козловски, П. Прощание с марксизмом-ленинизмом [Текст] / П. Козлов-

ски. – СПб. : Эконом. школа, 1997. – 78 с.

70. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) [Текст] / КПСС ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Политиздат, 1986. – т. 10. – 494 с.

71. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше [Текст] / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. д. ф. н. В. В. Васильева. – М.: Республика, 2004. – 542 с.

72. Котта, А. Капитализм. Рыночная экономика [Текст] / А. Котта, Ж. Ривуар. – М. : АНОР, 1995. – 200 с.

73. Кузьмин, В.Л. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса [Текст] / В.Л. Кузьмин. – М. : Политиздат, 1986. – 400 с.

74. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада [Текст] / Пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.

75. Левин, К. Теория поля в социальных науках [Текст] / К. Левин. – СПб. : «Сенсор», 2000. – 368 с.

76. Ленин, В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 33. – 434 с.

77. Ленин, В.И. Лучше меньше, да лучше [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – Т. 45. – 730 с.

78. Ленин, В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 1. – 664 с.

79. Ленин, В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб. 1894 г. [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 1. – 664 с.

80. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд., стер. – М. : Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
81. Леонтьев, В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика [Текст] / В. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
82. Лесной, С. Откуда ты Русь? [Текст] / С. Лесной – Р-н-Д.; Донское слово 1995. – 349 с.
83. Лисичкин, Г.С. Тернистый путь к изобилию [Текст] / Г.С. Лисичкин – М. : Советский писатель, 1986. – 608 с.
84. Лурье, С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования [Текст] / С.Я. Лурье. – Л. : Наука, 1970. – 664 с.
85. Магун, В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности [Текст] / В. С. Магун ; под ред. В. А. Ядова. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1983. – 176 с.
86. Майбурд, В.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / В.М. Майбурд – М. : Дело., 2000. – 560 с.
87. Макконнелл, К.Р. Экономикс [Текст] : Принципы, проблемы и политика: Пер. с англ. 14-го изд. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 928 с.
88. Маркс, К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т.– М. : Государственное издательство политической литературы, 1968. – Т. 13. – 772 с.
89. Маркс, К. Капитал [Текст] Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 23. – 908 с.
90. Маркс, К. Капитал [Текст] Т. 3. Ч. I. / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 25. Ч. I. – 546 с.
91. Маркс, К. Капитал [Текст] Т. 3. Ч. III. / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочине-

- ния в 50 т.– М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. – Т. 25. Ч. II. – 552 с.
92. Маркс, К. Капитал [Текст] Т. 4. Ч. II. / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 26. Ч. II. – 704 с.
93. Маркс, К. Критика готской программы [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 19. – 670 с.
94. Маркс, К. Критика политической экономии (Рукопись 1857-58 гг.) [Текст] Ч. I / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т.– М. : Государственное издательство политической литературы, 1968. – Т. 46, Ч. I. – 559 с.
95. Маркс, К. Критика политической экономии (Рукопись 1857-58 гг.) [Текст] Ч. II / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1969. – Т. 46, Ч. II. – 618 с.
96. Маркс, К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. Т. 19. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – 670 с.
97. Маркс, К. Наёмный труд и капитал [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения в 3 т. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – Т. 1. – 640 с.
98. Маркс, К. Немецкая идеология [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.
99. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.
100. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – 535 с.
101. Маркузе, Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого

- индустриального общества [Текст] / Маркузе Герберт; [Пер. с англ. А. Юдина, Ю. Данько; Под ред. А. Жаровского]. – М. : REFL-BOOK, 1994. – 342 с.
102. Маслоу, А.Г. Мотивация и личность [Текст] / А.Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
103. Михайлов, В.В. Капитал и трансформационные процессы на российских предприятиях : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.01 Кострома, 2006 – 137 с. : 61 06-8/2366.
104. Михайлов, Н.Н. Потребности личности: Проблемы формирования [Текст] / Н.Н. Михайлов. – Челябинск : Изд-во ЧелГПИ, 1981. – 99 с.
105. Михайлова, Т.М. Труд как историко-философская проблема [Текст] / Т. М. Михайлова. – М. : Academia, 1998. – 91 с.
106. Момджян, К.Х. Социум. Общество. История [Текст] / Момджян К.Х. – М. : Наука, 1994. – 239 с.
107. Мор, Т. Утопия [Текст] / Томас Мор ; Под общ. ред. и вступ. ст. В. П. Волгина ; Пер. с латин. и коммент. А.И. Малеина, Ф.А. Петровского; АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 295 с.
108. Мостовая, Е.Б. Основы экономической теории [Текст] / Е.Б. Мостовая. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. – 496 с.
109. Мунье, Э. Что такое персонализм? [Текст] / Эммануэль Мунье ; Пер. И. С. Вдовиной. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 1994. – 126 с.
110. Мухин, Ю.И. Убийство Сталина и Берия: научно-историческое расследование [Текст] / Ю.И. Мухин. – М. : Крымский мост-9Д, Форум, 2002. – 731 с.
111. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека [Электронный ресурс] / Перевод с сокращениями работы Льюиса Мэмфорда: Mumford L. Technics and the Nature of Man. – In: Philosophy and Technology. Free Press, N. Y., 1972. – Документ НТМ. – Режим доступа (на 14.06.2009): <http://philosophy.mit.edu/memford2.htm> свободный.
112. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. // Сочинения, в 2 т. М.: РИПОЛ-Классик, 1997. – Т. 2. – 863с.

113. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология [Текст] / Под общ. ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
114. Нуреев, Р.М. Курс микроэкономики. [Текст] / Р.М. Нуреев. – М. : НОРМА–ИНФРА-М, 2003. – 572с.
115. Нуреев, Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций [Текст] : (Диалектика производительных сил и производственных отношений) / Р. М. Нуреев. – Душанбе : Дониш 1989. – 244,[1] с.
116. Обуховский, К. Психология влечений человека [Текст] / К. Обуховский ; Пер. с пол. В.И. Могилева. – М. : Прогресс, 1972. – 247 с.
117. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Издательство "Азъ", 1992. – Электронная версия издания. – Документ txt. – Доступ (на 11.03.2009): <http://lib.ru/DIC/OZNEGOW/> свободный.
118. От просвещения к предромантизму [Текст] : Шиллер Ф. Лирика. Дон-Карлос. Письма о Доне Карлосе; Гёте И.В. Лирика. Фауст. Страдания юного Вертера / Пер. с немецкого. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 640 с.
119. Петти, В. Трактат о налогах и сборах [Текст] / В. Петти // Экономические и статистические работы, т. I и II / Перевод под ред. М. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
120. Платон. Сочинения в 3 т [Пер. с древнегреч.] / Платон ; [Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса]; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. I. – 687 с.
121. Платонов, С. После коммунизма: книга, не предназначенная для печати [Текст] / С. Платонов. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 555, [2] с.. М.: Молодая гвардия, 1989. – 256 с.
122. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т [Пер. с древнегреч.] / Сост., вступ. ст. и примеч. М.Томашевской. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – 608 с.
123. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. [Текст] / К.Р. Поппер ; Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М. : Междунар. фонд "Культ. инициатива" – SOROS FOUNDATION (USA), 1992 – Т. 2 – 487 с.

124. Прохоров, С.И. Промышленность и транспорт Горьковской области 1917-1957 [Электронный ресурс] / С.И Прохоров. – Горький : Горьковское книжное издательство, 1958 г. – Электронная версия издания. – Документ HTML. – Режим доступа (на 02.06.2009): <http://www.detskiysad.ru/raznlit/transport04.html> свободный.
125. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь – 2-е изд., исправ. [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Б.Б. Стародубцева – М. : ИНФРА-М, 1998. – 479 с.
126. Рофе, А.И. Теоретические представления о труде [Текст] // Труд и социальные отношения, – 2005. – 1. – с. 49-56.
127. Рофе, А.И. Теоретические представления о труде [Текст] // Труд и социальные отношения, – 2005. – 2. – с. 27-36.
128. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. [Текст] / Сост., авт. коммент. и послесл. К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 2. – 323с.
129. Руссо Ж.Ж. О причинах неравенства [Текст] // Антология мировой философии: в 4 т. / Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / [Ред.-сост. В. В. Соколов]. – АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1970. – 776 с.
130. Самсин, А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей [Текст] / А.И. Самсин. – М. : Высшая школа, 1987. – 158 с.
131. Сартр, Ж. Бытие и ничто. (опыт феноменологической онтологии) [Текст] / Перевод с французского и примечания В.И. Колядко. – М. : Издательство «Республика», 2000. – 639 с.
132. Семёнов, Ю.И. Философия истории: от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции [Электронный ресурс] / Ю.И. Семёнов. – М., Старый сад, 1999. – Электронная версия издания. – Документ HTML. – Режим доступа (на 11.03.2009): <http://mx.esc.ru/~assur/oct/semenov/> свободный.
133. Сен-Симон, А. Избранные сочинения [Текст] в 2 т. / Анри Сен-Симон; Пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина; Вступ. ст. В. П. Волгина; АН

СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1. – 468 с.

134. Симонов, П.В. Лекции о работе головного мозга [Текст]: Потребностно-информ. теория высшей нервной деятельности / Симонов П.В. ; Рос. акад. наук, Ин-т психологии, Ин-т высшей нервной деятельности и нейрофизиологии. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 94 с.

135. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов: [пер. с англ.] [Текст] / А. Смит ; [предисл. В. С. Афанасьева]. – М. : Эксмо, 2007. – 956 с.

136. Соболева, И.В. Социальная ответственность бизнеса – глобальный контекст и российские реалии [Текст] // Вопросы экономики, – 2005. – №10. – с. 90-102.

137. Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации [Текст] / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.

138. Соловьев, В.С. Философские начала цельного знания [Текст] // Сочинения: В 2 т. / Соловьев Владимир Сергеевич; [Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др.]; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1990. – 824 с.

139. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / Сорокин П.А.; [Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

140. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские [Электронный ресурс] / Пер. с английского под ред. Я.А. Рубакина. – Документ ТХТ. – Режим доступа (на 02.07.2009): <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/oputy1.txt> свободный.

141. Сталин, И.В. Экономические проблемы социализма в СССР [Текст] // И.В. Сталин. Сочинения в 18 т. / Под ред. Р.И. Косолапова. – М. : Издательство «Писатель», 1997. – Т. 16. – 466 с.

142. Табакаев, Ю.В. Становление понятия труд как философской категории [Текст] / Табакаев Юрий Васильевич. – Горно-Алтайск: [б. и.], 1997. – 144 с.

143. Тараткевич, М.В. Человек. Среда. Потребности : Диалектика формиро-

- вания разумных потребностей [Текст] / М.В. Тараткевич. – Минск, Беларусь, 1980. – 271 с.
144. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента [Текст] / Тейлор Фредерик Уинслоу; Пер. с англ. А. И. Зак. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с.
145. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий: [Избр. работы] [Текст] / Б.М. Теплов – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 536 с.
146. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер: [Перевод с английского]. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
147. Уинстэнли, Дж. Закон свободы [Электронный ресурс] / Джерард Уинстэнли. – Документ HTML. – Режим доступа (на 14.06.2009): <http://www.krotov.info/history/17/uinsten.html> свободный.
148. Ушаков, П.В. Человек в современном знании и мистических практиках: в 2 книгах [Текст] / П.В. Ушаков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Кн. 1. – 148 с.
149. Ушакова, Е.В. Общая теория материи (основы построения): в 3 ч. [Текст] / Е.В. Ушакова. – Барнаул: Алтайское отделение Философского общества РАН, Алтайский государственный аграрный университет, 1992. – Ч. 1. – 130 с.
150. Ушакова, Е.В. Системная философия и системно-философская научная картины мира на рубеже третьего тысячелетия: в 2 ч. [Текст] / Е.В. Ушакова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1998. – Ч. 1. – 250 с.
151. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. [Текст] / Редактор В. Козерук. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 2. – 944 с.
152. Филиппов, В.Н. Философия труда и капитала в дихотомии «социализм-капитализм» [Текст] / В.Н. Филиппов – Барнаул : Алтай, 2005. – 432 с.
153. Философский словарь [Текст] / Под ред. И.Т. Фролова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 720 с.
154. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Редкол. : С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. – М. : Сов. Энцикло-

педия, 1989. – 815 с.

155. Фрейд, З. «Я» и «Оно» : Труды разных лет: в 2 т. Пер. с нем. [Текст] / З. Фрейд. – Тбилиси, : Мерани, 1991. – Т. 2. – 427 с.

156. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм; [Пер. Э.М. Телятникова; Науч. ред. П.С. Гуревич, С.Я. Левит]. – М. : АСТ, 1998. – 670 с.

157. Фуко, М. Слова и вещи : археология гуманитар. наук : пер. с фр. [Текст] / М. Фуко ; вступ. ст. Н. С. Автономовой. – М. : Прогресс, 1977. – 488 с.

158. Фурье, Ш. Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях [Текст] // Избранные сочинения в 2-х т. / Под общ. ред. А. Дворцова. Пер. И. А. Шапиро. – М.: Соцэкгиз, 1939. – Т.2. – 466 с.

159. Хайман, Д.Н. Современная микроэкономика: анализ и применение: В 2-х т. [Текст] / Д.Н. Хайман – СПб.: Эконом. школа, 2005. – Т.2. – 481 с.

160. Хикс, Дж. Р. Стоимость и капитал: Пер. с англ. [Текст] / Хикс Джон Ричард ; Общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Энтова. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 488 с.

161. Чангли, И.И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования [Текст] / И.И. Чангли. – М. : ЦСП, 2002. – 452 с.

162. Чангли, И.И. Философские аспекты труда [Текст] / И.И. Чангли – М. : Знание ,1981. – 64 с.

163. Чекмарёв, В.В. Книга об экономическом пространстве [Текст] / В.В. Чекмарёв – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, – 2001. – 341 с.

164. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер ; пер. А.Н. Малинкина – СПб. : Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.

165. Шопенгауэр, А. О четвероюм корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии [Текст] / А. Шопенгауэр ; Пер. с нем. Ин-т философии. – М. : Наука, 1993. – 672 с.

166. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа: в 3 т. [Текст] / Й.А.

Шумпетер ; Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. – СПб. : Экономическая школа и др., 2001. – 494 с.

167. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития: (исслед. предпринимат. прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) [Текст] / Й. Шумпетер ; пер. с нем. В.С. Автономова [и др.]. – М. : Прогресс, 1982. – 453 с.

168. Экономическая теория. Хрестоматия [Текст] / Сост., коммент., словарь, предм. указ. – Е.Ф. Борисов. – М. : Высш. шк., 2002. – 448 с.

169. Эмерсон, Г. Двенадцать принципов производительности [Текст] / Гаррингтон Эмерсон. – М.: Бизнес-Информ, 1997. – 198 с.

170. Энгельс, Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – 700 с.

171. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Сочинения в 50 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 19. – 670 с.

172. Bell, D. The coming of Post-Industrial Society : A Venture in Social Forecasting (Harper Colophon Books) [Текст] / D. Bell. – N.-Y. : Basic Books, Inc., Publishers, 1973. – 507 p.

173. Garegnani, P. On Hollander's interpretation of Ricardo's early theory of profits [Текст] // Cambridge Journal of Economics, 1982, V. 6. – p. 65-77.

174. Hollander, S. Studies in Classical Political Economy : II The Economics of David Ricardo [Текст] / S. Hollander. – Toronto : UTP and London : Heinemann, 1979. – 759 p.

175. Hornby, A.S. Oxford student's dictionary of current English. Moscow; Oxford, 1984.

176. Ich spiele doch nicht den Engels: Rudolf Hickel und Paul Nolte über die Irrtümer des Marxismus und Alternativen zur Globalisierung [Текст] // Der Spiegel 36/2005 (5.9.2005). – S. 98-102.

177. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch [Электронный ресурс] – Режим до-

ступа (на 13.03.2009): <http://www.langenscheidt.de/> свободный.

178. Melamine Contaminated Food May Cause Birth Defects [Электронный ресурс] // The epoch times 06.11.2009. – Электронная версия издания. – Документ HTML. – Режим доступа (на 02.06.2009): <http://www.theepochtimes.com/n2/china/melamine-birth-defects-6811.html> свободный.

179. Obama, B. The Audacity of Hope [Электронный ресурс] / B. Obama. – Электронная версия издания – Документ PDF. Режим доступа (на 19.02.2009): <http://www.randomhouse.com/crown/barackobama/> свободный.

180. Ohmae, K. The Mind of The Strategist: The Art of Japanese Business [Текст] / K. Ohmae, – London : MIT Press, 1994. – 307 p.

181. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа (на 13.03.2009): <http://www.etymonline.com/> свободный.

182. Oresme, N. Tractatus de origine, natura, jure et mutationibus monetarum [Электронный ресурс] / N. Oresme. – Документ HTML. – Режим доступа (на 12.03.2009): <http://phare.univ-paris1.fr/textes/Oresme/Tractatus.html> свободный.

183. The Global Competitiveness Report 2002–2003 [Текст] / World Economic Forum / Edit P. Cornelius, K. Schwab, M.E. Porter. – Oxford University Press, USA, 2003. – 696 p.